

ПУБЛИКАЦІЇ

Черных Л.А., Николова А.В.

КУРГАНЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА-БРОНЗЫ У с. ПЕРВОМАЕВКА НА ХЕРСОНЩИНЕ

Реферат: Вводятся в научный оборот материалы эпохи энеолита-бронзового века из шести курганов у с. Первомаевка на Херсонщине, раскопанных Краснознаменной экспедицией Института археологии АН УССР в 1981 г. Анализируются стратиграфические данные курганов. Рассматривается культурная принадлежность и особенности обрядов выделенных групп погребений, особое внимание уделено двум погребениям ингульской катакомбной культуры, содержащим захоронения с моделированным черепом и с комплексом орудий для металлопроизводства.

Ключевые слова: Нижнее Поднепровье, курган, погребение, стратиграфия, археологические культуры энеолита – бронзового века, моделировка лица по черепу, кузнечно-литейный инструментарий.

В Нижнем Поднепровье многолетними работами Краснознаменной археологической экспедиции Института археологии АН УССР (ныне ИА НАНУ) под руководством Г.Л. Евдокимова¹ раскопаны многочисленные курганные могильники, располагавшиеся по обоим берегам Днепра. В результате исследований накоплен значительный, а в ряде случаев уникальный, материал для изучения эпохи энеолита – бронзы, лишь небольшая часть которого была введена в научный оборот. Так, серия публикаций Г.Л. Евдокимова была посвящена кратким предварительным сообщениям о раскопках экспедиции в “Археологических открытиях” разных лет; кроме того, в ряде тематических статей освещались отдельные погребальные комплексы или культурно-хронологические группы памятников [напр.: Евдокимов, Рассамакин 1988]; значительно реже осуществлялись публикации целых курганных групп или отдельных курганов в рамках локальной территории [Евдокимов и др. 2010; Николова и др. 2011]. Большая часть полученных материалов экспедиции пока остается неизданной. Введение в научный оборот археологических данных, добытых раскопками не только Краснознаменной, но и другими экспедициями более чем 10-30-летней давности является очевидной и актуальной в настоящее время задачей, тем более, что со временем происходит утрата данных как в фондах Института археологии и музеев, так и документов в Научном архиве ИА НАНУ и личных архивах археологов.

Сказанное относится и к результатам исследований экспедиции 1981 г., проведенных в зоне оросительных систем в Верхне-Рогачикском р-не Херсонской обл. Раскопки проводились на землях совхоза “Рогачик” – в 3,25-5,37 км к югу от с. Первомаевка (рис. 1). По данным Г.Л. Евдокимова здесь к моменту полевых исследований насчитывалось не менее 40 курганов высотой от 0,6 до 6 м, входивших в состав шести компактных курганных групп [Евдокимов и др. 1981; Евдокимов 1987, с. 107]. Группы курганов располагались на самых возвышенных участках высокого плато левого берега р. Днепра, (рис. 2): пять из них (к. гр. I – V) – слева от трассы Каменка-Днепровская – Каховка, одна (к. гр. VI) – справа от этой трассы. В сезоне 1981 г. в составе этих курганных групп было исследовано 15 курганов, из которых шесть являлись скифскими, девять были возведены над погребениями энеолита – бронзового века, причем три из них относились к периоду белозерской культуры. Материалы раскопок частично опубликованы в работах Г.Л. Евдокимова, где представлены курганы скифского и белозерского времени [Евдокимов 1987; Евдокимов, Фридман 1987; 1991]. В

¹ В работе экспедиции принимали активное участие Я.П. Гершкович, А.В. Николова, А.Г. Порущкий, А.В. Симоненко.

настоящей работе публикуются остальные (наиболее ранние) курганы эпохи энеолита – бронзового века: всего шесть курганов, входивших в состав трех курганных групп – I, II и III.

Курганы раскапывались на снос по всей площади насыпей с помощью землеройной техники методом параллельных траншей, углубленных до уровня материкового суглинка с оставлением контрольных бровок между ними. Глубины впускных погребений фиксировались от условного “0”, основных – от уровня древнего горизонта (далее – ДГ). Антропологические определения выполнены А.Г. Поруцким.

Рис. 1. Карта местоположения с. Первомаевка

Fig. 1. Location of the village of Pervomaevka

Курганная группа I

Располагалась в 3,25-3,75 км к Ю от с. Первомаевка, слева от трассы Каменка-Днепровская. В группе насчитывалось 11 курганов, сосредоточенных возле доминирующего кургана № 1 эпохи бронзы (рис. 2)². Расстояние между курганами от 50 м до 200 м. Высота курганов от 3 до 0,5 м. Из раскопанных шести курганов один являлся скифским (№ 4), два – белозерского времени (№№ 5 и 6). Начало возведения трех курганов относится к эпохе энеолита – ранней бронзы (№№ 1, 2, 3). Все насыпи подвергались интенсивной распашке.

Курган № 1

Насыпь высотой 3 м была овальной в плане, вытянутой по оси восток-запад, длиной 53 м. Ширина ее в восточной части – 39 м, в западной – 33 м. Вокруг кургана наблюдалась широкая ложбина от выемки грунта. За условный центр кургана была выбрана наиболее высокая точка, находившаяся в восточной части насыпи.

² На ситуативном плане экспедиции в составе группы отмечены только 9 курганов.

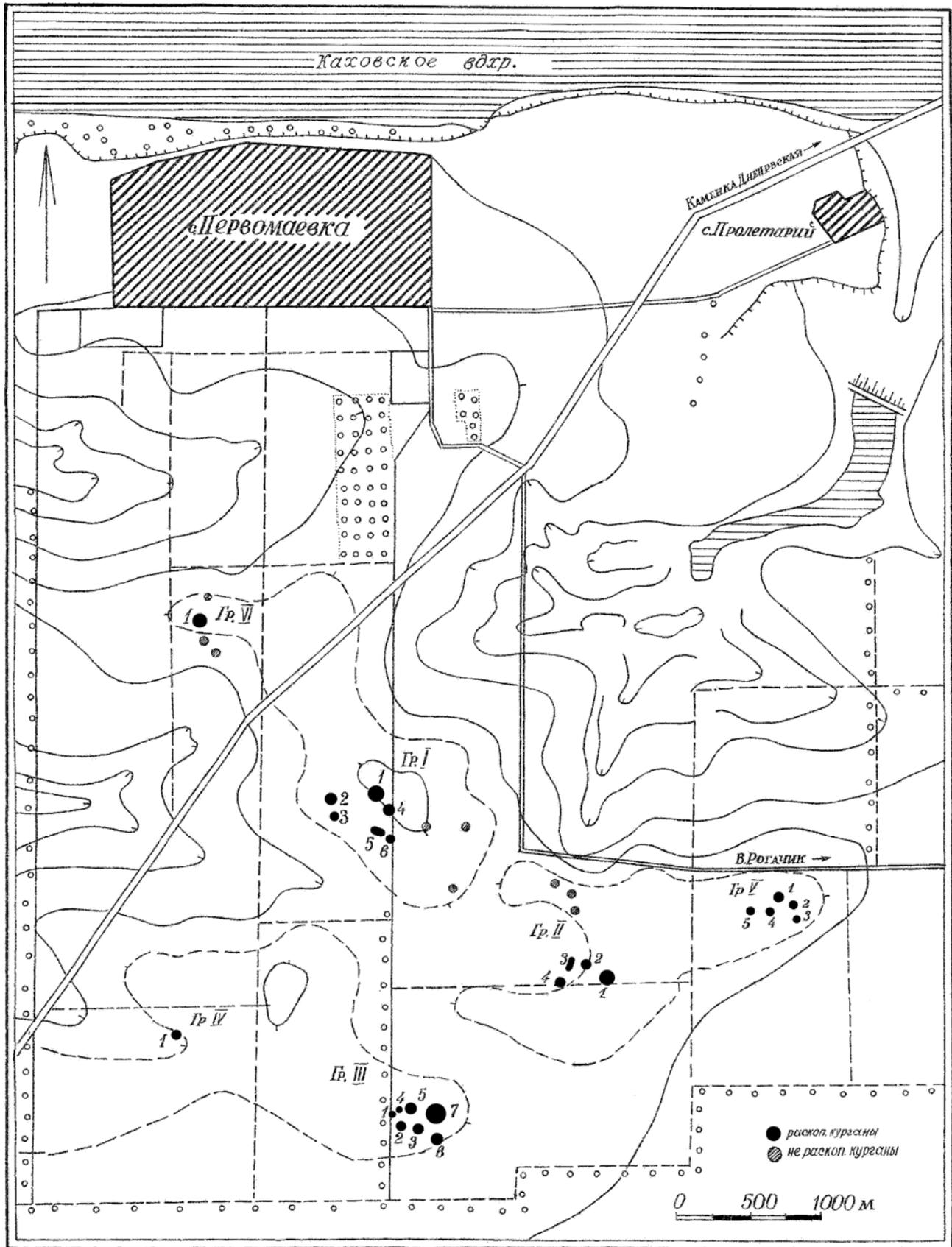

Рис. 2. Схема расположения курганных групп у с. Первомаевка

Fig. 2. Layout of kurgan groups near the village of Pervomaevka

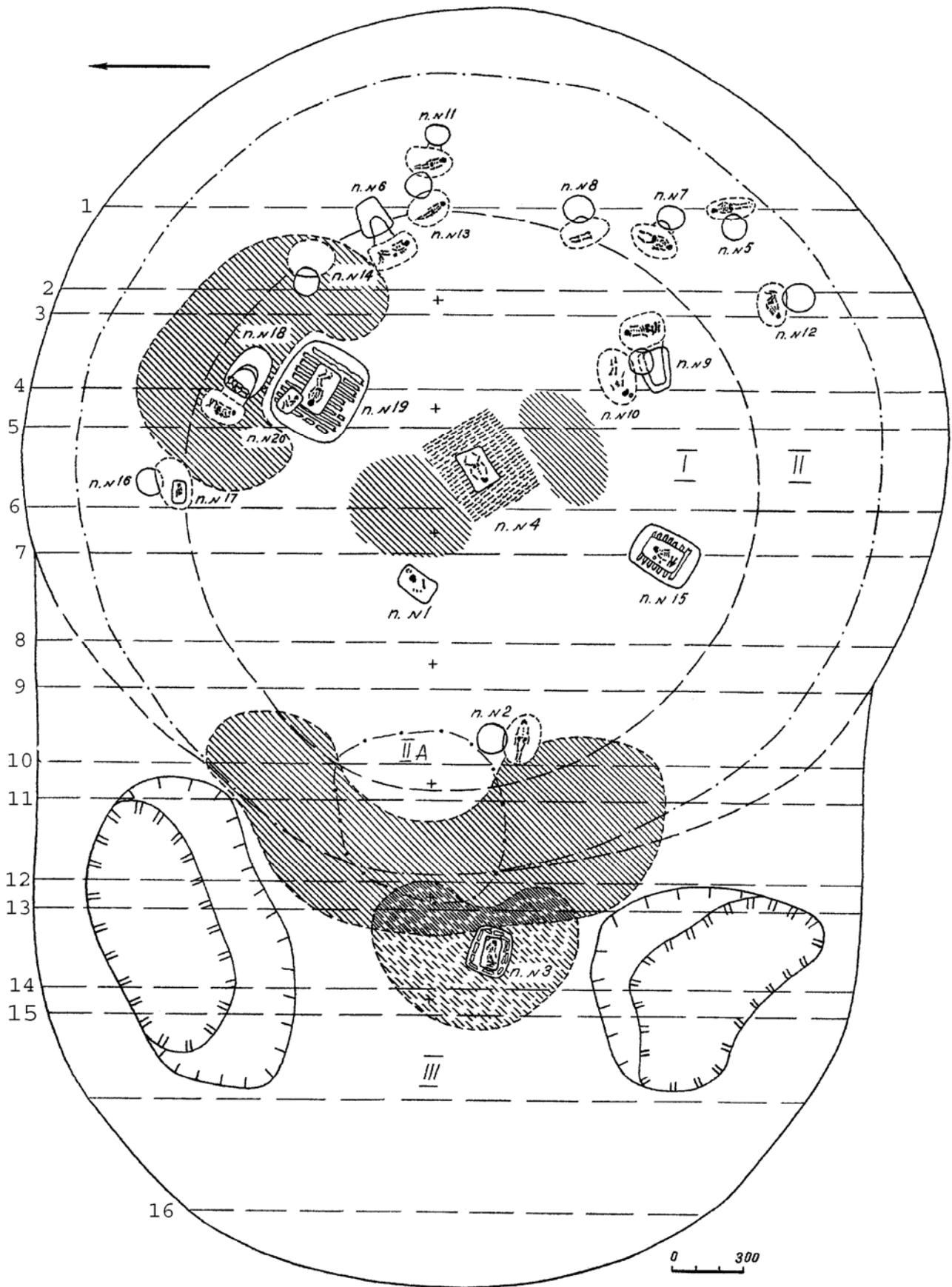

Рис. 3. Курганная группа I, к. 1: общий план

Fig. 3. Kurgan Group I, kurgan 1: general plan

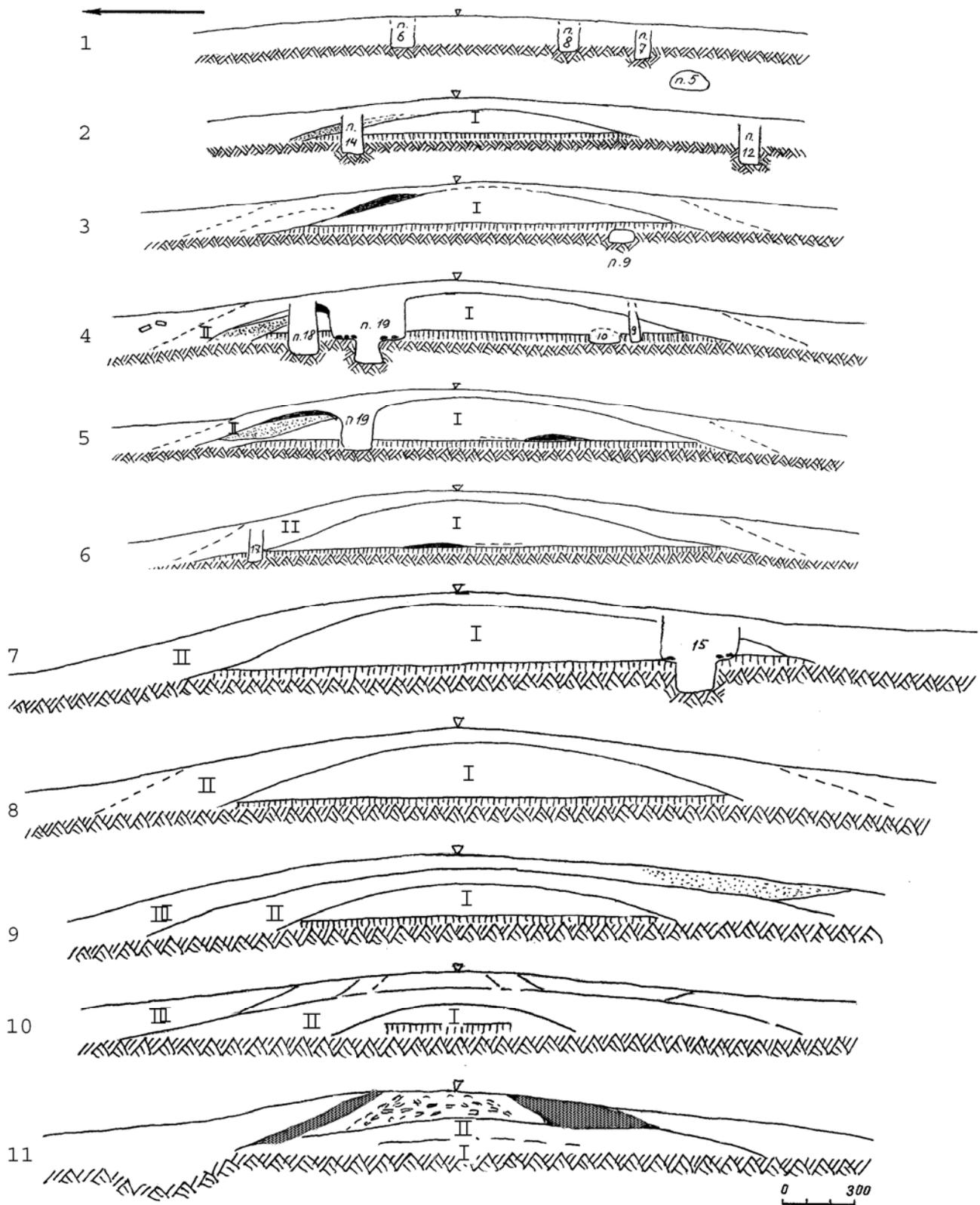

Рис. 4. Курганная группа I, к. 1: 1-11 – профили бровок

Fig. 4. Kurgan Group I, kurgan 1: 1-11 – stratigraphic profile

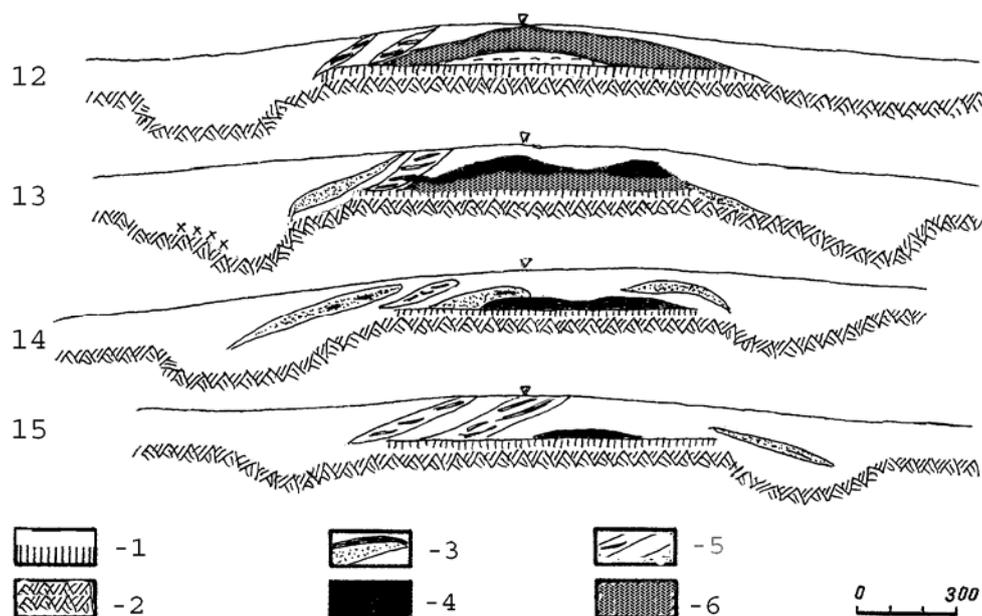

Рис. 5. Курганная группа I, к. 1: 12-15 – профили бровок

Условные обозначения: 1 – погребенный чернозем; 2 – материк; 3 – двухслойный выкид из п. 19; 4 – глиняные выкиды из пп. 3 и 4; 5 – слои мешаного грунта в структуре 3-й насыпи; 6 – слои глины в структуре 3-й насыпи

Fig. 5. Kurgan Group I, kurgan 1: 7-15 – stratigraphic profile

Legend: 1 – buried humus; 2 – natural strata; 3 – two-layer hillock of dug-out soil from Grave 19; 4 – clay hillocks from Graves nos. 3, 4; 5 – layers of mixed soil strata in the 3rd mound; 6 – clay layers in the 3rd mound

Стратиграфия кургана

В кургане исследовано 20 погребений эпохи бронзы (рис. 3): 3 – ямных (№№ 4, 15, 19), 13 катакомбных (№№ 2, 5-14, 16, 18), 2 бабинских (№№ 17, 20), 2 срубных (№№ 1, 3). По 15 профилям центральной и боковых бровок прослежены три последовательных этапа сооружения насыпи³.

Первый этап был связан с ямным погребением 4, находившимся в центре его восточной части. Первичная насыпь высотой 2,4 м диаметром около 25-26 м имела рыхлую пеструю структуру, состоявшую из комковатого грунта коричнево-черного цвета. Насыпь перекрывала материковый выкид из ямы мощностью до 0,35 м, лежавший на ДГ двумя широкими валами (шириной 3,8 м и 2,7 м) вдоль длинной оси погребения с юго-восточной и северо-западной стороны от него (рис. 3; рис. 4, 5, 6). Под первой насыпью на глубине 3 м от “0” сохранилась округлая площадка ДГ, практически равная диаметру первичной насыпи. Мощность погребенного чернозема составляла 0,4 м, ниже начинался слой материкового суглинка. За пределами насыпи по ее окружности поверхность ДГ была скрыта, здесь же начиналось понижение уровня поверхности материкового суглинка. Судя по этим наблюдениям, возведение первичной насыпи производилось из кусков дерна с редкими включениями комков материковой глины, которые брались на месте вокруг намеченной округлой площадки подкурганного пространства.

Второй этап строительства кургана был связан с ямным погребением 19, впущенным в северо-восточный сектор первичной насыпи. Выкид из могилы максимальной мощностью 0,8 м широким полукольцом протяженностью около 11 м, шириной более 4,6 м лежал с северо-восточной стороны от погребения 19 на склоне 1-й насыпи и у ее подошвы (рис. 3;

³ На чертежах все восточные профили представлены в зеркальном отражении, номера профилей бровок (рис. 4, 1-15; рис. 5, 12-15) соответствуют номерам на общем плане кургана (рис. 3).

рис. 4, 2-5). Его нижняя часть состояла из темного грунта первичной насыпи, верхняя – из желтого материкового суглинка. Вторая насыпь, состоявшая из плотного серого грунта, полностью перекрыла первую, ее диаметр составлял около 32-34 м, высота не известна, поскольку большая часть поверхности кургана была распахана. Судя по мощности слоя второй насыпи, сохранившейся на склонах кургана (до 1,6 м), она существенно увеличила его высоту. Оплывшие полы второй насыпи соответствовали современному диаметру кургана на момент раскопок в его восточной части.

В образованный таким образом курган были впущены остальные погребения эпохи ранней и средней бронзы. Так, более поздним среди ямных являлось п. 15, яма которого, судя по профилю (рис. 4, 7), фиксировалась сразу под пахотным слоем и перерезала слои второй и первой насыпей кургана. В верхних слоях насыпи, под слоем пахоты наблюдались и контуры входных ям шести катакомбных погребений, попавших в разрезы насыпи (рис. 4, 1-4), причем две из них перерезали выкид из ямного погребения 19 (рис. 4, 2, 4). Оба бабинских погребения были совершены в насыпи, одно из них (№ 20) – в верхнем слое заполнения ямного п. 19, второе (п. 17) – над погребальной камерой катакомбного погребения 16. Не исключая возможности существования каких-либо локальных досыпок над впускными погребениями в восточной части кургана (полностью распаханных), можно утверждать, по крайней мере, что их не было с западной стороны кургана, где четко фиксировалось, что вторая насыпь перекрыта третьей последней насыпью кургана (рис. 4, 8-11).

Третий этап строительства – наиболее сложный в конструктивном отношении, был осуществлен в эпоху поздней бронзы, когда курган достраивался с западной стороны над погребением 3 срубной культуры, совершенным у западной подошвы существовавшего кургана с уровня ДГ. Высота насыпи над погребением 3 – около 1,5 м, ширина 33 м. Эта насыпь состояла из нескольких конструктивных слоев (рис. 4, 8-11; рис. 5, 12-15). Ее ядром являлась конструкция округлой формы, сложенная из кусков дерна, уложенная на поверхность центральной части западной половины второй насыпи кургана. Диаметр конструкции – 6 м, высота до 1 м, склоны крутые, вершина плоская (вероятно, срезанная при распашке). Эту небольшую вальковую насыпь укрепляла двухслойная дуговидная подсыпка:

нижний слой состоял из плотного серого грунта, верхний – из материковой глины. Толщина материковой подсыпки достигала 1 м. Эта подсыпка перекрывала западную половину описанной вальковой насыпи, западную полу второй насыпи кургана с С и Ю от вальковой насыпи и участок ДГ у западной подошвы кургана. Грунт для сооружения этого слоя подсыпки брался из двух котлованов, расположенных к С и Ю от погребения 3. Размеры северного котлована: 13×7 м, южного – 10×7 м, глубина каждого 2,5 м. На дне северного котлована обнаружены разбитые кости животных. Погребение 3 было совершено после сооружения материкового вала, о чем свидетельствует расположение выкида из могилы. Материковый выкид окружал яму со всех сторон, но, если его западная часть лежала на поверхности ДГ, то восточная часть была уложена на поверхность описанной выше конструкции (рис. 5, 13). После совершения п. 3 все описанные выше конструктивные слои, яма и оба котлована были перекрыты третьим конструктивным слоем в этой насыпи. Он состоял из плотного темно-серого грунта с включениями линз материковой глины, который брался в околочурганном пространстве. После сооружения третьей насыпи курган приобрел форму овала, вытянутого по оси В–З.

Описание погребений

Погребение 1 (срубное; рис. 6, 1) находилось в центральной части кургана, в 1,8 м к З от “0”. Могильная яма прямоугольная в плане, размерами 1,5×1,0 м, ориентирована по длинной оси ЮЗ-СВ. Дно на глубине 0,53 м. В придонной части могилы прослежены фрагменты деревянных плах перекрытия шириной до 0,2 м, уложенных вдоль ямы. На плахах наблюдался слой растительного тлена. На дне находился фрагментированный скелет погребенного, который, судя по сохранившимся остаткам (череп, часть позвоночного столба, костей таза и бедра), был уложен скорченно на левом боку, головой на СВ. У теменной части черепа, в восточном углу ямы был установлен керамический сосуд, раздавленный упавшим с перекрытием грунтом (1).

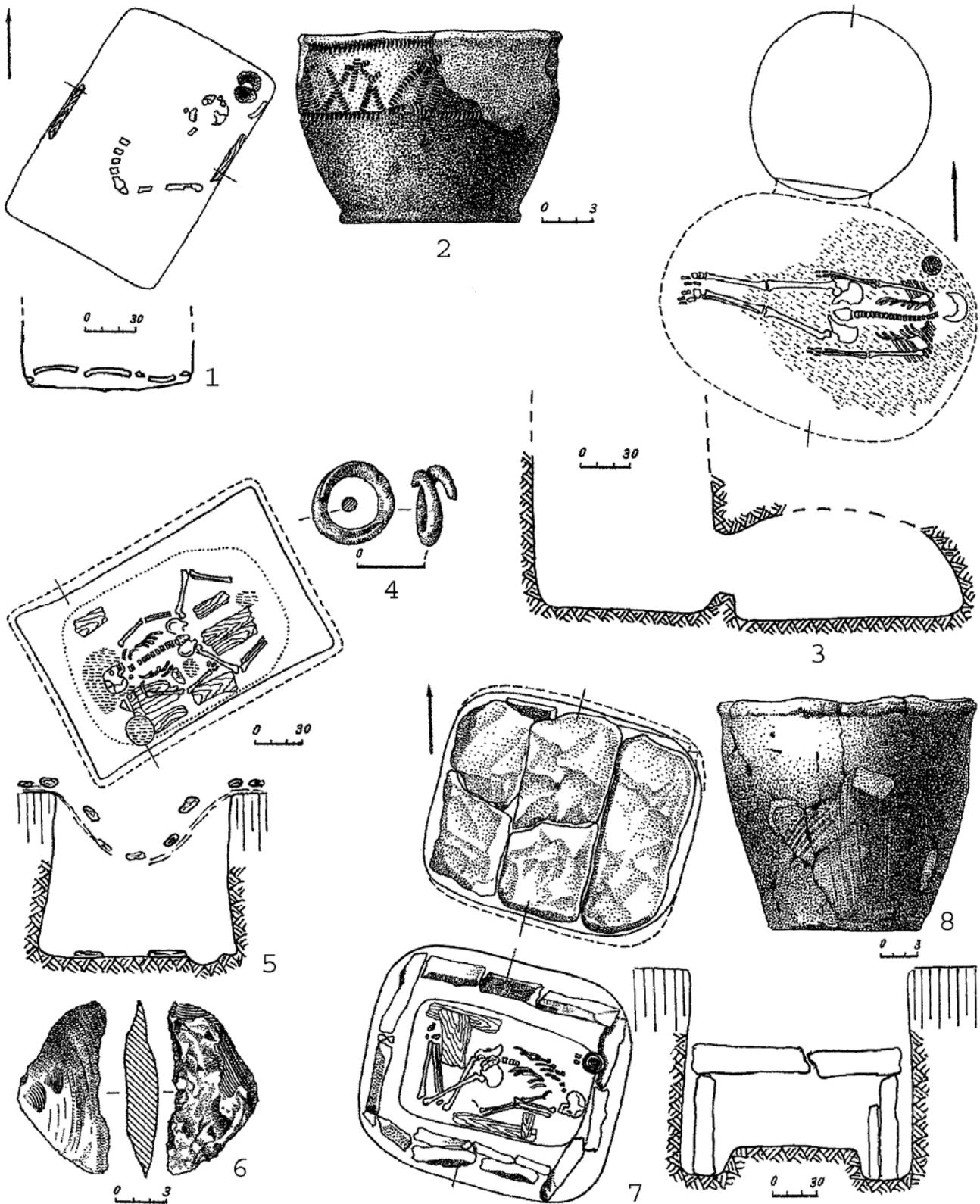

Рис. 6. Курганная группа I, к. 1: 1 – п. 1; 2 – п. 1, керамический сосуд; 3 – п. 2; 4 – п. 4, серебряная подвеска; 5 – п. 4; 6 – п. 4, кремневый отщеп; 7 – п. 3; 8 – п. 3, керамический сосуд

Fig. 6. Kurgan Group I, kurgan 1: 1 – grave 1; 2 – grave 1, clay vessel; 3 – grave 2; 4 – grave 4, silver pendant; 5 – grave 4; 6 – grave 4, flint flake; 7 – grave 3; 8 – grave 3, clay vessel

1. Лепной плоскодонный сосуд баночного типа с широкой горловиной. Венчик слегка отогнут наружу, бока округлые, дно с закраиной. Орнамент, выполненный оттисками палочки с намотанной на нее веревочкой – т.н. “гусеничкой”, образует фриз в верхней трети тулова из чередующихся Х-видных, Т-видных и треугольных фигур, обрамленный горизонтальными рядами вертикальных отпечатков “гусенички” под венчиком и по максимальной ширине тулова. Порядок фигур не установлен ввиду фрагментарности сосуда. Высота сосуда 11 см, диаметры: дна 10,5 см; венчика 15 см (рис. 6, 2).

Погребение 2 (катакомбное; рис. 6, 3) находилось в 8 м к ЗЮЗ от “0”, совершено в катакомбе с округлой входной ямой диаметром 1,1 м, глубиной 4,3 м. Вход округлой формы, диаметром 0,6-0,5 м, перед ним устроен порожек высотой 0,1 м. Погребальная камера овальная в плане, размерами 2,0×1,4 м, ориентирована по длинной оси В–З. Высота свода 0,6 м, дно на глубине 4,4 м. На дне тонкий слой зеленой глины, покрытый мелом и охрой. На этой подстилке лежал скелет мужчины 55-65 лет – вытянуто на спине, головой на В. Верхняя часть скелета до колен окрашена охрой. Возле правого плеча остатки истлевшего деревянного сосуда – чаши, диаметром около 15 см.

Погребение 3 (основное для третьей насыпи, срубное; рис. 6, 7) находилось в 16,2 м к ЮЗЗ от “0”. Яма, опущенная с поверхности ДГ на глубину 1,2 м, прямоугольная в плане (1,8×1,5 м), ориентирована по длинной оси ВЮВ–ЗСЗ. В яме установлен каменный ящик, сложенный из грубо обработанных известняковых плит, поставленных на торцы. Нижние края плит стояли в канавке, вырытой по периметру ямы. Ширина канавки 0,4 м, глубина 0,2 м. Размеры ящика 1,6×1,3 м. Перекрытие состояло из трех больших плит (1,4×0,6 м), уложенных на стенки поперек ящика. Длинные стенки ящика сложены из трех, а короткие – из двух плит каждая, поставленных впритык друг к другу. Высота стенок 0,7 м. На дне каменного ящика прослежены остатки деревянной конструкции типа сруба из толстых досок. Внутри сруба лежал скелет мужчины 50-60 лет в скорченном положении на левом боку, головой на ВЮВ. Левая рука согнута в локте с кистью перед лицом, правая вытянута к коленям. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях. За черепом находился лепной сосуд (1) и 2 астрагала, еще один астрагал обнаружен у таза погребенного.

1. Высокий лепной плоскодонный сосуд баночного типа с широким горлом. Край венчика оформлен в виде валика. Поверхность грубо заглажена. Высота сосуда 17 см, диаметр венчика 19,5 см, диаметр дна 12 см (рис. 6, 8).

Погребение 4 (основное, ямное; рис. 6, 5) находилось в центре кургана, совершено на глубине 1,1 м. На уровне ДГ яма была перекрыта частично обгоревшими бревнами, уложенными вдоль ее длинной оси. Бревна подстилала камышовая циновка прямоугольной формы, размером 4,0×3,5 м. Прямоугольная в плане яма с выделенными углами, размерами 1,85×1,2 м, ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ, расширялась ко дну по периметру на 5-10 см. На дне прослежен настил из досок шириной 0,15 м. Скелет подростка 12-15 лет лежал на спине, головой на ЮЗ. Ноги, согнутые коленями вверх, распались ромбом, руки, слегка согнутые в локтях, направлены к бедрам. Возле правого плеча на дне устроено округлое углубление, заполненное красной охрой. Рядом, между углублением и черепом, лежал массивный кремневый отщеп (1), под черепом – серебряная подвеска (2). Череп и дно вокруг скелета посыпаны охрой. Еще одно пятно охры находилось между тазом и правым локтем. Под охрой дно ямы посыпано мелом.

1. Кремневое орудие на отщепе треугольной формы, длинный край (основание треугольника) подработан ретушью. Длина изделия 10 см, ширина 6 см (рис. 6, 6).

2. Серебряная спиралевидная подвеска в полтора оборота из круглой в сечении проволоки. Диаметр подвески 1,7 см (рис. 6, 4).

Погребение 5 (катакомбное; рис. 7, 1) находилось в 16,9 м к ЮВ от “0”. Совершено в катакомбе с округлой входной ямой диаметром 1,1 м и овальной в плане камерой размерами 1,9×1,0 м. Входная яма частично нависала над камерой, ее дно на глубине 4,4 м, в

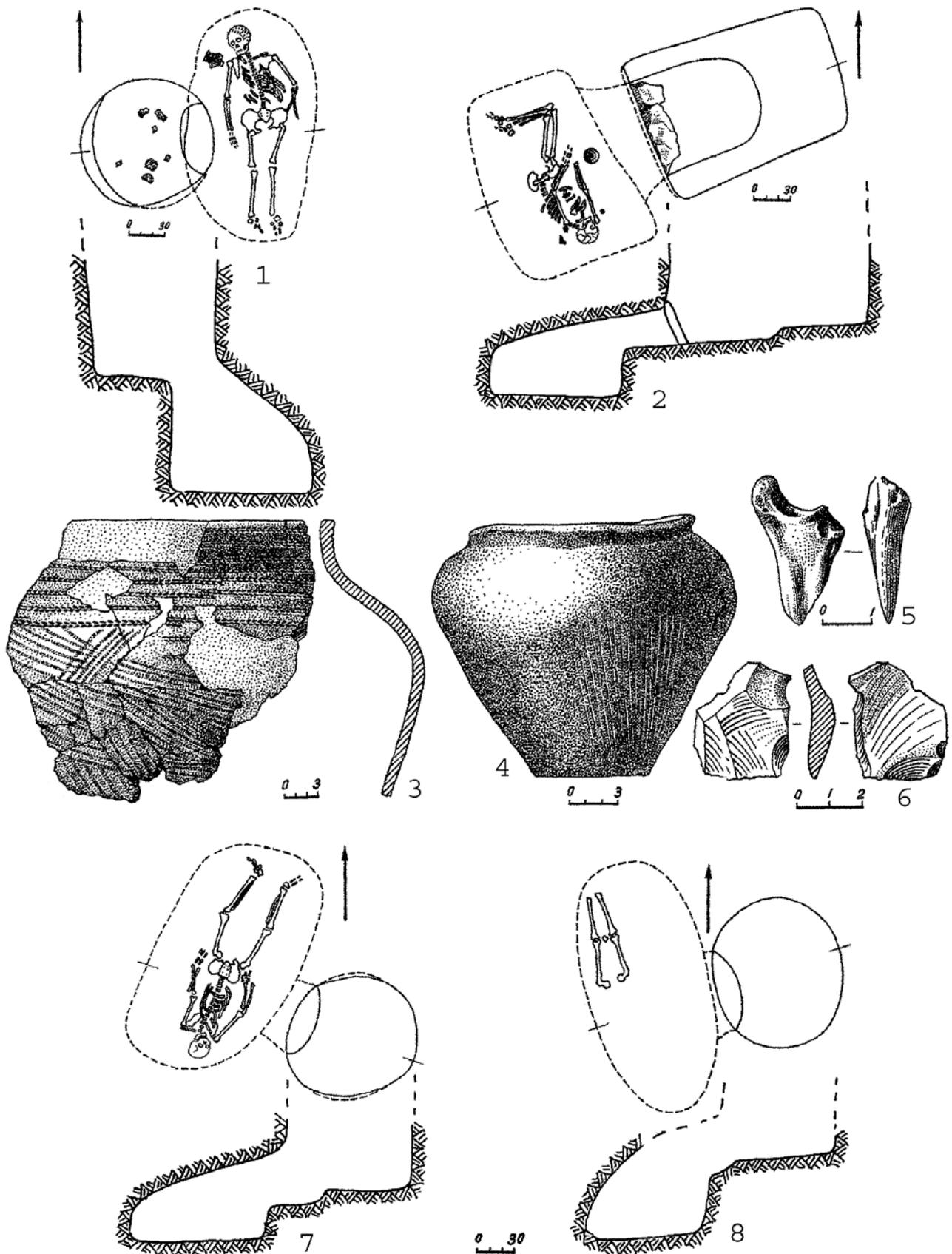

Рис. 7. Курганная группа I, к. 1: 1 – п. 5; 2 – п. 6; 3 – п. 5, фрагмент керамического сосуда; 4 – п. 6, керамический сосуд; 5 – п. 6, копытце овцы; 6 – п. 6, кремневый отщеп; 7 – п. 7; 8 – п. 8

Fig. 7. Kurgan Group I, kurgan 1: 1 – grave 5; 2 – Grave 6; 3 – Grave 5, clay sherd; 4 – grave 6, clay vessel; 5 – grave 6, astragalus; 6 – grave 6, flint flake; 7 – grave 7; 8 – grave 8

заполнении находились фрагменты лепного сосуда (1) и каменные терочки⁴. Камера выведена к востоку и ориентирована по длинной оси Ю-С. Высота свода 1 м, дно на глубине 5,38 м. Скелет женщины 25-35 лет лежал вытянуто на спине, головой на С. Череп окрашен охрой. У правого плеча лежал еще один более крупный фрагмент того же сосуда (1).

1. Мелкие фрагменты из входной ямы и камеры составляли большой фрагмент верхней части крупного сосуда с прямой шейкой, слегка утолщенным прямо-срезанным венчиком и высоко расположенным широким округлым плечиком. По шейке и верхней части плечика нанесен орнамент из горизонтальных оттисков двухрядной тесьмы, ниже тулово покрыто “расчесами” (рис. 7, 3).

Погребение 6 (катакомбное; рис. 7, 2) находилось в 12,3 м к ВСВ от “0”, совершено в Т-видной катакомбе с камерой, выведенной в сторону центра курганный насыпи. Трапециевидная в плане входная яма, размерами 1,6×1,0-1,25 м, расширялась ко входу в погребальную камеру. Дно у северо-восточной стенки ямы на глубине 3,3 м. Перед входом устроен углубленный овальный пандус размерами 1,0×0,8 м, дно которого, понижаясь на 0,1 м, переходило в щелевидный дромос. Входное отверстие прямоугольной формы (0,8×0,3 м) было закрыто двумя необработанными плитами. Протяженность дромоса 0,3 м, ширина у входа в камеру 1,0 м. Трапециевидная в плане камера размерами 1,65×1,1-0,8 м, была ориентирована по длинной оси СЗ-ЮВ. Дно на глубине 3,85 м. Свод плоский, равномерно повышался к дромосу до высоты 0,7 м. Скелет подростка 10-15 лет лежал на правом боку в скорченном положении, головой на ЮВ. Правая рука вытянута, левая согнута в локте, ее кисть лежала на кисти правой руки. Ноги в тазобедренных суставах едва согнуты, в коленях согнуты под острым углом. За черепом погребенного лежали копытце овцы/козы (рис. 7, 5) и кремневый отщеп без следов дополнительной обработки (рис. 7, 6), у правого плеча – округлый кусок красной охры. У кистей, перед входом стоял лепной сосуд (1).

1. Лепной плоскодонный горшок с очень короткой прямой шейкой, широкими округлыми плечиками в верхней четверти тулова, сужающегося к относительно узкому дну. Поверхность покрыта расчесами. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 7 см (рис. 7, 4).

Погребение 7 (катакомбное; рис. 7, 7) находилось в 15,3 м к ЮВ от “0”. Входная яма округлой формы диаметром 1 м, глубиной 3,81 м. Вход в виде короткого с углубленным дном дромоса шириной 0,6 м, высотой 0,4 м, протяженностью 0,2 м, устроен в северо-западной стенке. Овальная в плане камера, размерами 2,0×1,15 м, выведенная к центру кургана, ориентирована по длинной оси СВ-ЮЗ. Высота свода 0,7 м, дно на глубине 4,28 м (на 0,4 м ниже дромоса). Скелет мужчины лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ.

Погребение 8 (катакомбное; рис. 7, 8) находилось в 13,8 м к ЮВ от “0”. Округлая в плане входная яма размерами 1,25×1,05 м соединялась с камерой коротким простенком с углубленным наклонным дном, устроенным в ее западной стенке. Дно входной ямы на глубине 3,4 м; ширина входа 0,7 м, высота 0,35 м. Дно дромоса понижалось к камере на 0,1 м. Овальная в плане камера размерами 2,1×1,0 м выведена к центру кургана и ориентирована по длинной оси ССЗ-ЮЮВ. Дно на глубине 4,0 м, высота свода 0,9 м. В северо-западной части камеры в анатомическом порядке лежали кости ног взрослого человека. Судя по их позиции, умерший был уложен на спине, вытянуто, головой на ЮЮВ. Очевидно, скелет был разобран в древности, т.к. остальных костей погребенного в камере не обнаружено.

Погребение 9 (катакомбное; рис. 8, 1) находилось в 10,8 м к ЮВ “0”. Совершено в Т-видной катакомбе, камера которой была выведена “по касательной” к окружности кургана. Трапециевидная в плане входная яма размерами 1,6×0,95-1,4 м, ориентированная по длинной оси ЮЗ-СВ, расширялась ко входу. Глубина дна у тыльной стенки 3,3 м. Большую (центральную) часть дна занимал углубленный пандус размерами 1,5×0,75 м со слегка пологим дном, переходившим в дно короткого дромоса протяженностью 0,35 м, шириной 0,9 м,

⁴ К сожалению, в документах полевого отчета отсутствует описание и изображения этих терочников.

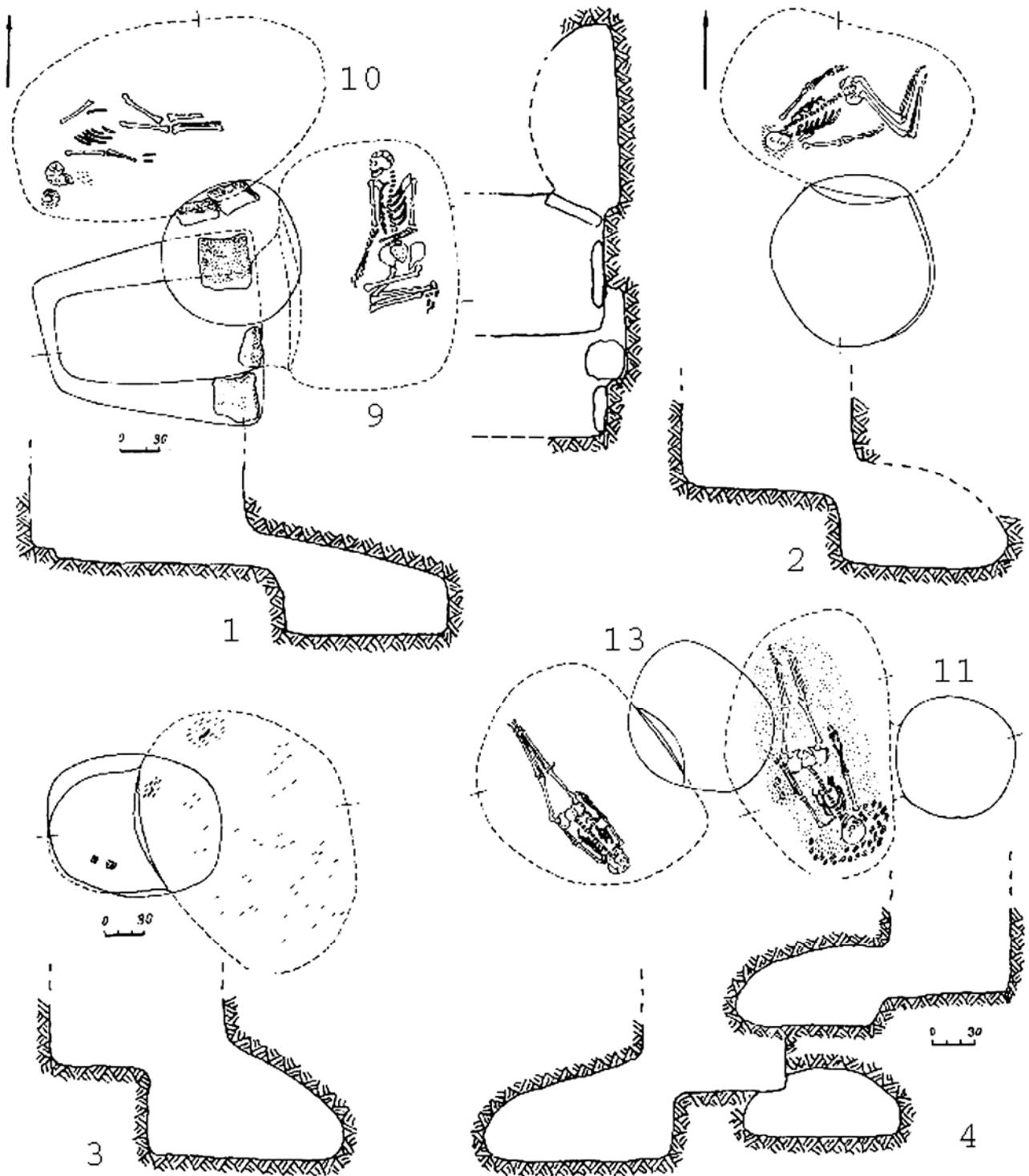

Рис. 8. Курганная группа I, к. 1: 1 – п. 9 и п. 10; 2 – п. 12; 3 – п. 14; 4 – п. 11 и п. 13

Fig. 8. Kurgan Group I, kurgan 1: 1 – grave 9 and grave 10; 2 – grave 12; 3 – grave 14; 4 – grave 11 and grave 13

высотой 0,25 м. Входное отверстие прямоугольной формы (0,8×0,25 м) было закрыто грубо обработанными плитами. Заслон был нарушен при совершении более позднего п. 10, входная яма которого прорезала северную часть входной ямы п. 9, а часть плит заслона использована для перекрытия входа п. 10. Прямоугольная в плане камера с закругленными углами, размерами 1,8×1,2 м, ориентирована по длинной оси Ю–С, с небольшим отклонением. Высота свода 0,65 м, дно на глубине 3,9 м. Скелет мужчины 40-50 лет лежал скорченно на

правом боку, головой на С. Правая рука слегка согнута перед корпусом, направлена к коленям, левая согнута под прямым углом. Ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику и под острым в коленях, ступни у таза.

Погребение 10 (катакомбное; рис. 8, 1) находилось рядом с п. 9, совершено в катакомбе, погребальная камера которой была выведена к центру кургана. Круглая в плане входная яма диаметром 1,0 м, частично нарушила входную яму п. 9. Глубины обеих ям практически совпадали (3,3 м). Вход устроен в северо-западной стенке ямы и был закрыт двумя известняковыми плитами, взятыми из заслона п. 9, одна из плит нарушенного заслона лежала на дне ямы. Ширина входа 0,7 м, высота 0,4 м. Овальная в плане камера размерами 2,35×1,4 м, ориентирована по длинной оси СВ-ЮЗ. Дно на глубине 3,4 м. Скелет взрослого человека лежал в слабо скорченном положении на правом боку, головой на ЗЮЗ. Правая рука слегка согнута в локте перед корпусом, от левой сохранилась плечевая кость. У черепа прослежен истлевший деревянный сосуд типа чаши. Возле черепа и на правом плече пятна красной охры.

Погребение 11 (катакомбное; рис. 8, 4) находилось в 15,8 м к В от “0”. Округлая в плане входная яма, диаметром 0,9 м, глубиной 3,95 м соединялась с камерой коротким простенком (0,6×0,4 м). Овальная в плане камера размерами 2,0×1,2 м выведена к центру кургана, ориентирована по длинной оси С-Ю. Свод нарушен входной ямой п. 13, его высота 0,6 м, дно на глубине 4,2 м. Погребение парное – взрослого и ребенка. Скелет женщины 30-40 лет лежал на спине вытянуто головой на ЮЮВ. Под черепом угольки, травяная подушка и охра, у правого плеча пятно красной охры. Скелет годовалого ребенка лежал у левой руки женщины скорченно на правом боку, головой на Ю. Кисти согнутых рук у лица, ноги согнуты под прямым углом к корпусу. Детский скелет посыпан красной охрой. На дне камеры слой мела.

Погребение 12 (катакомбное; рис. 8, 2) находилось в 16,9 м к ЮВ от “0”. Входная яма округлая в плане диаметром 1,2 м, частично нависала над камерой. Дно на глубине 3,9 м, слегка понижалось к овальному входному отверстию (0,75×0,35 м). Овальная в плане камера размерами 1,9×1,2 м, выведена к центру кургана, ориентирована по длинной оси В-З. Скелет мужчины 30-40 лет лежал скорченно, головой на ЗЮЗ, на правом боку и, вероятно, со временем был развернут на спину. Правая рука была вытянута к коленям, левая, возможно, первоначально лежала на корпусе, а при развороте корпуса упала за спину. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных и коленных суставах. Череп скелета посыпан красной охрой.

Погребение 13 (катакомбное; рис. 8, 4) находилось в 13,8 м к В от “0”, нарушило свод камеры п. 11. Округлая в плане входная яма диаметром 1,2×1,0 м, частично нависала над камерой. Ее глубина 3,8 м. Входное отверстие (0,75×0,4 м) устроено в западной стенке. Овальная в плане камера размерами 1,75×1,4 м, выведена к центру кургана, ориентирована по длинной оси СЗ-ЮВ. Высота свода 0,7 м, дно на глубине 4,3 м. Скелет подростка 10-12 лет лежал на спине вытянуто, головой на ЮВ.

Погребение 14 (катакомбное; рис. 8, 3) находилось в 10,8 м к СВ от “0”. Овальная в плане входная яма (1,25×1,1 м) восточной частью нависала над камерой. Ее дно на глубине 3,8 м, в заполнении находились терочник⁵ и астрагал быка. Овальная в плане камера размерами 2,0×1,4 м, выведена в сторону, противоположную центру кургана, ориентирована по длинной оси С-Ю. Высота свода – 0,9 м, дно на глубине 4,5 м. На дне, посыпанном охрой, находились фрагменты человеческого скелета – ключица и фаланги пальцев рук.

Погребение 15 (ямное; рис. 9, 1) совершено в 8 м к Ю от “0” в яме с уступом по периметру. Яма на уровне уступа прямоугольная в плане с закругленными углами, размерами 2,3×1,9 м, ориентирована по длине ЮЗ-СВ. На уступе находились остатки перекрытия могильной ямы – слой истлевшего камыша и деревянные плахи, уложенные

⁵ Как и в отмеченном выше случае, какие-либо более подробные данные о предмете в документации о полевых исследованиях отсутствуют.

поперек ямы. Яма ниже уступа прямоугольная в плане, размерами 1,5×1,0 м, расширена по периметру ко дну на 0,05 м. Дно на глубине 3,7 м (на 1,2 м ниже уступа). Погребение парное – взрослого и ребенка. В центре ямы лежал скелет женщины 25-35 лет в скорченном положении на правом боку, головой на СВ; правая рука вытянута, левая согнута в локте; ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику и под острым в коленях, череп окрашен красной охрой. У правого плеча находилась костяная проколка (1) и сосуд (2). Скелет ребенка 1-1,5 лет лежал у правой руки женщины – скорченно на левом боку, головой на СВ. Кисти согнутых рук у лица. Правая нога вытянута, левая согнута под прямым углом. Череп окрашен охрой. На дне – слой мела.

1. Проколка выполнена из трубчатой кости. Рабочий конец заострен, длина изделия 8,5 см (рис. 9, 3).

2. Лепной плоскодонный горшок стройных пропорций с короткой изогнутой шейкой, утолщенным, отогнутым наружу венчиком, округлым плечиком в верхней трети корпуса, узким дном. Поверхность покрыта “расчесами”. Высота сосуда 11,6 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 4,5 см (рис. 9, 2).

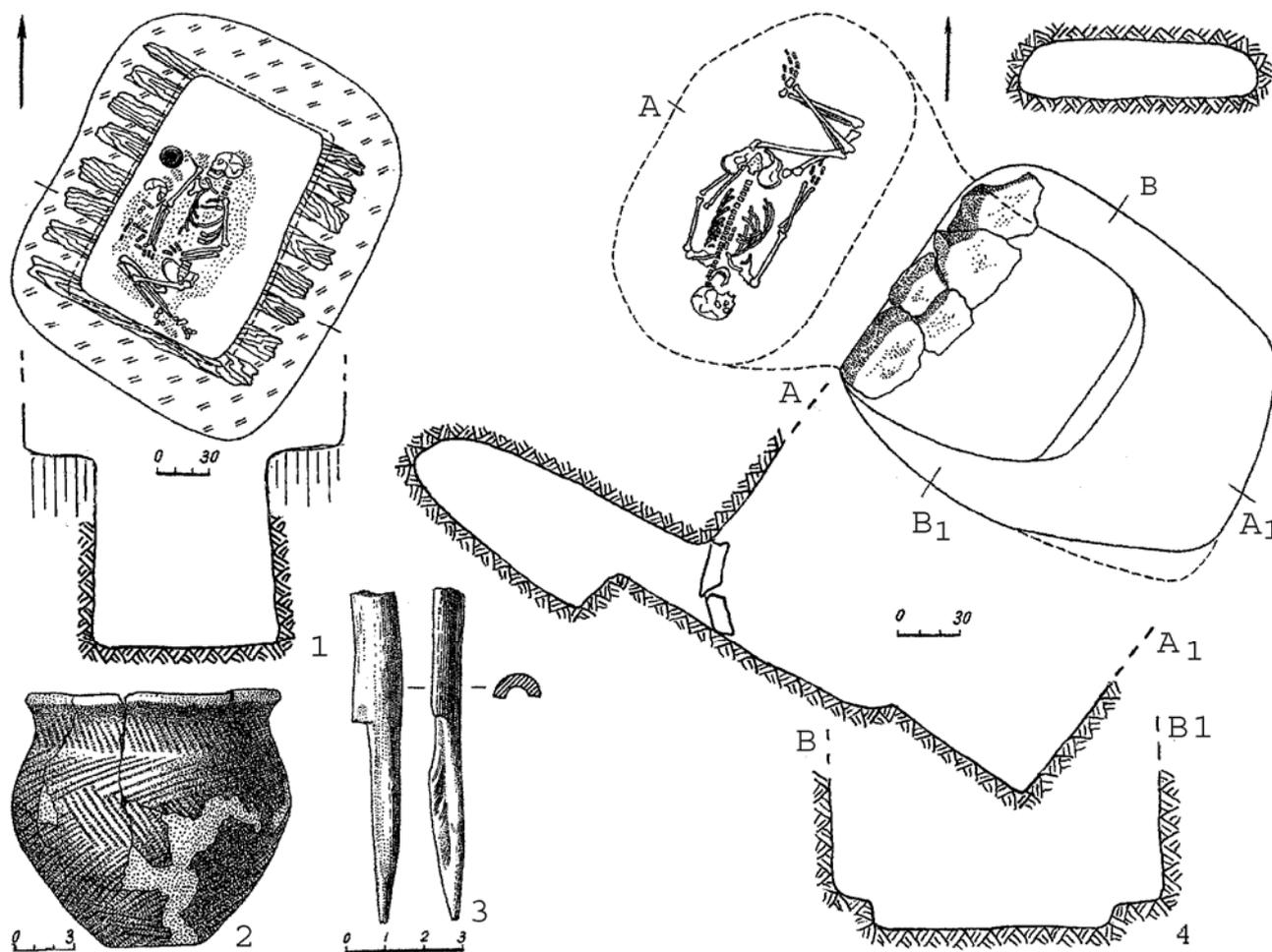

Рис. 9. Курганная группа I, к. 1: 1 – п. 15; 2 – п. 15, керамический сосуд; 3 – п. 15, костяная проколка; 4 – п. 18

Fig. 9. Kurgan Group I, kurgan 1: 1 – grave 15; 2 – grave 15, clay vessel; 3 – grave 15, bone pricker; 4 – grave 18

Погребение 16 (катакомбное; рис. 10, 3) находилось в 11,3 м к ССВ от “0”. Округлая в плане входная яма диаметром 1,0 м, глубиной 4,25 м нависала южной частью над камерой.

Входное отверстие шириной 0,9 м. Овальная в плане камера размерами 2,1×1,4 м, ориентирована по длинной оси ВСВ–ЗЮЗ, выведена к центру кургана. Высота сохранившейся части свода 0,85 м. Дно на глубине 4,65 м. На дне в восточной части камеры и у входа прослежены пятна красной охры. У входа найдены фаланги пальцев рук человеческого скелета, который, был разобран и вынесен из камеры в древности.

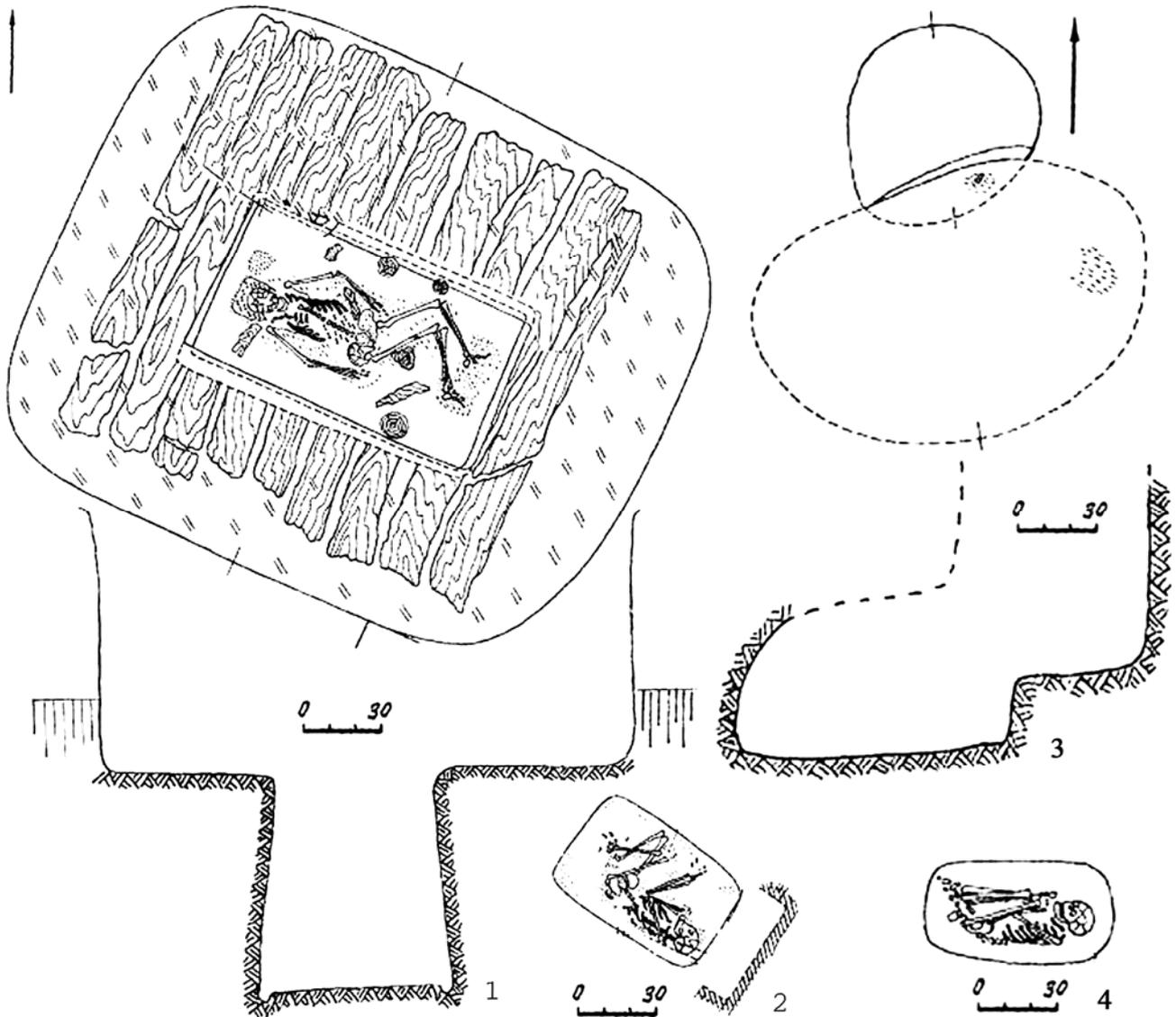

Рис. 10. Курганная группа I, к. 1: 1 – п. 19; 2 – п. 20; 3 – п. 16; 4 – п. 17

Fig. 10. Kurgan Group I, kurgan 1: 1 – grave 19; 2 – grave 20; 3 – grave 16; 4 – grave 17

Погребение 17 (бабинское; рис. 10, 4) находилось над камерой п. 16, в 10, 2 м к ССВ от “0”. Прямоугольная в плане могильная яма, размерами 1,0×0,5 м, ориентирована по длинной оси В–З. Дно на глубине 3,6 м. Скелет мужчины 40-50 лет лежал скорченно на правом боку, головой на В. Руки согнуты, кисти у лица. Ноги сильно согнуты – колени прижаты к грудной клетке, пятки поджаты к тазу.

Погребение 18 (катакомбное; рис. 9, 4) находилось в 9,2 м к ССВ от “0”, совершено в Т-видной катакомбе, камера выведена по “касательной” к окружности кургана. Входная яма перерезала выкид из ямного п. 19 (рис. 4, 4). В плане она прямоугольная с закругленными углами (2,0×1,4 м), ориентирована по длинной оси ЮВ–СЗ. Дно на глубине 4,0 м. В северо-восточной ее части устроен наклонный пандус, переходящий в короткий дромос на глубине

4,3 м у входа в камеру. Щелевидный вход был закрыт необработанными известняковыми плитами. Протяженность дромоса 0,35 м, ширина 1,15-1,5 м, высота 0,25 м. Овальная в плане камера размерами 1,9×1,1 м, ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ. Свод уплощенный, высотой 0,5 м, дно на глубине 4,6 м. Скелет мужчины 35-45 лет лежал скорченно на правом боку, лицом ко входу, головой на ЮЗ. Правая рука вытянута, левая слегка согнута с кистью на тазе. Ноги согнуты под тупым углом к позвоночному столбу и под острым в коленях.

Погребение 19 (основное для второй насыпи; ямное; рис. 10, 1) находилось в 5,4 м к ВСВ “0”. Впущено в 1-ю насыпь на глубину 2,8 м (рис. 4, 4-5). Совершено в прямоугольной яме с закругленными углами и уступом по периметру, размерами 3,8×3,3 м. Уступ устроен на поверхности материкового суглинка, ориентирован по длинной оси СЗ–ЮВ, на нем прослежены остатки перекрытия – слой истлевшего камыша и деревянные плахи, уложенные поперек ямы. Яма ниже уступа прямоугольная, размерами 1,85×1,0 м, расширялась ко дну по длинным стенкам на 0,1 м. Дно на глубине 4,85 м (на 1,3 м ниже уступа). В ее заполнении прослежено три столбика диаметром 0,15-0,1 м, вероятно, выполнявших функцию опоры перекрытия. По периметру ямы проходила канавка глубиной 0,05 м. Скелет подростка 12-15 лет лежал скорченно на спине головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль корпуса. Ноги, согнутые коленями вверх, упали влево. Под черепом прослежена “подушка” из коры. Череп, верхняя часть скелета и ступни окрашены красной охрой. Дно посыпано мелом.

Погребение 20 (бабинское; рис. 10, 2) находилось над п. 19. Прямоугольная в плане могильная яма, размерами 1,0×0,7 м, ориентирована по длинной оси СЗ–ЮВ. Дно на глубине 1,5 м. Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на ЮВ. Руки согнуты, кисть правой лежала у лица, левая отведена в сторону. Ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику и под острым в коленях. На дне пятно красной охры и мел.

Курган № 2

Находился в 100 м к СЗ от к. 1. Округлая в плане сильно распаханная насыпь на момент раскопок имела диаметр 26 м и высоту 1 м в центральной части кургана, где и был установлен репер. В кургане выявлено 7 погребений (рис. 11, 1): 1 позднеэнеолитическое (№ 2), 2 ямных (№№ 4, 7), 2 катакомбных (№№ 1, 5), 1 скифское (№ 3) и 1 неопределенное (№ 6). Согласно профилям центральной бровки⁶ в кургане прослежена только одна насыпь, состоявшая из однородного чернозема, возведенная над основным энеолитическим погребением, совершенным в центральной части кургана. Выкид из могильной ямы лежал полукольцом с восточной стороны ямы на поверхности ДГ. Его ширина около 1 м, мощность, зафиксированная по бровке, около 0,3 м. Погребенный чернозем мощностью 0,45 м прослежен на глубине 1 м под центральной частью насыпи.

Описание погребений

Погребение 1 (катакомбное; рис. 12, 1). Совершено в катакомбе с округлой входной ямой и овальной камерой, выведенной к центру кургана. Входная яма, выявленная на уровне материка, находилась в 4,1 м к В от “0”, была овальной в плане, размерами 1,35×1,1 м. На глубине 1,4 м у северной стенки устроена ступенька шириной 0,5 м, ниже которой яма приобрела округлую форму диаметром 0,9 м. Дно на глубине 1,53 м. Вход устроен под юго-западной стенкой. Его высота 0,6 м, ширина 0,6 м. Овальная в плане камера, размерами 2,8×1,6 м, ориентирована по длинной оси СЗ–ЮВ, дно на глубине 1,58 м. Скелет мужчины 25-35 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Правая рука вытянута, левая слегка согнута в локте. От кистей рук сохранилось несколько фаланг. Стопы отсутствовали. Справа от скелета тремя группами располагался инвентарь. У черепа стоял сосуд (1). У входа, напротив правой руки, лежали гранитные пест (2) и наковальня (3). Напротив бедренных костей находилось скопление керамических орудий литейного производства: литейная форма (4), плавильная чаша (5) и два сопла 6, 7). Кроме того, у кисти правой руки лежал

⁶ Восточный профиль на чертеже (рис. 11, 1) представлен в зеркальном отражении.

небольшой абразив (8), а с внутренней стороны сгиба левого локтя – скребок (9). Череп и сосуд посыпаны охрой.

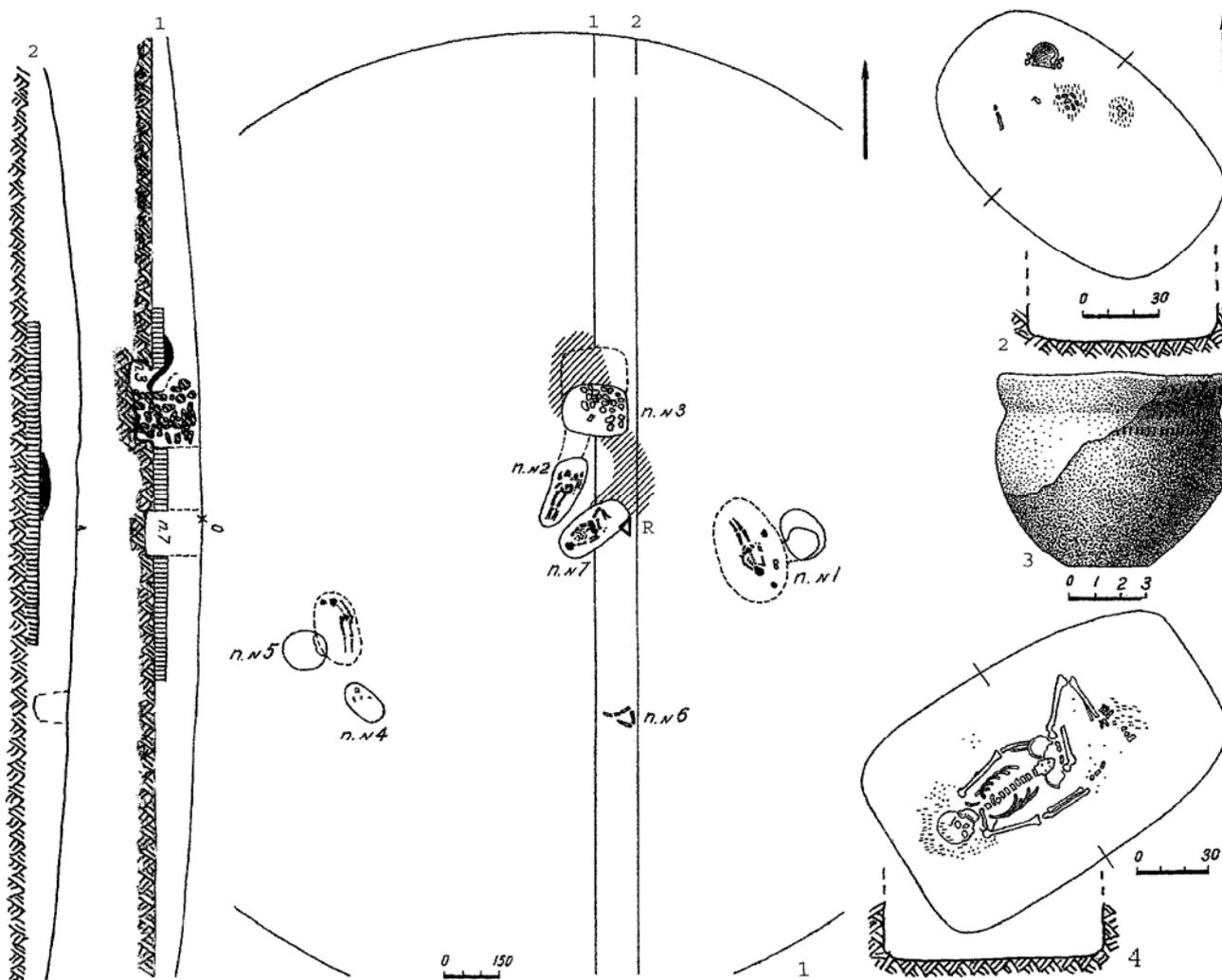

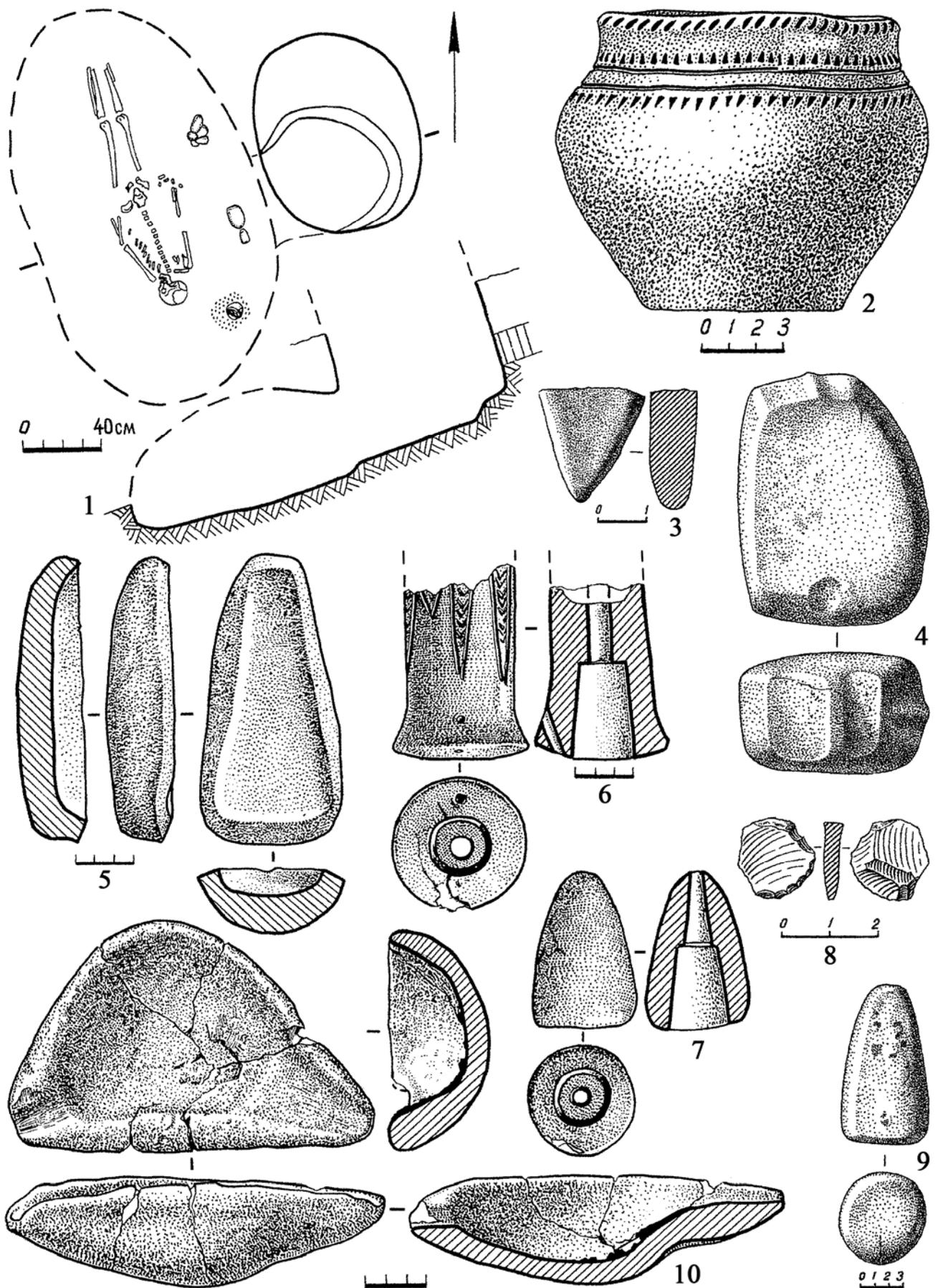
Рис. 11. Курганная группа I, к. 2: 1 – общий план кургана и профили бровок; 2 – п. 4; 3 – п. 4, керамический сосуд; 4 – п. 7

Fig. 11. Kurgan Group I, kurgan 2: 1 – general plan and stratigraphic profiles; 2 – grave 4; 3 – grave 4, clay vessel; 4 – grave 7

1. Лепной плоскодонный горшок с широким горлом, невысокой прямой шейкой, округлым туловом. Край венчика покрыт рядом косых глубоких насечек. Основание шейки и верхнюю часть плечиков опоясывает горизонтальный фриз, выполненный двумя врезными линиями, обрамленными снизу и сверху рядами глубоких оттисков треугольного штампа. В верхнем ряду оттисков вершины треугольников направлены вверх, в нижнем – вниз. На стенках следы нагара. Высота сосуда 11 см, диаметры: венчика – 11 см; дна – 7 см (рис. 12, 2).

2. Гранитный пест конической формы с закругленной узкой вершиной и слегка выпуклым основанием (рис. 12, 9). Поверхность зашлифована. На боковой стороне следы износа в виде площадки с затертой поверхностью. Высота 11 см, диаметр основания 6 см.

3. Гранитная наковальня в виде параллелепипеда, размерами 18×13 см, толщиной 8 см (рис. 12, 4). Длинные стенки слегка округлые. Широкие плоскости гладкие, два торца оформлены рельефом. Поверхность торца одной из длинных сторон (наиболее выпуклой) по всей длине оформлена двумя широкими, едва углубленными желобками с выступающим гребнем между ними. Также двумя желобчатыми углублениями и гребнем между ними

← **Рис. 12.** Курганная группа I, к. 2, п. 1: **1** – план и профиль погребения; **2** – керамический сосуд; **3** – абразивная плитка; **4** – каменная наковальня; **5** – керамическая литейная форма; **6** – керамическое фрагментированное сопло; **7** – керамическое сопло; **8** – кремневый скребок; **9** – каменный пест; **10** – плавильная чаша

← **Fig. 12.** Kurgan Group I, kurgan 2, grave 1: **1** – plan and cross-section; **2** – clay vessel; **3** – abrasive slab; **4** – stone anvil; **5** – ceramic mould; **6** – ceramic fragmented nozzle; **7** – ceramic nozzle; **8** – flint scraper; **9** – stone pestle; **10** – ceramic melting bowl;

оформлена поверхность наиболее короткого торца, но здесь рельеф расположен поперек торца. На границе противоположного торца и плоской грани оформлена округлая лунка диаметром 2 см. Поверхность орудия хорошо зашлифована, на ней наблюдались следы сажи.

4. Керамическая литейная форма, одностворчатая, открытого типа, трапециевидная в плане с негативом трапециевидной формы. Верхние края емкости плоско срезаны, тыльная сторона слегка закруглена. Форма была в употреблении: на внешней поверхности следы золы и сажи; внутренняя поверхность емкости покрыта слоем белого порошка – талька. Размеры формы: длина 11 см, ширина 2,5 и 5,5 см; размеры емкости (негатива): длина 10 см, ширина 1,8 и 5 см, толщина (глубина) 1,1 см (рис. 12, 5).

5. Керамическая плавильная чаша в виде круглодонной площадки, треугольная в плане за счет ручки-выступа и носика для слива расплавленного металла. Емкость чаши овальная. Края и внутренняя поверхность ошлакованы, на дне остатки белой обмазки (талька?) и приставшего окисленного металла (бронзы). Длина – 14 см, ширина 9 см, высота 3,7 см, толщина стенок 1,1 см (рис. 12, 10). Объем емкости около 30 см³.

6. Керамическое сопло конической формы со сквозным воздуховодным каналом, который имеет уступ примерно в середине длины сопла. С одной стороны, имеет трещину возможно, от воздействия высокой температуры. Длина сопла 6 см, диаметр основания 4 см, диаметры воздуховодного канала 2,5 см и 0,9 см, уступ канала устроен на отрезке 3,5 см от широкого основания (рис. 12, 7).

7. Фрагмент керамического сопла (широкая часть), которое, видимо, имело коническую форму и было больших размеров, чем предыдущее (рис. 12, 6). Его сохранившаяся длина 8 см, диаметр основания 5,5 см, диаметр в средней части (по линии облома) 4 см. Воздуховодный канал имел уступ, диаметр которого 2,5 см у основания и 1 см, за уступом. Основание выделено валикообразным утолщением, в котором с одной стороны проделано сквозное косое отверстие, круглое в сечении. Внешняя поверхность сопла орнаментирована семью узкими угольными фигурами, расположенными вдоль сопла, с углами, опущенными к основанию. Внешние контуры фигур выполнены прочерченными линиями, а внутреннее пространство заполнено “галочками”. Фигуры чередуются по окружности сопла: три длинных – одна короткая, две длинных – одна короткая.

8. Абразивная плитка (рис. 12, 3) – песчаник треугольной формы, на одной стороне которого следы сработанности. Длина 2,5 см, ширина 2 см, толщина 0,8 см.

9. Кремневый скребок округлой формы диаметром 0,5 см (рис. 12, 8).

Погребение 2 (основное, позднеэнеолитическое; рис. 13, 4) находилось в центре кургана (в 1,5 м к западу от “0”), совершено с поверхности ДГ на глубине 0,8 м. Частично погребение разрушено грабительским ходом, прорытым к скифскому погребению 3. Могильная яма трапециевидная в плане, размерами 1,95×0,6-0,8 м, вытянутая по длинной оси ЮЗ–СВ, расширялась на СВ. Могила была перекрыта двумя известняковыми плитами (1,25×0,7 м и 0,6×0,7 м). Одна из плит представляла собой антропоморфную стелу (1). Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на СВ. Череп разрушен, правая рука слегка согнута в локте, левая вытянута. У левого плеча находились два куска охры малинового цвета. Весь скелет обильно посыпан охрой.

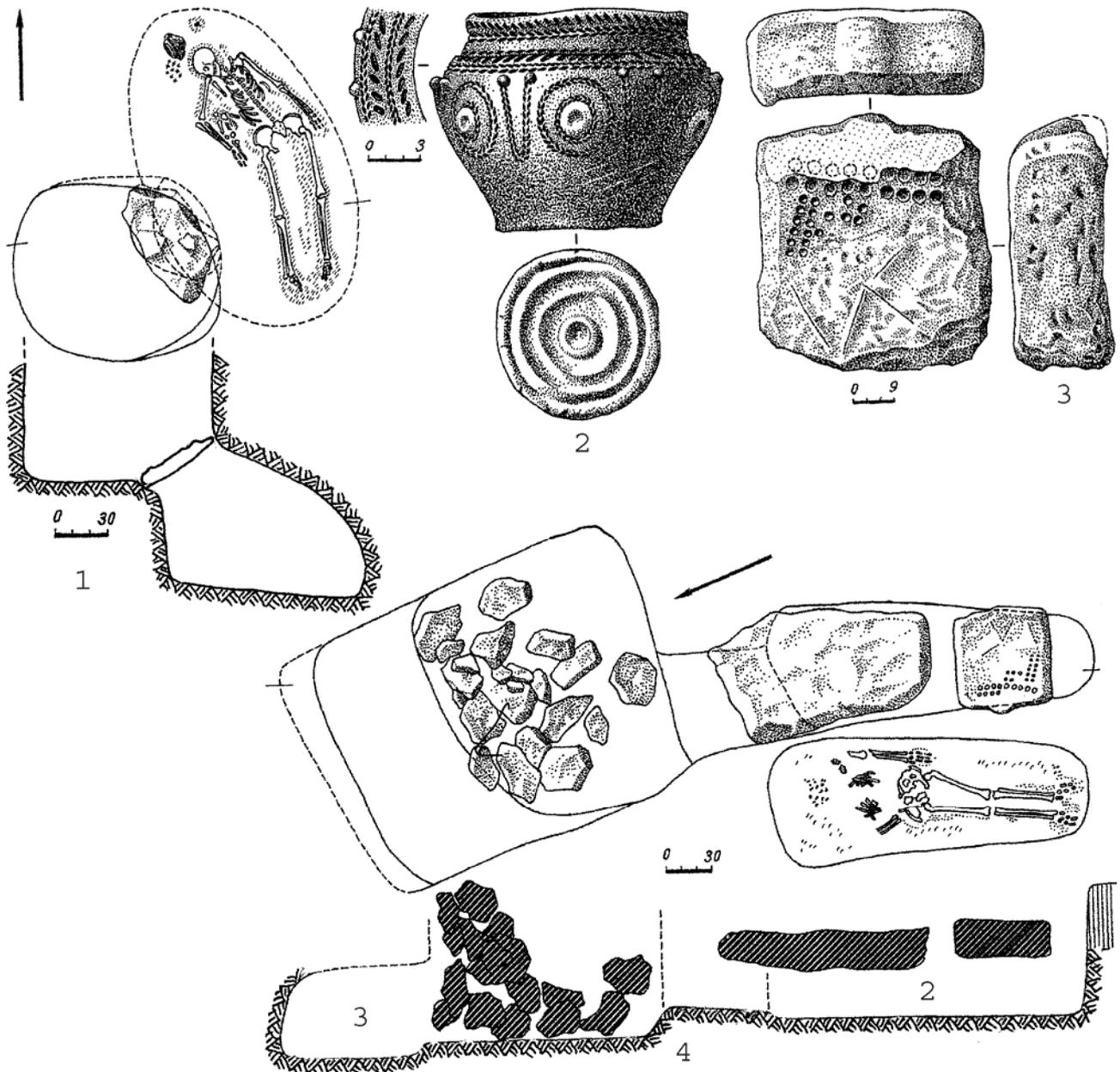

Рис. 13. Курганная группа I, к. 2: 1 – п. 5; 2 – п. 5, керамический сосуд;
3 – п. 2, антропоморфная стела; 4 – п. 2 и п. 3

Fig. 13. Kurgan Group I, kurgan 2: 1 – grave 5; 2 – grave 5, clay vessel;
3 – grave 2, anthropomorphic stela; 4 – grave 2 and grave 3

1. Антропоморфная стела перекрывала узкую часть ямы, над ногами скелета, лежала лицевой стороной вверх. Изготовлена из почти прямоугольной плиты белого известняка, размерами 0,55×0,6×0,24 м. Голова передана небольшим овальной формы выступом. На лицевой стороне нанесено изображение двойными рядами округлых углублений: один ряд поперек “груди”, от него вниз опущены два ряда – вдоль правого “плеча” до “пояса” и от середины – более короткий (рис. 13, 3).

Погребение 3 (скифское; рис. 13, 4). Находилось рядом с п. 2, в 2,3 м к С от “0”, совершено в катакомбе. Входная яма прямоугольная в плане (1,3×1,7 м), ориентирована по длинной оси В–З. Дно на глубине 1,9 м. Вдоль южной стенки прослежен частично сохранившийся заклад входа, сложенный из необработанных известняковых камней. Камера, примыкавшая к южной стенке входной ямы, прямоугольная в плане, имела закругленную

длинную южную стенку вдоль ступеньки из входной ямы. Ее размеры: 1,7×0,8 м, свод просел, дно на глубине 2,7 м. Погребение ограблено. В заполнении встречались фрагменты железных изделий, кости человека и животного.

Погребение 4 (ямное; рис. 11, 2) находилось в 8 м к ЮЗ от “0”. Прямоугольная в плане могильная яма с сильно закругленными углами, размерами 1,15×0,7 м, ориентирована по длинной оси ЮВ–СЗ. Дно на глубине 1,53 м. На дне ямы находились разрозненные кости детского скелета, окрашенные охрой, в северо-западном углу – сосуд (1),

1. Лепной горшок с широким горлом, расширенной сверху шейкой, выделенной в основании коротким перегибом, округлым туловом и маленьким плоским дном. По шейке и ниже ее основания орнамент из трех рядов скобковидных оттисков. Поверхность гладкая. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 3,5 см (рис. 11, 3).

Погребение 5 (катакомбное; рис. 13, 1) находилось в 5,8 м к ЮЗ от “0”, рядом с п. 4. Совершено в катакомбе с округлой в плане входной ямой диаметром 1,1 м, глубиной 2,38 м. Вход высотой 0,25 м, шириной 0,55 м, устроенный в восточной стенке, перекрыт известняковой плитой. Овальная в плане камера, размерами 1,9×1,1 м, ориентирована по длинной оси Ю–С, с небольшим отклонением. Дно на глубине 3 м, свод арочный, максимальной высотой 0,7 м. В камере совершено парное погребение – взрослого и ребенка. Вдоль тыльной стенки лежал скелет женщины 25-30 лет: вытянуто на спине, головой на СЗ. Левая рука вытянута, правая согнута в локте с кистью на ступнях ребенка до 1 года, лежавшего в слабо скорченном положении на правом боку между рукой и грудной клеткой женщины, головой на СЗ. Его левая рука согнута в локте с кистью у таза, правая согнута в локте с кистью на груди. Скелеты окрашены охрой. Под черепами меловая подсыпка. За черепом женщины сосуд (1) и комок охры. Рядом с сосудом зольное пятно.

1. Лепной горшок с прямой шейкой, округлыми боками, зауженной цилиндрической придонной частью, выделенной в виде поддона. Орнамент, выполненный отпечатками одинарной тесьмы и узким прямоугольным штампом, образует рельефные зоны. Верхняя часть шейки с прямыми стенками орнаментирована рядом косых отпечатков штампа. Нижняя ее часть с выпуклыми стенками несколько расширена, отделена от верхней рядом тесьмы в основании штампа. Верхняя часть плечиков выделена в виде выступающего валика с рядом косых отпечатков штампа, обрамленного снизу и сверху рядами тесьмы. Тулово до придонной части орнаментировано оттисками тесьмы в виде парных концентрических кругов с выступающей центральной частью, в центре каждой из которых оформлена округлая вмятина. Круги разделены узкими угольными фигурами, опущенными вершинами вниз, чередующимися от 1 до 2-х. Их лучи в верхней части плечиков оформлены округлыми налепными шишечками. Такие же шишечки выступают над средней частью некоторых кругов. Дно оформлено желобками в виде четырех концентрических кругов и округлой вмятиной в центре. Высота сосуда 13 см, диаметры: венчика – 12,5 см, дна – 9,5 см (рис. 13, 2).

Погребение 6 (неопределенное; рис. 11, 1). В 5 м к югу от “0” на глубине 1,15 м в слое насыпи выявлены остатки скелета взрослого человека. Череп мужчины 55-65 лет, развернутый основанием вверх, лежал на согнутой руке. Рядом находились кости обеих ног.

Погребение 7 (ямное; рис. 11, 4) находилось в центре кургана, прослежено в бровке с уровня современной поверхности. Яма в плане трапециевидная, с закругленными углами, размерами 1,9×1,15 м, ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ. Дно на глубине 1,65 м, слегка опущено в материк. Скелет взрослого человека лежал на спине, скорченно, головой на ЮЗ. Ноги, согнутые коленями вверх, упали влево, руки вытянуты. Ступни и череп окрашены охрой. Под скелетом прослежена меловая подсыпка.

Курган № 3

Находился в 30 м к ЮВ от кургана № 2. Черноземная насыпь подвергалась глубокой плантажной распашке. На момент раскопок ее высота не превышала 0,5 м, видимый диаметр около 17 м. Условный центр установлен примерно в геометрическом центре кургана. В

кургане исследовано 6 погребений эпохи бронзы, сосредоточенных в центральной части кургана (рис. 14, 1): 4 ямных (№№ 1, 2, 4, 6), 1 катакомбное (№ 3) и 1 бабинское (№ 5). Все погребения выявлены с уровня материкового суглинка.

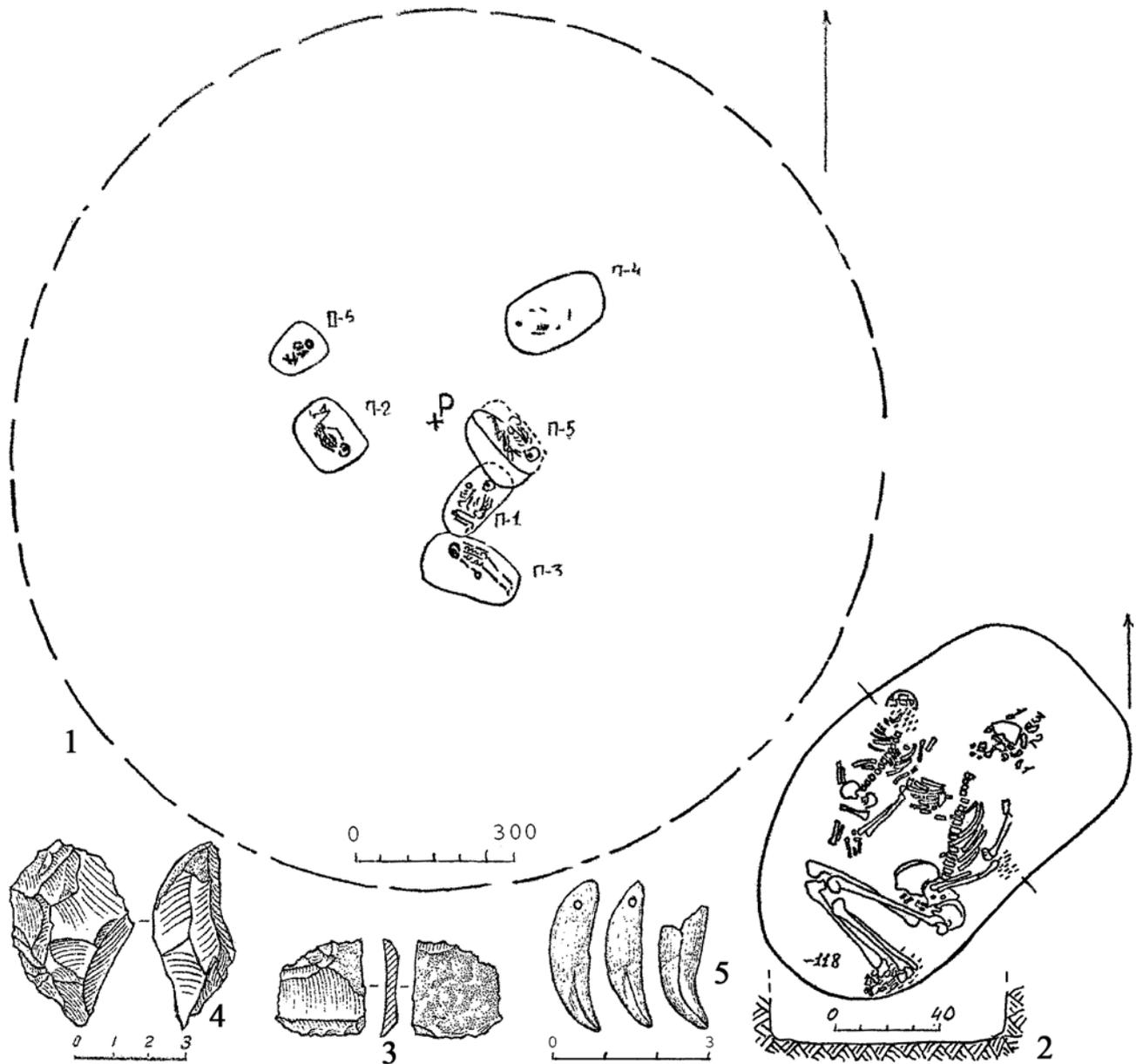

Рис. 14. Курганная группа I, к. 3: 1 – общий план кургана; 2 – п. 1; инвентарь из п. 1: 3 – кремневый отщеп; 4 – кремневая проколка; 5 – детали ожерелья из клыков

Fig. 14. Kurgan Group I, kurgan 3: 1 – general plan; 2 – grave 1; burial goods from grave 1: 3 – flint flake; 4 – flint pricker; 5 – details of a necklace out of fangs

Погребение 1 (основное? ямное; рис. 14, 2) находилось в центре кургана, на расстоянии 1,1 м к ЮВ от “0”. Овальная в плане яма, размерами 1,6×0,9 м, ориентирована по длинной оси ЮЗ–СВ. Дно на глубине 1 м, слегка понижалось к юго-западной стенке. Погребение парное – взрослого и ребенка, лежавших на правом боку, скорченно, головой на СВ. Скелет женщины 25-35 лет – лучшей сохранности: правая рука вытянута, левая согнута в локте с кистью на тазе, кости правой смещены в сторону скелета ребенка. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях. У черепа и шейных позвонков

Погребение 2 (ямное; рис. 15, 7) находилось в 1,4 м к З от “0”. Трапециевидная в плане могильная яма, размерами 1,4×1,05 м, ориентирована по длинной оси СЗ–ЮВ. Дно на глубине 1,1 м. В заполнении встречались куски охры. Скелет мужчины 55-65 лет лежал скорченно на правом боку с разворотом на спину, головой на ЮВ. Руки слегка согнуты в локтях, кисти на тазе. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях. У колен – пятно охры.

Погребение 3 (катакомбное; рис. 15, 1) находилось в 2,25 м к Ю от “0”. Входная яма, устроенная в насыпи, не прослежена. Овальная в плане камера, размерами 1,95×1,2 м, ориентирована по длинной оси ЮВ–СЗ. Дно на глубине 1,27 м. Скелет женщины 30-40 лет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Руки вытянуты, кисть правой находилась на сосуде (1). Кисти, стопы и сосуд окрашены охрой.

1. Лепной сосуд с прямой шейкой, округлым туловом, широким плоским дном. Орнаментирован в основании шейки и верхней части плечиков двумя прочерченными линиями, обрамленными тремя рядами наколов. Поверхность заглажена горизонтальными “расчесами”. Высота сосуда 13 см, диаметр венчика 11,5 см, дна – 9,5 см (рис. 15, 2).

Погребение 4 (ямное; рис. 15, 5) находилось в 2,15 м к СВ от “0”. Прямоугольная в плане могильная яма, размерами 1,9×1,15 м, с округлыми углами, ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ. Дно слегка понижается в сторону северо-восточной стенки, его глубина 1,1-1,26 м. На дне остатки скелета плохой сохранности (кости растасканы грызунами), судя по которым, погребенный лежал скорченно, головой на ЮЗ.

Погребение 5 (бабинское; рис. 15, 3) совершено в центре кургана на расстоянии 0,5 м от “0”, в катакомбе с параллельным сопряжением входной ямы и камеры, ориентированных по длинной оси СЗ–ЮВ. Входная яма овальная в плане, размерами 1,7×0,95 м. Дно оформлено в виде дуговидной ступеньки на глубине 1,42 м. Овальная в плане камера размерами 1,7×0,7 м устроена под северо-восточной стенкой входной ямы, дно на глубине 1,65 м. На дне лежал скелет мужчины 35-45 лет в сильно скорченном положении на левом боку, завалившись на грудь, головой на ЮВ. Руки согнуты в локтях с кистями у лица. Левая нога согнута под прямым углом в тазобедренном суставе и под острым в колене. Правая нога сильно согнута – пятка у таза, колено на уровне грудной клетки. У верхней части таза рядом с позвоночным столбом находилась костяная пряжка с остатками ремня (1).

1. Костяная овальная пряжка с большим центральным и малым боковым отверстием и с остатками ремня шириной 2 см, длиной до 10 см, сохранившимися справа и слева от большого отверстия. Длина пряжки 6 см, ширина 4,2 см, диаметры отверстий 1,7 и 0,4 см (рис. 15, 4).

Погребение 6 (ямное; рис. 15, 6) находилось в 2,2 м к СЗ от “0”, на глубине 1,35 м. Могильная яма трапециевидная в плане, размерами 1,1×0,7-0,5 м, с округлыми углами, ориентирована по длинной оси ЮЗ–СВ. Скелет ребенка 1,5-2,5 лет лежал скорченно на левом боку с разворотом на спину, головой на СВ. Левая рука вытянута, правая слегка согнута в локте. Ноги согнуты под тупым углом к корпусу, под острым в коленях. Череп, кисти и ступни окрашены охрой.

Курганная группа II

Находилась в 625-875 м к ЮВ от группы I. Она состояла из 7 курганов, три из которых были вытянуты цепочкой в направлении С–Ю на протяжении 250 м, четыре располагались в 250 м к югу от них, образуя четырехугольник, несколько вытянутый по линии В–З, в котором курганы находились на расстоянии 64-250 м друг от друга (рис. 2). Насыпи всех курганов были распаханы. Раскопками были исследованы четыре кургана в южной части группы, три из которых (к №№ 1, 2, 4) были скифскими, один курган (№ 3) возведен в эпоху бронзы.

Курган № 3

Находился в 190 м к СЗ от доминирующего в группе кургана № 1. Насыпь овальная в плане, вытянута по линии С–Ю, с небольшим отклонением к В. Длина кургана 45 м, ширина

южной части 21 м, северной – 18 м. Вокруг кургана наблюдалась широкая ложбина от выемки грунта. Наиболее высокая точка находилась ближе к южной половине кургана, где был установлен репер. Высота кургана здесь достигала 0,5 м от уровня ДГ.

*Стратиграфия кургана*⁷

В кургане исследовано 14 погребений эпохи энеолита – поздней бронзы (рис. 16, 1): 1 позднеэнеолитическое (№ 7), 6 ямных (№№ 2, 5, 8, 9, 12, 13), 2 катакомбных (№№ 10, 11), 2 бабинских (№ 6, 14), 3 срубных (№№ 1, 3, 4). В структуре насыпи прослежено четыре строительных этапа. Соответственно своей структуре, курган относится к категории “длинных”: две небольшие рядом стоявшие насыпи, южная и северная, возведенные в эпоху энеолита и ранней бронзы, были объединены досыпкой-перемычкой позднебронзового времени.

Южный курган, более крупный, являлся наиболее ранним и сооружался не менее чем в два приема. Его первая насыпь возведена над энеолитическим погребением № 7, совершенным с уровня ДГ. Пятно материкового выкида прослеживалось к западу от п. № 7 на поверхности ДГ. Насыпь была округлой в плане, диаметром около 20 м. Ее вершина на момент раскопок была распахана и сохранилась на высоту 0,4 м. Грунт для строительства насыпи брался на месте в околокурганном пространстве, о чем свидетельствует тот факт, что поверхность ДГ сохранилась только под ее центральной частью и понижалась к полам, за пределами которых она была скрыта: полы первичной насыпи опускались на поверхность срезанного грунта почти до уровня материкового суглинка.

В северо-восточный склон первичной насыпи впущено ямное п. № 9, что отчетливо фиксировалось в западном профиле 1-й восточной бровки – профиль № 3 (рис. 16, 2). Выкид из п. № 9 располагался непосредственно у северного края погребения по северному склону первичной насыпи. Над п. № 9 совершена локальная досыпка, перекрывавшая, видимо, только северную половину первичной насыпи. Она состояла из плотного темно-серого грунта и увеличивала радиус северной полы кургана не менее чем на 2,5 м. Судя по оплывшим полам второй насыпи, опущенным ниже уровня ДГ, грунт для возведения досыпки, как и в первом случае, брался в около-курганном пространстве. В образованный таким образом южный курган были впущены ямные погребения №№ 2, 8, 12 и 13, а затем погребения средней бронзы. Контуры ям впускных погребений, попавших в разрезы насыпи (№№ 2, 6, 10, 12, 13, 14), наблюдались непосредственно под слоем пахоты, вероятно, с уровня второй насыпи южного кургана, по склону которой прослеживался тонкий слой выкида из катакомбного п. № 10, перекрытый грунтом перемычки.

Северный курган возведен в один прием над ямным погребением № 5, совершенным с поверхности ДГ в центре подкурганной площадки. Выкид из погребения, максимальной мощностью 0,1 м, был уложен на поверхность ДГ с двух сторон от погребения – к северу и югу от ямы в виде двух широких полукружий, размерами 4,5-4×4 м. Круглая в плане насыпь, состоявшая из плотного темно-серого грунта, диаметром 17,5 м, к моменту раскопок сохранилась на высоту 0,3-0,4 м. Как и в южном кургане, поверхность ДГ сохранилась только под центральной частью насыпи на глубине 0,3 м от дневной поверхности; в радиусе около 4 м от центра был срезан дерновый слой, а за полами насыпи слой погребенного чернозема был почти полностью срыт.

Со временем полы южного и северного курганов оплыли в около-курганную выемку, а в межкурганном пространстве они слились и образовали глубокую ложбину.

⁷ Наблюдения произведены по двум наиболее информативным бровкам – центральной (профили №№ 1, 2) и первой восточной (профили №№ 3, 4). На чертежах изображение западных профилей дано в зеркальном отражении. Номера профилей соответствуют номерам на общем плане кургана (рис. 16, 1-2).

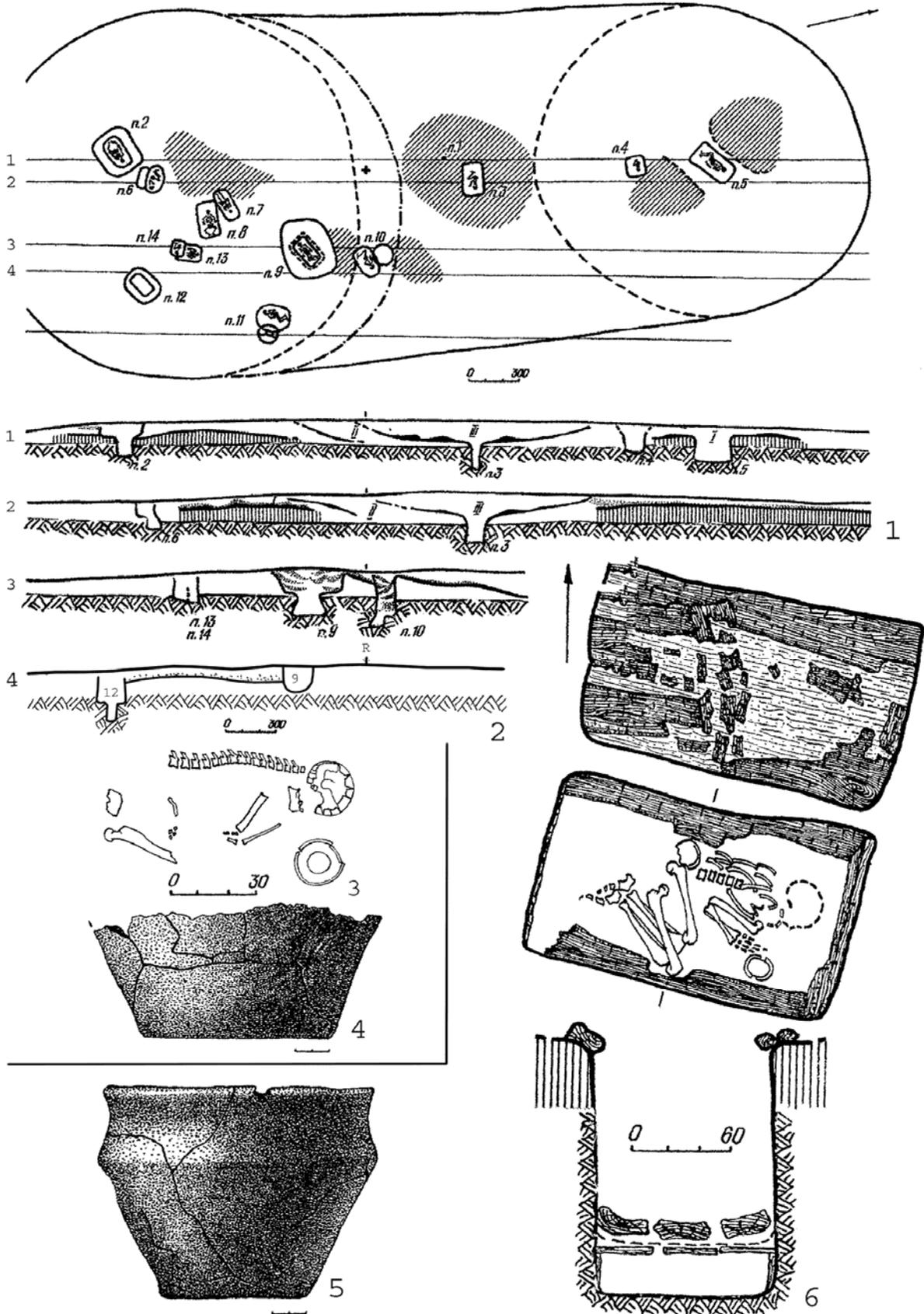

Рис. 16. Курганная группа II, к. 3: 1 – общий план кургана; 2 – профили бровок; 3 – п. 1; 4 – п. 1, фрагмент керамического сосуда; 5 – п. 3, керамический сосуд; 6 – п. 3

Fig. 16. Kurgan Group II, kurgan 3: 1 – general plan; 2 – stratigraphic profiles; 3 – grave 1; 4 – grave 1, clay sherd; 5 – grave 3, clay vessel; 6 – grave 3

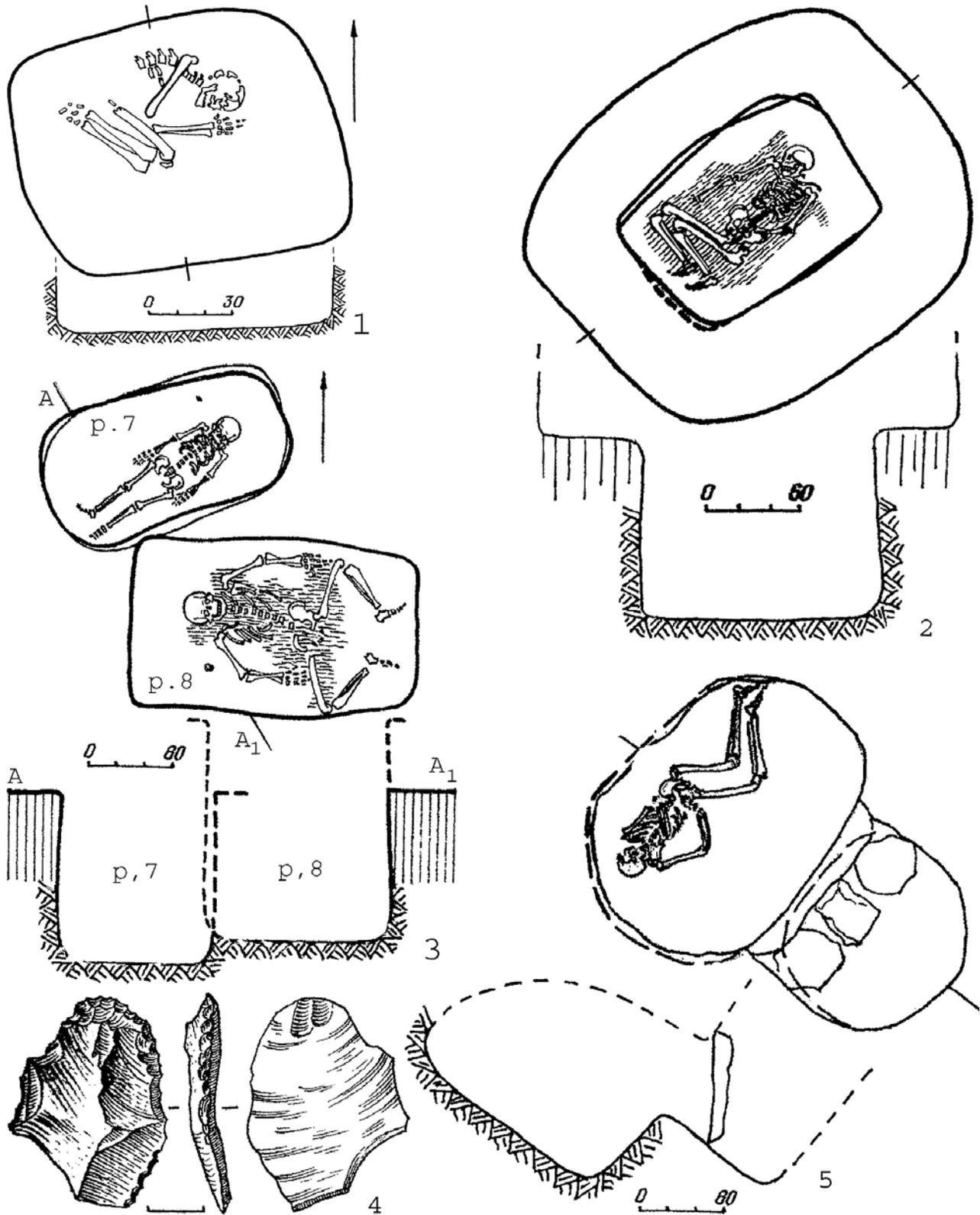

Рис. 17. Курганная группа II, к. 3: 1 – п. 4; 2 – п. 2; 3 – п. 7 и п. 8; 4 – п. 7, кремневый отщеп; 5 – п. 11

Fig. 17. Kurgan Group II, kurgan 3: 1 – grave 4; 2 – grave 2; 3 – grave 7 and grave 8; 4 – grave 7, flint flake; 5 – grave 11

Перемычка, объединившая обе насыпи в один длинный курган, сооружена над срубным погребением № 3, совершенным в центре ложбины между курганами с уровня поверхности подошвы слившихся насыпей. Выкид из погребения мощностью до 0,1-0,15 м

располагался по окружности диаметром до 3 м вокруг ямы на полах южного и северного курганов. Над п. № 3 была возведена довольно мощная насыпь-перемычка, состоявшая из рыхлого комковатого темно-коричневого грунта, объединившая оба кургана в один – длинный. Видимо, последняя досыпка сравняла вершины предыдущих курганов и образовала курган с одной вершиной. Об этом свидетельствует тот факт, что даже сильно оплывшая и распаханная насыпь кургана к моменту раскопок имела максимальную высоту в районе перемычки – над северным склоном южной насыпи (где и был установлен репер). После сооружения перемычки в северной части кургана впущено срубное п. № 4, а в перемычку – срубное п. № 1.

Описание погребений

Погребение 1 (срубное; рис. 16, 3) находилось в 4,6 м к С от “0” на глубине 0,5 м. Могильная яма в насыпи не прослежена, разрушенный скелет погребенного, лежал скорченно на левом боку, головой на В. Перед лицом стояла придонная часть лепного сосуда (1).

1. Нижняя часть тулова крупного плоскодонного сосуда с прямыми сужающимися ко дну стенками. Сосуд сохранился на высоту 8 см, диаметр дна 11,5 см (рис. 16, 4).

Погребение 2 (ямное; рис. 17, 2) находилось в 13,2 м к Ю от “0”. Совершено в могильной яме с уступом по периметру. Яма на уровне уступа прямоугольная в плане, с сильно закругленными углами, размерами 2,6×2,2 м, ориентирована по длинной оси ЮЗ–СВ. На уступе прослежены остатки деревянных плах перекрытия могилы. Ниже уступа яма прямоугольная в плане, размерами 1,4×1,0 м, ориентирована в том же направлении. Дно на глубине 2,1 м (на 1,15 м ниже уступа). Скелет погребенного лежал скорченно на правом боку, головой на СВ. Правая рука вытянута к коленям, левая согнута, с кистью на тазе. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях, пятки у таза. Скелет и дно ямы посыпаны красной охрой.

Погребение 3 (основное для перемычки, срубное; рис. 16, 6) находилось в 5,6 м к С от “0”. Впущено с поверхности ложбины между курганами на глубину 1,5 м. Прямоугольная в плане яма размерами 1,9×1,1 м, ориентирована по длинной оси З–В с небольшим отклонением. Могила была перекрыта массивными деревянными колодами, уложенными по длинной оси ямы. Погребение совершено в простом деревянном ящике типа рамы, сделанном из досок. Рама установлена вплотную к стенкам ямы. По длине ящик перекрыт 4 досками и слоем камыша. Высота стенок 0,25 м. Скелет лежал скорченно на левом боку, головой на В. Руки согнуты, кисти у лица. Ноги согнуты под острым углом к корпусу. Перед черепом стоял сосуд (1).

1. Лепной плоскодонный горшок с ребром в верхней трети тулова. Край венчика отогнут наружу. Поверхность грубо заглажена. Высота сосуда 13 см, диаметр венчика 16 см, дна – 9 см (рис. 16, 5).

Погребение 4 (срубное; рис. 17, 1) находилось в северной части длинного кургана, в 15,4 м к С от “0”. Совершено в могильной яме почти квадратной в плане формы с закругленными углами, размерами 1,1×1,0 м, слегка вытянутой по линии З–В. Дно на глубине 1,6 м. Скелет погребенного лежал скорченно на левом боку, головой на В. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги согнуты под острым углом к корпусу, пятки у таза.

Погребение 5 (основное для северного кургана, ямное; рис. 18, 3) находилось в центре южного кургана, в 20 м к С от “0”. Яма прямоугольная в плане, с выделенными углами, размерами 2,1×1,1 м ориентирована по длинной оси ЮЗ–СВ. Дно на глубине 1,5 м. Скелет погребенного лежал скорченно на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль корпуса, ноги, согнутые коленями вверх, упали вправо. Кости скелета слабо окрашены охрой.

Погребение 6 (бабинское; рис. 18, 1) впущено в центральную часть южного кургана, находилось в 12 м к ЮЗ от “0”. Совершено в катакомбе с параллельным сопряжением входной ямы и камеры, ориентированных по длинной оси ЗСЗ–ВСВ. Овальная в плане входная яма размерами 1,1×0,6 м, частично нависала над камерой. Дно на глубине 1,1 м. Камера полуовальная в плане, размерами 1,2×0,8 м, дно, опущенное в материк, находилось

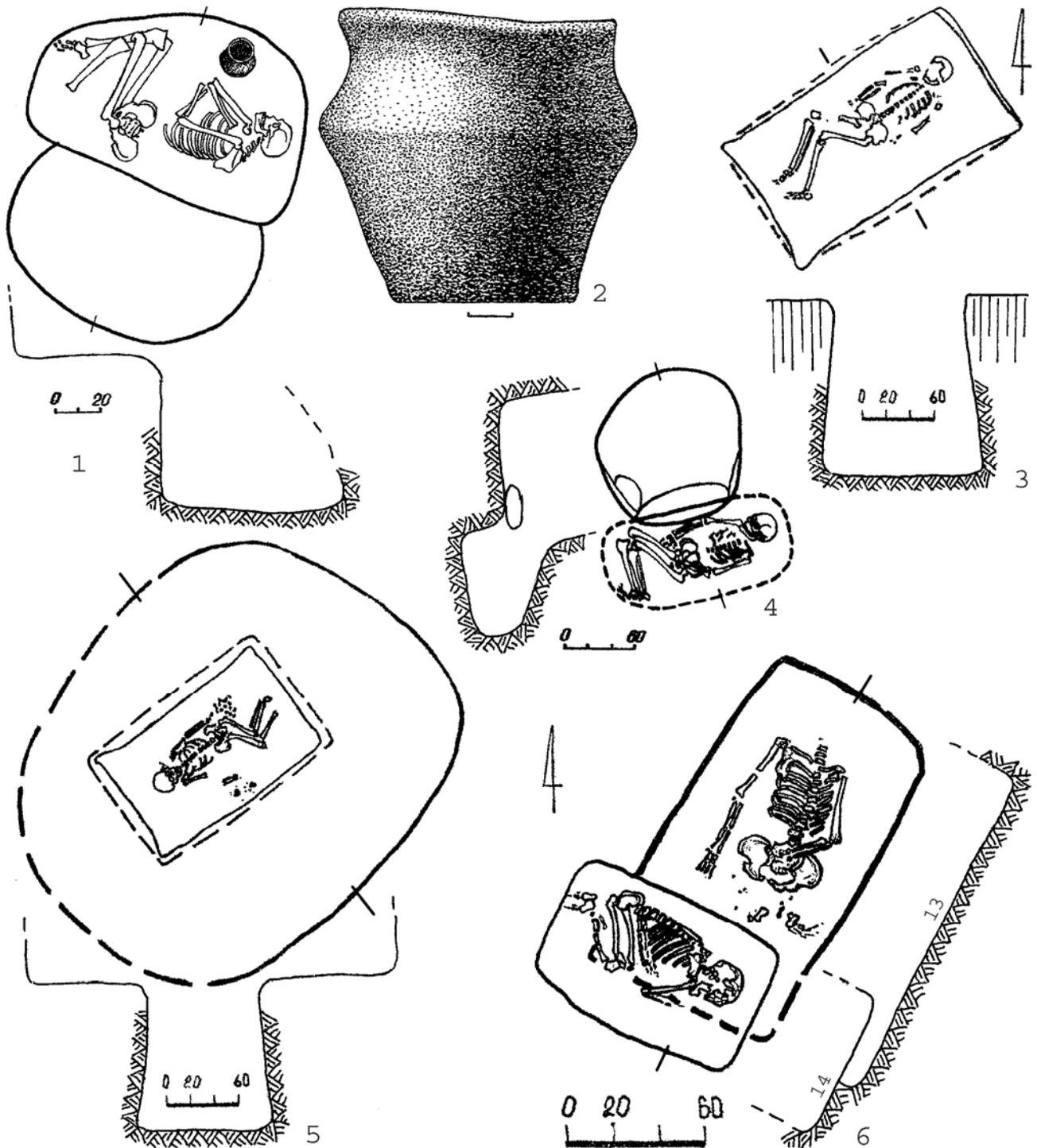

Рис. 18. Курганная группа II, к. 3: 1 – п. 6; 2 – п. 6, керамический сосуд;
3 – п. 5; 4 – п. 10; 5 – п. 9; 6 – п. 13 и п. 14

Fig. 18. Kurgan Group II, kurgan 3: 1 – grave 6; 2 – grave 6, clay vessel;
3 – grave 5; 4 – grave 10; 5 – grave 9; 6 – grave 13 and grave 14

на глубине 1,75 м. Скелет лежал скорченно на правом боку, спиной ко входу, головой на ВЮВ. Руки согнуты в локтях: правая – под острым углом, ее кисть находилась под подбородком; левая – под прямым углом, ее кисть у правого локтя. Ноги согнуты под прямым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях. У правого локтя стоял сосуд (1).

1. Лепной плоскодонный биконический сосуд с относительно высокой, расширенной сверху шейкой. Поверхность заглажена грубыми расчесами. Высота сосуда 13 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 8 см (рис. 18, 2).

Погребение 7 (основное южного кургана, позднеэнеолитическое; рис. 17, 3). Могильная яма прямоугольная в плане с сильно закругленными углами, размерами 1,6×0,9 м, ориентирована по длинной оси ВСВ–ЗЮЗ. Дно на глубине 0,7 м. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на ВСВ. Справа от черепа находилось кремневое орудие (1). Череп окрашен охрой.

1. Кремневый скребок на отщепе полукруглой формы, края по окружности подработаны нерегулярной ретушью (рис. 17, 4).

Погребение 8 (ямное; рис. 17, 3) находилось рядом с п. № 7, и прорезало его стенку. Могильная яма прямоугольная в плане, размерами 1,9×1,2 м, ориентирована по длинной оси В–З. Дно на глубине 1,5 м. Скелет погребенного лежал скорченно на спине, головой на З. Ноги, согнутые коленями вверх, распались ромбом. Возле правого плеча лежал кусок фиолетовой охры.

Погребение 9 (основное для второй насыпи южного кургана, ямное; рис. 18, 5) впущено в северо-восточную полу первичной насыпи южного кургана, находилось в 4 м к ЮВ от “0”. Совершено в яме с широким уступом по периметру. Верхняя часть ямы прямоугольная в плане с сильно закругленными углами (3,6×3,0 м), ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ. На уступе прослежены остатки деревянных плах перекрытия, уложенных по длинной оси ямы. Яма ниже уступа в плане прямоугольная с выделенными углами, размерами 1,6×1,0 м, расширялась ко дну по периметру. Ориентировка по длинной оси смещена ближе к широтной оси. Дно на глубине 2,55 м (на 1,25 м ниже уступа). Скелет ребенка лежал скорченно на спине, головой на ЮЗ. Руки вытянуты вдоль корпуса. Ноги, согнутые коленями вверх, упали вправо. Слева у черепа лежал астрагал, еще два астрагала находились возле правой кисти. На костях скелета слабые следы охры. Пятно красной охры находилось у кисти левой руки.

Погребение 10 (катакомбное; рис. 18, 4) впущено в северо-восточную полу южного кургана, находилось в 4 м к В от “0”. Совершено в катакомбе с округлой в плане входной ямой и овальной камерой, выведенной по касательной к окружности кургана. Катакомба устроена в материковом грунте. Диаметр входной ямы 1,25 м, дно на глубине 2,4 м. Ширина входа, устроенного в юго-восточной стенке 0,9 м, высота 0,5 м. У входа лежал необработанный камень. Камера ориентирована по длинной оси ВСВ–ЗЮЗ, ее размеры 1,6×0,8 м, дно на глубине 2,85 м. Скелет лежал на скорченно правом боку, головой на ВСВ. Правая рука вытянута, левая согнута в локте, кисть на тазе. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях. На черепе – следы трепанации.

Погребение 11 (катакомбное; рис. 17, 5) впущено в восточную полу южного кургана, находилось в 11 м к ЮВ от “0”. Совершено в катакомбе с камерой, выведенной в сторону центра насыпи южного кургана. Входная яма округлая в плане диаметром 1,1 м, дно на глубине 1,06 м – достигало поверхности материкового суглинка. Входное отверстие, устроенное в западной стенке, было закрыто тремя необработанными известняковыми плитами. Ширина входа 1,1 м, высота 0,5 м. Камера, устроенная в слое материка, овальная в плане, размерами 2,0×1,4 м, ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ, дно на глубине 1,72 м. Скелет лежал на правом боку в скорченном положении, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях: локоть правой руки отведен в сторону от корпуса, кисть на тазе; предплечье левой направлено поперек грудной клетки. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под прямым в коленях.

Погребение 12 (ямное, кенотаф; рис. 16, 1) совершено в юго-восточной поле южного кургана в яме с уступом по периметру. Яма на уровне уступа прямоугольная в плане с сильно закругленными углами, размерами 2,2×2,0 м, ориентирована по длинной оси В–З. На уступе лежала лопатка коровы или быка. Яма ниже уступа прямоугольная в плане,

размерами 1,4×0,8 м, дно на глубине 2,9 м (на 0,9 м ниже уступа). На дне пятна красной охры.

Погребение 13 (ямное; рис. 18, б) находилось в центральной части южного кургана, в 11 м к Ю от “0”. Прямоугольная в плане могильная яма размерами 1,6×0,85 м, ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ. Ее юго-западная часть разрушена погребением 14. Дно ямы на глубине 1,6 м. Погребенный уложен скорченно на спине, головой на СВ. Ноги уничтожены ямой погребения 14. Скелет слабо окрашен охрой.

Погребение 14 (бабинское, рис. 18, б) совершено в южной части длинного кургана, в 11,4 м к ЮВ от “0”. Его ямой перекрыта и разрушена юго-западная часть ямного п. 13. Могильная яма прямоугольная в плане размерами 1,0×0,7 м, ориентирована по длинной оси ЮВ–СЗ. Дно на глубине 1,52 м. Скелет ребенка лежал скорченно на левом боку, головой на ЮВ. Руки согнуты в локтях, кисти у лица. Ноги согнуты под острым углом, пятки у таза.

Курганная группа III

Находилась в 1,75 км к Ю от курганной группы I и в 1,12 км к ЮЗ от курганной группы II. Группа представляла собой компактное сосредоточение из 8 курганов⁸ высотой от 0,5 до 4 м, в котором доминирующее положение занимал к. № 7, расположенный на ее восточном краю. Остальные курганы располагались к югу, юго-западу и западу от него в радиусе 75–200 м. В 1981 г. были исследованы 4 кургана, среди них один скифский (№ 2), курган белозерского времени (№ 4) [Евдокимов 1987] и два кургана эпохи бронзы (№№ 1 и 3).

Курган № 1

Находился на западном краю группы, в 200 м к З от к. № 7. Насыпь округлая в плане диаметром до 22 м, высотой 0,8 м от уровня окружающего поля. Условный центр установлен примерно в геометрическом центре насыпи, в наиболее высокой ее точке. В кургане исследовано 4 погребения (рис. 19, I): 3 срубной культуры (№№ 1, 2, 3) и 1 ногайское (№ 4).

*Стратиграфия кургана*⁹

Насыпь, состоявшая из плотного однородного чернозема, была возведена в один прием над двумя срубными погребениями №№ 1 и 2. Выкиды из этих погребений были уложены на поверхности ДГ. Выкид из п. 1 частично прослежен в плане траншеи к СЗ от погребения в виде фрагмента дуги шириной до 1,1 м. Выкид из п. 2, наблюдавшийся в профиле бровки и в плане траншеи, был расположен к ЮВ от погребения в виде широкой дуги протяженностью до 4 м, шириной до 1,6 м. Судя по профилю бровки, его мощность составляла до 0,3 м. Грунт для возведения насыпи, видимо, брался на месте, о чем свидетельствует скрытая по окружности поверхность ДГ. Его глубина составляла 0,9 м от современной поверхности кургана. Возможно, диаметр сохранившейся поверхности ДГ (15–20 м) маркирует первоначальные границы насыпи, которая со временем оплыла в около-курганную выемку. Погребение № 3 было впущено в северо-восточный склон насыпи, его яма наблюдалась в профиле бровки практически под пахотным слоем.

Описание погребений

Погребение 1 (основное, срубное; рис. 19, 3) находилось в центральной части кургана, в 1,8 м к СЗ от “0”. Трапезиевидная в плане могильная яма, размерами 1,3×0,9–1,1 м, опущенная на глубину 1,1 м, ориентирована по длинной оси В–З с небольшим отклонением. На дне ямы прослежены остатки простого одновенцового сруба. Внутри сруба лежал скелет скорченно на левом боку, головой на В. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги согнуты под острым углом к корпусу. Перед лицом стоял сосуд (1).

⁸ На ситуационном плане экспедиции (рис. 2) обозначено 7 насыпей, в тексте отчета указано 8.

⁹ Наблюдения сделаны по наиболее информативному западному профилю 1-й восточной бровки и в плане кургана (рис. 19, I).

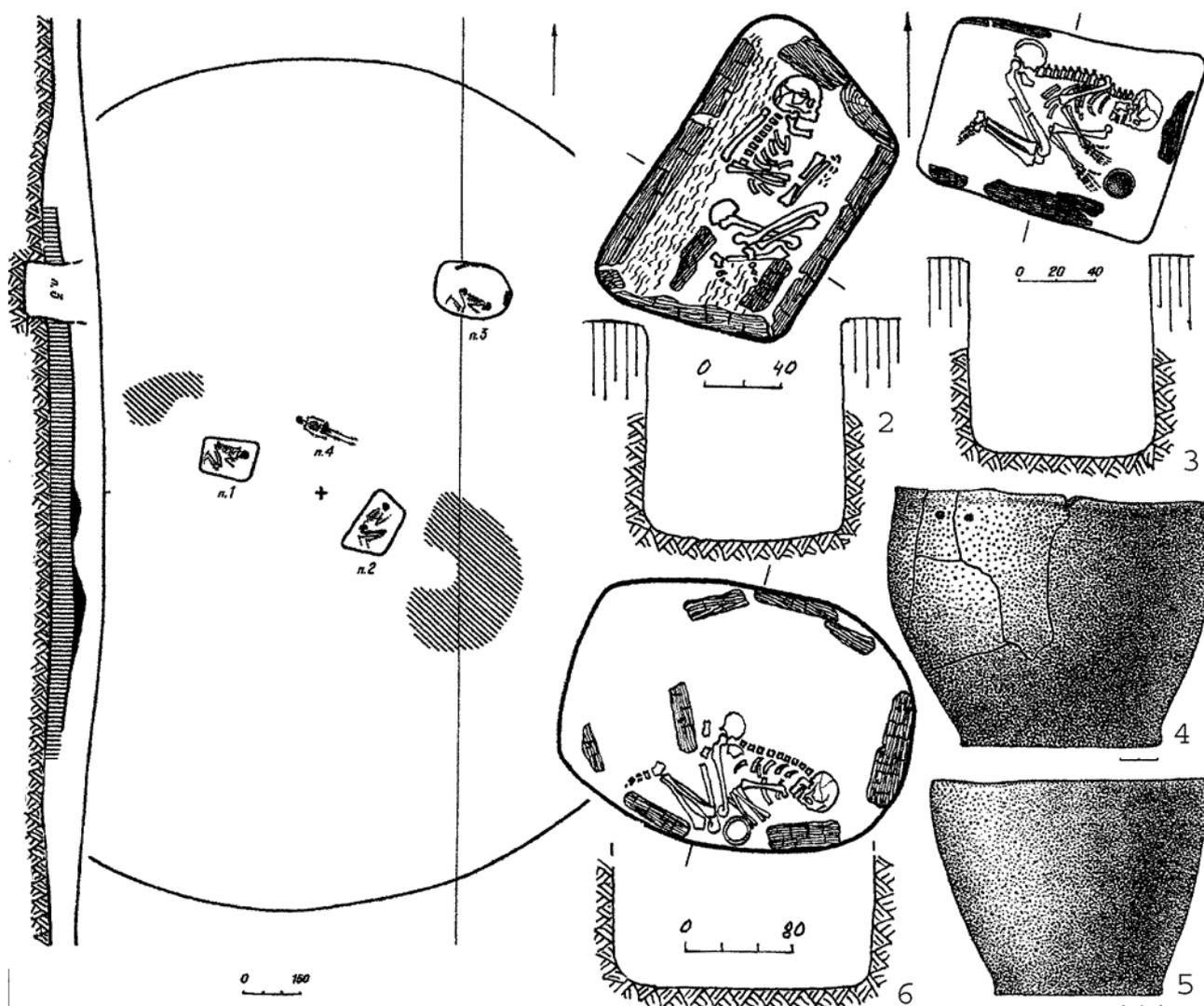

Рис. 19. Курганная группа III, к. 1: 1 – общий план кургана и профиль бровки; 2 – п. 2; 3 – п. 1; 4 – п. 1, керамический сосуд; 5 – п. 3, керамический сосуд; 6 – п. 3

Fig. 19. Kurgan Group III, kurgan 1: 1 – general plan and stratigraphic profile; 2 – grave 2; 3 – grave 1; 4 – grave 1, clay vessel; 5 – grave 3, clay vessel; 6 – grave 3

1. Лепной плоскодонный сосуд баночного типа с широким горлом, округлыми боками. Венчик закруглен, слегка отогнут наружу. Дно с небольшой закраиной. Под горловиной в стенке сосуда высверлена пара округлых сквозных отверстий, возможно, для ремонта образовавшейся здесь трещины. Поверхность покрыта приглаженными “расчесами”. Высота 14 см, диаметр венчика 17 см, диаметр дна 11 см (рис. 19, 4).

Погребение 2 (основное, срубное; рис. 19, 2) находилось в центральной части кургана, в 1,2 м к ЮВ от “0”. Трапециевидная в плане яма размерами 1,8×1,3-1,0 м, опущенная на глубину 1,3 м, ориентирована по длинной оси СВ-ЮЗ. В яме прослежены остатки одновенцового сруба, перекрытого по длинной оси четырьмя досками. Доски обожжены. Скелет лежал скорченно на левом боку, головой на СВ. Руки согнуты, кисть левой перед лицом, кисть правой – на груди. Ноги согнуты под острым углом к корпусу, пятки у таза.

Погребение 3 (срубное; рис. 19, 6) находилось в 6 м к СВ от “0”. Овальная в плане могильная яма размерами 1,9×1,4 м ориентирована по длинной оси В-З, дно на глубине 2,06 м. На дне ямы по периметру стенок прослежены остатки деревянных плах. Скелет лежал вдоль южной стенки ямы скорченно, на левом боку, головой на В. Руки согнуты, кисти перед

лицом. Ноги согнуты под острым углом к корпусу. Между локтями и коленями под южной стенкой стоял сосуд (1).

1. Лепной плоскодонный горшок баночной формы, с чуть выпуклыми стенками, сужающимися ко дну. Дно с небольшой закраиной. Высота сосуда 11 см, диаметром венчика 15 см, дна – 9 см (рис. 19, 5).

Погребение 4 (ногайское, рис. 19, 1). Находилось в центральной части кургана, в 1,4 м к С от “0”. Погребальное сооружение, устроенное в черноземной насыпи, не прослежено. На глубине 0,5 м лежал скелет взрослого человека: в вытянутом положении на спине с наклоном вправо, головой на СЗ. Правая рука вытянута, левая слегка согнута в локте с кистью на тазе.

Курган № 3

Находился в 75 м к ЮЗ от к. № 7 и в 150 м к ЮВ от к. № 1. Круглая в плане насыпь имела диаметр 28 м, высоту 1,2 м. Условный центр кургана установлен примерно в его геометрическом центре, в самой высокой точке насыпи.

*Стратиграфия кургана*¹⁰

В кургане исследовано 8 погребений эпохи энеолита – поздней бронзы (рис. 20, 1): 1 – энеолитическое (№ 7), 1 – катакомбное (№ 6), 3 – бабинских (№№ 1, 5, 8), 1 – срубное (№ 4), 2 – неопределенных (№ № 2, 3). Курган сооружен в два приема. Первая насыпь высотой 0,7 м, диаметром 9 м, состоявшая из плотного темно-коричневого грунта, была возведена энеолитическим погребением 7, находившимся практически в центре кургана. Могильная яма п. 7 была опущена с уровня ДГ, выкид располагался с северной стороны от ямы. Вторая насыпь кургана связана с катакомбным погребением 6, впущенным в северо-восточный склон первичной насыпи. Выкид из п. 6 мощностью до 0,2 м, шириной до 2 м был спланирован дугой по юго-западному склону первичной насыпи. Вторая насыпь состояла из плотного темно-серого грунта. Вероятно, полы ее сильно оплыли и сползли в околоскурганную выемку, диаметр сплывшей насыпи на момент раскопок составлял около 28 м, высота 1,20 м над уровнем ДГ. Грунт для строительства обеих насыпей брался в околоскурганном пространстве, что сопровождалось срезанием слоя чернозема. Поверхность ДГ, находившаяся на глубине 1,2 м от современной поверхности кургана, сохранилась только под первичной насыпью. Особенностью данного кургана является тот факт, что большинство перечисленных впускных погребений были сосредоточены на небольшом участке в центральной части кургана, ограниченной границами первичной насыпи, при этом ямы более ранних погребений были перекрыты более поздними (рис. 21, 1-3).

Описание погребений

Погребение 1 (бабинское; рис. 22, 4) находилось в центре кургана, в 1,15 м к В от “0”. Трапециевидная в плане яма, размерами 1,0×0,5 м, ориентирована подлинной оси С–Ю. Ее северная часть была разрушена более поздним погребением 2. Дно ямы на глубине 1,15 м. В яме прослежены остатки детского скелета, лежавшего в скорченном положении на левом боку, головой на Ю. Рядом с черепом находилась придонная часть лепного сосуда (1). Дно покрыто тленом от камышовой подстилки.

1. Придонная часть лепного плоскодонного сосуда, имевшего округлое тулово. Дно диаметром 9 см выделено невысоким поддоном, с округлым углублением в центре на наружной части днища (рис. 22, 3).

Погребение 2 (не определенное, эпохи бронзы; рис. 22, 4) находилось в 1,25 м к СВ от “0”. Его яма прорезала северную часть ямы п. 1. Трапециевидная в плане яма размерами 1,4×0,9 м, ориентирована по длинной оси СВ–ЮЗ. Дно на глубине 1,9 м. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на ЮЗ. Руки согнуты, кисти перед лицом. Ноги согнуты под острым углом к корпусу.

¹⁰ Наблюдения произведены по профилям центральной бровки – западный профиль ее (№ 1) на чертеже (рис. 20, 2) представлен в зеркальном отражении.

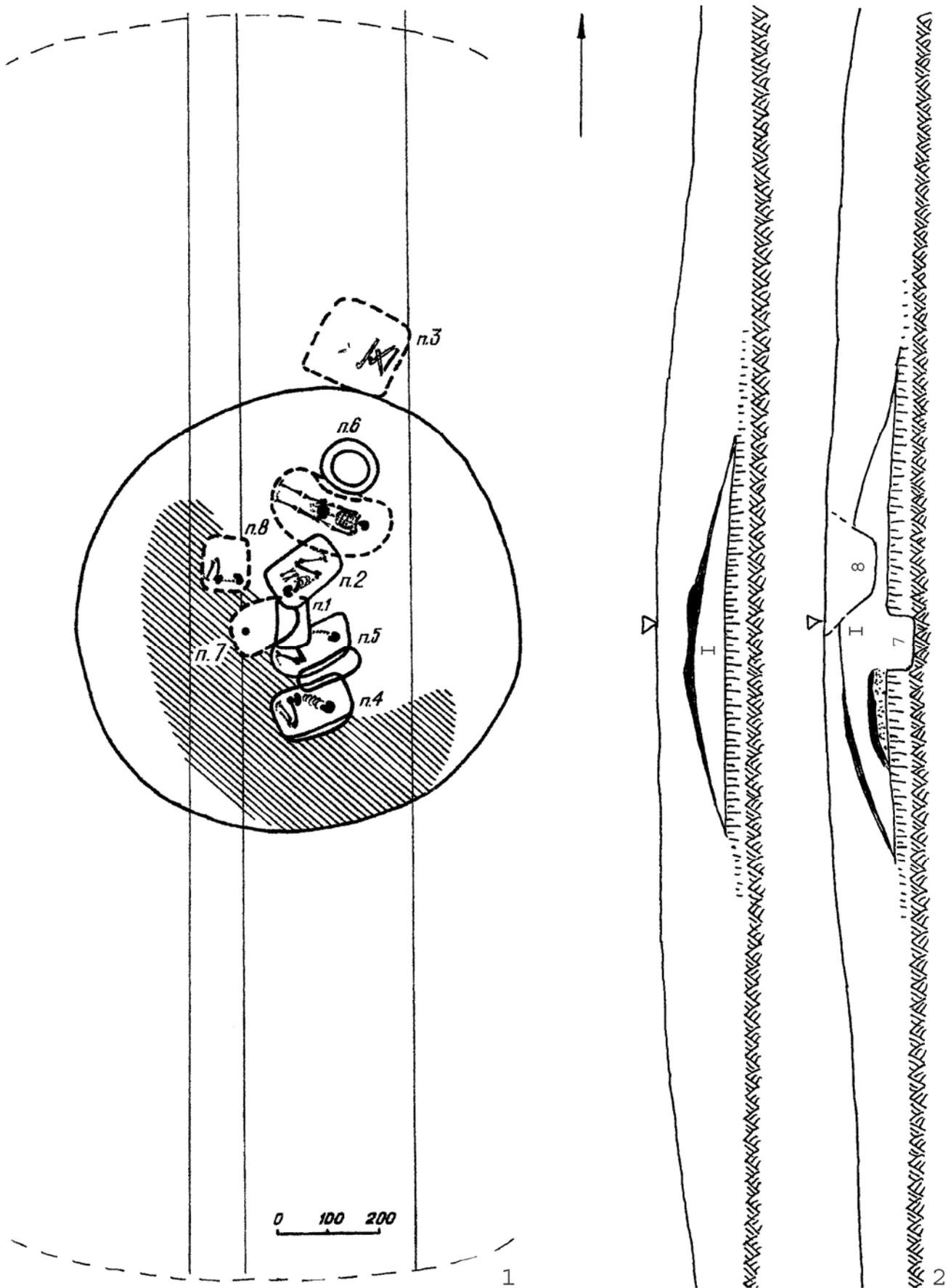

Рис. 20. Курганная группа III, к. 3: общий план и профили бровок
Fig. 20. Kurgan Group III, kurgan 3: general plan and stratigraphic profiles

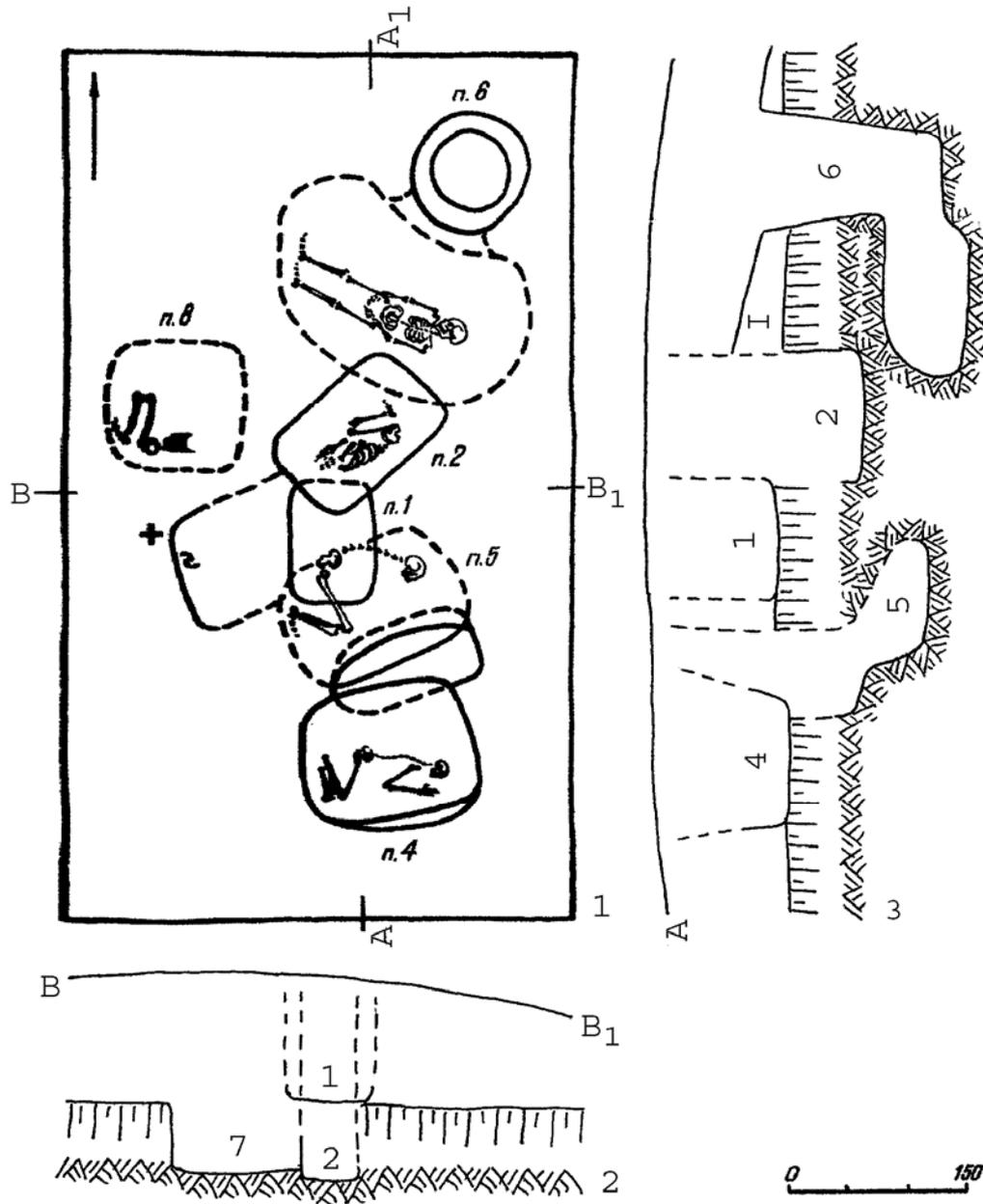
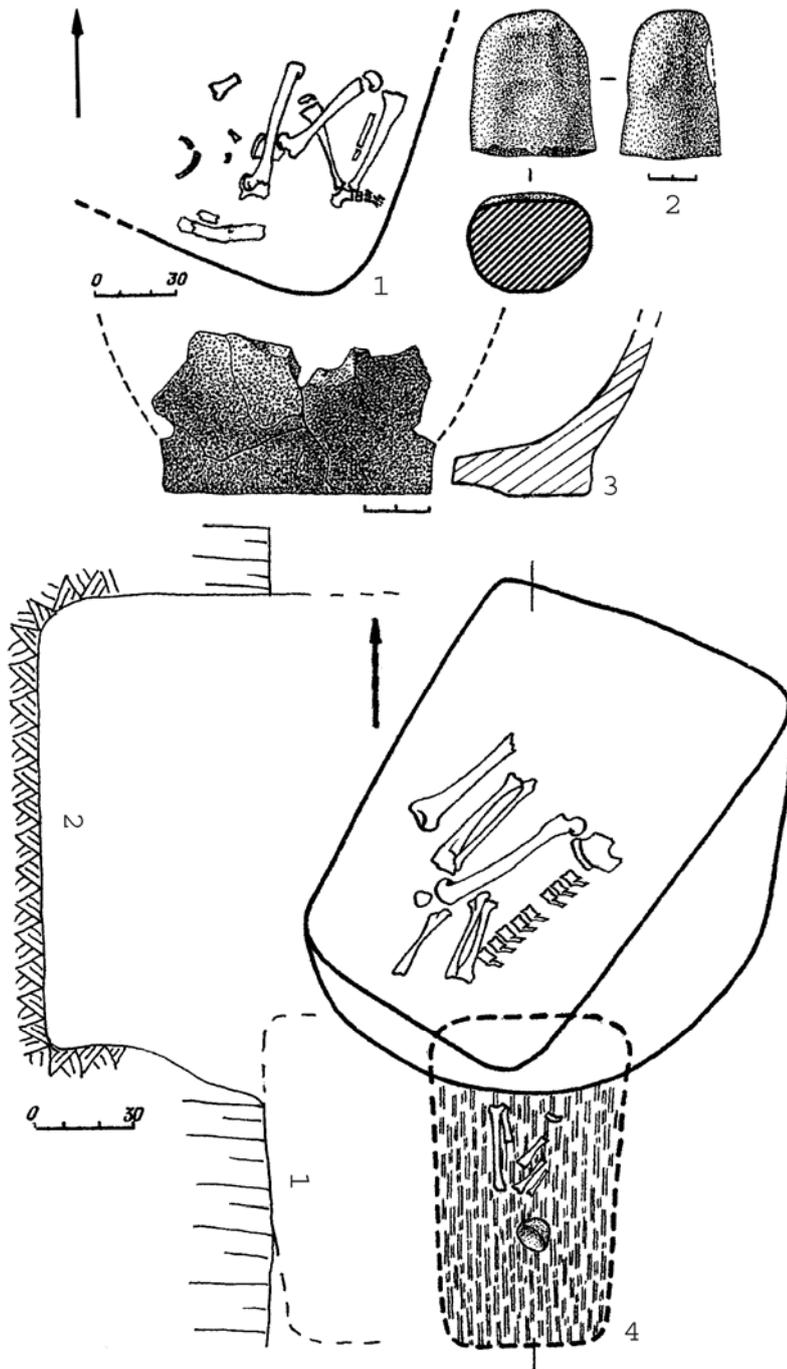

Рис. 21. Курганная группа III, к. 3: выноска центральной части кургана и схема стратиграфического распределения погребений

Fig. 21. Kurgan Group III, kurgan 3: the central area of the kurgan and scheme of stratigraphic distribution of graves

Погребение 3 (не определенное, эпохи бронзы; рис. 22, 1) находилось в 6 м к СВ от “0”, было разрушено современными ямами. Сохранились контуры южного угла, видимо, прямоугольной ямы, дно которой находилось на глубине 1,4 м. В сохранившейся части ямы у южного угла находились остатки погребенного – ноги человека, лежавшего на левом боку, скорченно, головой, видимо, на СЗ. За спиной погребенного лежали ребро крупного животного и обломок каменного орудия (1).

1. Фрагмент бруска из плотного песчаника с закругленной “вершиной” и плоским основанием – местом облома, овальным сечением, слегка уплощенный с одной стороны. Поверхность зашлифована. На уплощенной поверхности небольшая округлая выемка, на закругленных боковых сторонах выбоины и продольные бороздки от использования бруска в качестве точила. Размеры бруска 5,8×5,1 см, толщина 4,2 см (рис. 22, 2)

← **Рис. 22.** Курганная группа III, к. 3: 1 – п. 3; 2 – п. 3, обломок каменного бруска; 3 – п. 1, фрагмент керамического сосуда; 4 – п. 1 и п. 2

← **Fig. 22.** Kurgan Group III, kurgan 3: 1 – grave 3; 2 – grave 3, fragment of a stone bar; 3 – grave 1, clay sherd; 4 – grave 1 and grave 2

Погребение 4 (срубное; рис. 23, 1) находилось в 3,9 м к ЮВ от “0”. Могильная яма погребения прорезала материковый выкид из п. 6, лежавшего на поверхности первичной насыпи и верхнюю часть входной ямы п. 5. Прямоугольная в плане яма размерами 1,5×1,0 м ориентирована по длинной оси ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении прослежены остатки плах перекрытия, уложенных поперек ямы. На одной из просевших плах стоял сосуд (1). Дно на глубине 1,2 м. Скелет погребенного лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренных суставах и под острым в коленях. Перед лицом погребенного стоял второй сосуд (2).

1. Лепной плоскодонный сосуд с широкой горловиной и ребристыми плечиками. Край венчика закруглен и слегка отогнут наружу. Поверхность

покрыта грубыми расчесами. Высота 13 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна 9 см (рис. 23, 2).

2. Лепной плоскодонный сосуд с широкой горловиной и ребристыми плечиками. Венчик закруглен, слегка отогнут. Верхняя часть тулова орнаментирована отпечатками шнура. Короткие вертикальные отпечатки нанесены по краю венчика. Плечики до ребра опоясывает горизонтальный фриз, заполненный чередующимися V-видными, Λ-видными и X-видными фигурами. Высота сосуда 12 см, диаметр венчика 16 см, диаметр дна 9 см (рис. 23, 3-4).

Погребение 5 (бабинское; рис. 23, 5) находилось в 2,3 м к ЮВ от “0”. Совершено в катакомбе с параллельным сопряжением входной ямы и камеры, ориентированных по длинной оси ВСВ–ЗЮЗ. Размеры входной ямы 1,6×0,7 м, дно на глубине 1,88 м. Вход в камеру, устроенный по всей длине северо-западной стенки ямы, был выделен наклонным спуском и закрыт деревянными плашками. Камера размерами 1,7×0,8 м, ее дно на глубине

2,43 м. Скелет погребенного лежал скорченно на левом боку, головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях, кисть левой лежала перед лицом, кисть правой согнута под прямым углом в запястье и направлена к коленям. У голени возле колен находилась пряжка (1).

1. Фрагментированная овальная костяная пряжка с большим отверстием в центре. Длина пряжки 5 см, ширина 4,3 см, диаметр отверстия 1,5 см (рис. 23, б).

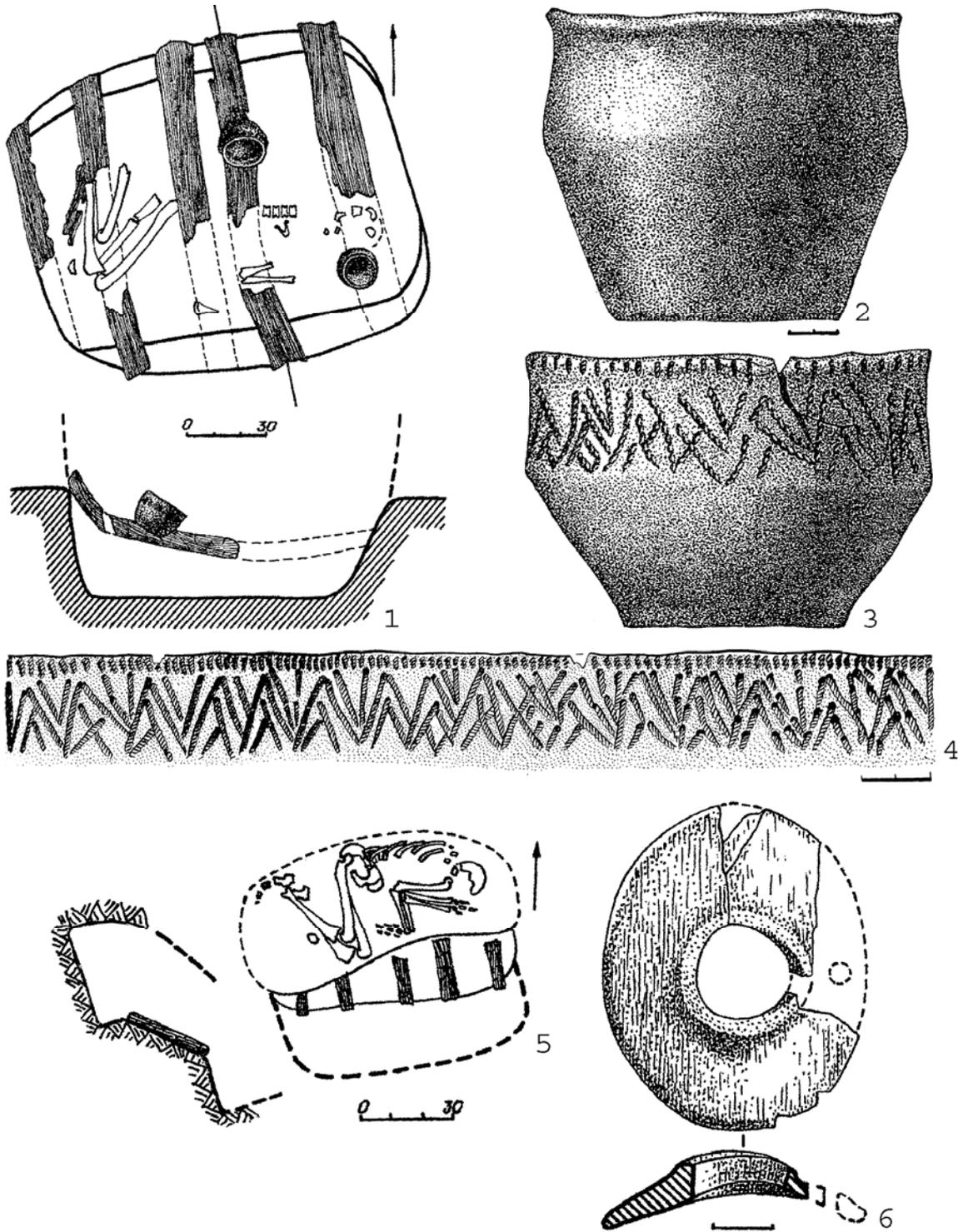

Рис. 23. Курганная группа III, к. 3: 1 – п. 4; 2, 3 – п. 4, керамические сосуды; 4 – разворот орнамента на сосуде; 5 – п. 5, костяная пряжка; 6 – п. 5

Fig. 23. Kurgan Group III, kurgan.3: 1 – grave 4; 2, 3 – grave 4, clay vessels; 4 – décor of the vessel; 5 – grave 5, bone buckle; 6 – grave 5

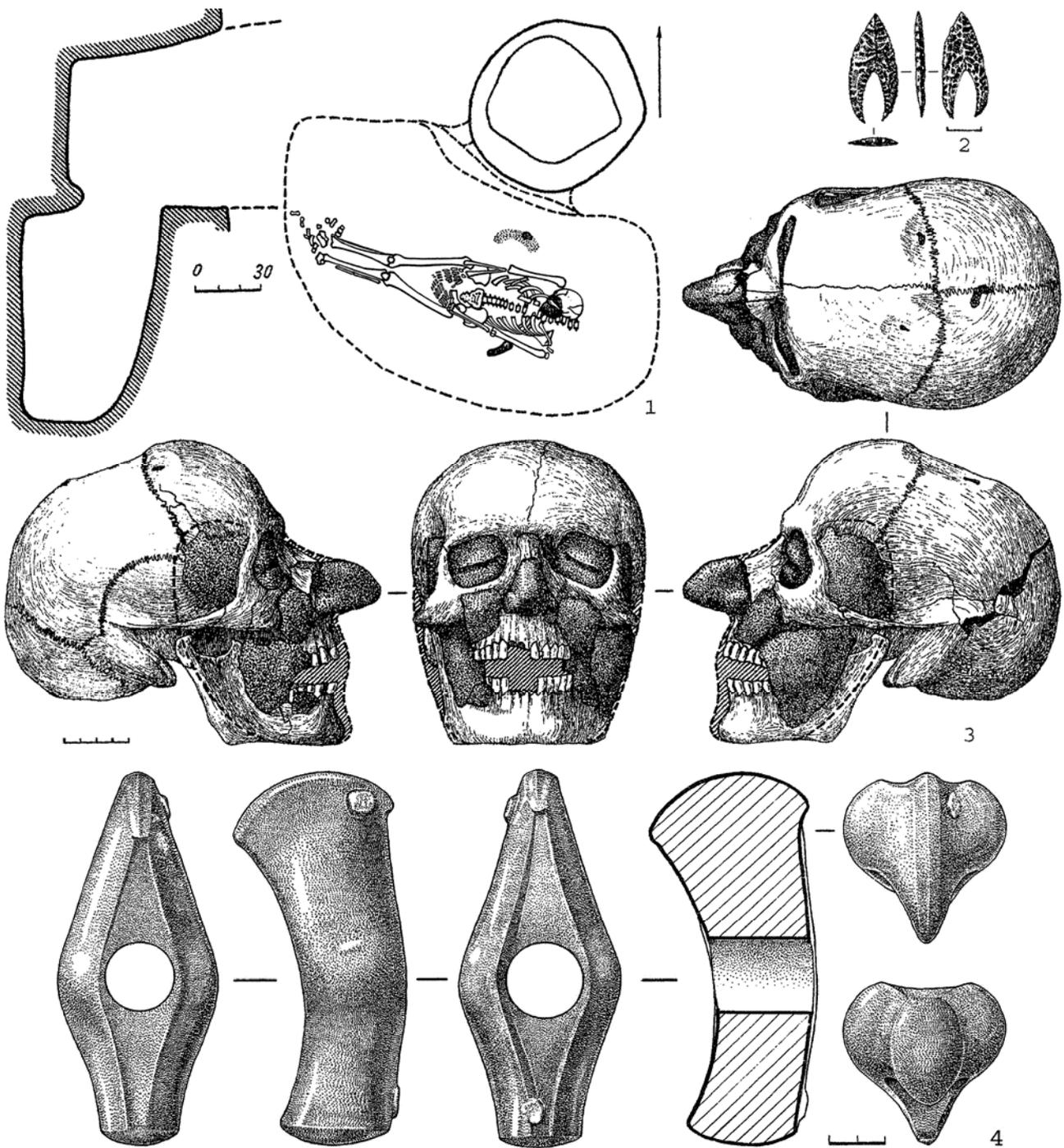

Рис. 24. Курганная группа III, к. 3, п. 6: 1 – план и профиль погребения; 2 – кремневый наконечник стрелы; 3 – моделированный череп; 4 – каменный топор

Fig. 24. Kurgan Group III, kurgan 3, grave 6: 1 – plan and cross-section of the grave; 2 – flint arrowhead; 3 – modeled skull; 4 – stone axe

Погребение 6 (основное для второй насыпи, катакомбное; рис. 24, 1) впущено в северо-восточный склон первичного кургана, находилось в 4 м к СВ от “0”. Совершено в катакомбе с округлой входной ямой и фасолевидной камерой, выведенной к центру первичной насыпи. Округлая в плане входная яма сужалась ко дну, где ее диаметр составлял 0,7 м. Дно на глубине 2,75 м. Вход выделен коротким (шириной 0,25 м), расширенным к камере простенком с порожек высотой 0,1 м, шириной 0,2 м. Камера, размерами 2,5×1,3 м, ориентирована по длинной оси В–З с небольшим отклонением, дно на глубине 3,0 м. Высота

свода 0,8 м. Скелет погребенного лежал вытянуто на спине, головой на ВЮВ. Череп, отделенный от шейных позвонков, стоял на основании на правом плече, лицевой частью к ногам. Лицевая часть черепа покрыта “маской” (1). Руки вытянуты вдоль корпуса, кисти сложены в районе нижней части таза. Между грудиной и ребром торчал наконечник стрелы (2). У локтя левой руки лежал каменный топор (3). Между правой рукой и входом на дне камеры прослежено овальное пятно красной охры. Красной охрой окрашены маска, часть правой руки и ноги погребенного. Все дно камеры окрашено охрой бордового цвета.

1. “Маска”, наложенная на лицевую часть черепа, выполнена из глины с примесью охры и угольков. Этой массой заполнены глазницы, височные и межчелюстные впадины, сформован большой горбатый нос, и, судя по расслоившимся фрагментам, была покрыта нижняя часть лицевого отдела до подбородка. В глазницах прорезями отчетливо переданы глаза с сомкнутыми веками. На верхней части черепной коробки у темени отмечены три небольшие выемки костного материала со сквозными отверстиями в центре (рис. 24, 3).

2. Кремневый наконечник стрелы овальных очертаний с глубокой выемкой в основании. Концы шипов загнуты внутрь. Длина 3,5 см, ширина 1,5 см (рис. 24, 2).

3. Андезитобазальтовый проушный топор черного цвета с вкраплениями белых кварцевых зерен. В плане – ромбовидный, изогнутый в профиле, с расширенным к лезвию клином, с овальным обушком и притупленным лезвием. Круглая проушина расположена в центре топора. Поверхность отполирована, изящество формы подчеркнута рельефом уплощенных спинки и брошка, лезвие – широкой полоской с нервюрой по центру. На теле топора при обработке оставлены два небольших округлых выступа: один на боку клина у верхней части лезвия, второй – на спинке у обушка. Длина 14 см, ширина в центральной части 6 см, ширина в сечении 4 см, диаметр проушного отверстия 2,2 см (рис. 24, 4).

Погребение 7 (основное, позднеэнеолитическое; рис. 20, 1-2). Находилось в центре кургана. Могильная яма нарушена более поздними погребениями 1 и 2. Судя по сохранившейся части, она была неглубокой (до 0,25 м), овальной в плане, ориентированной по длинной оси СВ–ЮЗ. Ширина ямы 1,1 м. На дне юго-западной ее части находились остатки черепа подростка. На дне прослежен растительный тлен.

Погребение 8 (бабинское?, рис. 20, 1-2). Находилось в 1 м к С от “0”. Контур ямы, сужавшейся ко дну, наблюдались в профиле бровки. Погребение совершено в насыпи на глубине 1 м, в плане границы ямы не определены. На дне прослежены остатки растительной подстилки в виде белого тлена, на которой находились кости совершенно истлевшего скелета. Судя по сохранившимся отпечаткам костей, погребенный лежал на правом боку, скорченно, головой на В.

Культурно-хронологические группы погребений

Таким образом, всего в 6 публикуемых курганах исследовано 59 погребений. Из них 57 относятся к эпохе энеолита – бронзового века, распределение которых по культурам представлено в табл. 1. Исследованные курганы содержали от 20 до 4 погребений. Начало строительства трех курганов относится к эпохе энеолита (к. 2, гр. I; к. 3 гр. III и южная насыпь длинного кургана 3 гр. II), которые достраивались в ямное время, а в одном случае над впускным катакомбным погребением (к. 3, гр. III). Три кургана возведены над погребениями ямной КИО (курганы №№ 1 и 3 гр. I; северная насыпь длинного кургана 3 гр. II). В двух курганах фиксировались достройки насыпей над погребениями срубной КИО (к. 1, гр. I; к. 3, гр. II) а один – возведен над погребениями срубной КИО (к. 1, гр. III).

Два погребения являлись наиболее поздними впускными в курганах: одно представляло собой разрушенную скифскую катакомбу (I-2/3)¹¹, второе было ногайским, совершенным в насыпи кургана (III-1/4).

¹¹ Здесь и далее римскими цифрами обозначен номер курганной группы, арабскими цифрами: в числителе – номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

Табл. 1. Распределение погребений по культурам энеолита-бронзы

№№ курганной группы	№ кургана	Поздний энеолит	Ямная культура	Катакомбная культура	Бабинского круга	Срубная культура	Неопред.
Гр. I	№ 1		3	13	2	2	
	№ 2	1	2	2			1
	№ 3		4	1	1		
Гр. II	№ 3	1	6	2	2	3	
Гр. III	№ 1					3	1
	№ 3	1		1	3	1	2
Всего	57	3	15	19	8	9	3

Погребения позднего энеолита

Поздний энеолит представлен тремя основными погребениями, которые, судя по признакам погребального обряда, относятся к постмариупольской/квитянской культуре. Все они совершены на незначительной глубине (до 0,8 м от ДГ), в ямах вытянутых пропорций с сильно закругленными углами, размеры которых зависели, очевидно, от возраста погребенных. Два из них содержали вытянутые на спине скелеты – взрослого (I-2/2) и ребенка (II-3/7), в разрушенном п. III-3/7 находился череп подростка¹². В двух случаях погребенные ориентированы на СВ, в разрушенном погребении III-3/7 череп лежал в юго-западной части ямы. Степень окраски скелетов различна – от интенсивной (I-2/2) до окраски отдельных частей (II-3/7). Погребение I-2/2 сопровождалось двумя кусками охры малинового цвета, п. II-3/7 – кремневым скребком. Особо следует отметить заклад над п. I-2/2, в составе которого находилась антропоморфная стела. Стелы крайне редко встречаются в закладах над захоронениями постмариупольской/квитянской культуры¹³. В нашем случае стела представляла собой небольшую почти прямоугольную плиту белого известняка. Голова передана небольшим овальной формы выступом. На лицевой части округлыми углублениями нанесено изображение: “грудь” от “плеча к плечу” пересекают два ряда углублений, от которых у правого “плеча” к “поясу” опущен такой же двойной ряд и еще один – более короткий, опущен примерно по центру “груди”. Если по форме публикуемая стела относится к наиболее распространенному типу антропоморфных стел энеолита-бронзы, то по стилю оформления не имеет аналогов. Изображение по стилистике, на наш взгляд, напоминает орнаментальные схемы на известных антропоморфных статуэтках серезлиевского типа, но выполненных в иной технике. На последних помимо шейных украшений усматривают изображения перевязей, как отличительных знаков жреческих атрибутов [Ковалева 2003, с. 112-113, рис. 5].

К сожалению, отсутствие датирующего материала не позволяет определить ни время совершения этих погребений, ни их соотношения между собой, поскольку они рассредоточены по разным курганным группам. Согласно Ю.Я. Рассмакину, публикуемые погребения входят в ареал ближней периферии постмариупольской/квитянской культуры [Рассмакин 2013, с. 25, рис. 6], в рамках которой предполагается существование двух хронологических этапов, соответствующих по трипольской периодизации этапам В/2–С/1 и С/1–С/2, со значительным преобладанием соответствий в инвентаре материалам этапа С/2 трипольской культуры. В настоящее время имеется небольшая серия погребений квитянской культуры датированных радиоуглеродным методом (9 дат). Территориально ближайшим к

¹² Погребение I-2/2 опубликовано в рамках характеристики памятников квитянской культуры [Рассмакин 2000, рис. 27; Rassamakin 2004, S.16-17, Taf. 40].

¹³ Согласно данным Ю.Я. Рассмакина, в закладах лишь 7 из 335 квитянских погребений присутствовали антропоморфные стелы [Rassamakin 2004, Tab. B].

публикуемым погребениям является комплекс из Каменки-Днепровской 2/14, сопровождавшийся характерным каменным молотом (этап С/2 трипольской культуры), датированный C^{14} cal. 3370-3120 BC (68,2% prob.) [Рассамакин 2013, с. 18, табл.].

Погребения ямной КИО

Ямная культура представлена 15 погребениями, в 3 случаях над ними сооружены первые насыпи курганов (I-1/4, I-3/1, II-3/5), в двух курганах (I-2; II-3) ямные погребения были впущены в насыпи, возведенные над кватянскими погребениями. Основные погребения совершены в простых ямах, впускные – в ямах с уступом, оставленных чаще всего на уровне погребенного чернозема. В 4 случаях ямы были перекрыты камышом и деревом. В п. I-1/4 перекрытие из бревен было подвержено огню. Большинство ям имели прямоугольную в плане форму с закругленными углами, размеры их варьируют от 1,14×1 м до 1,9×1,5 м для взрослых погребенных. Одно погребение (II-3/12) представляло собой кенотаф, совершенный в яме с уступом, на котором находилась лопатка быка (?), а на дне ямы – пятна охры.

В семи погребениях обряд погребения представлен позами скорчено на спине, в пяти – скорченно на боку (в 4-х на правом, в 1-м на левом). Среди погребений со скорченными на боку скелетами – два парных погребения женщин с детьми. В двух погребениях с разрушенными скелетами поза не определена (I-2/4; I-3/4). Для погребений со скорченными на спине скелетами преобладает ориентировка в западном направлении (ЮЗ, З, СЗ), лишь в 2 случаях на СВ. Для погребений с позой скорченно на боку наоборот, более характерна ориентировка погребенных головой в восточном направлении (СВ, ЮВ) и лишь в одном случае на ЮЗ. Охрой чаще всего окрашены отдельные части скелета – череп, конечности. Изредка пятна охры обнаружены на дне ям. В п. I-1/4 в дне ямы устроено чашевидное углубление, заполненное красной охрой; комок охры фиолетового цвета обнаружен в п. II-3/8. В п. I-1/19 по периметру дна ямы оформлена канавка, а череп погребенного покоился на растительной подушке.

Согласно стратиграфическим наблюдениям в кургане I гр. I, после двух погребений со скорченными на спине скелетами совершено погребение в позе скорченно на боку. В северной насыпи длинного кургана погребение со скорченным на спине скелетом являлось основным (II-3/5), а в южной насыпи одно из погребений с аналогичной позой являлось первым впускным в энеолитический курган (II-3/9); последовательность остальных ямных погребений в этой насыпи не установлена. Можно предположить, что в к. 2, гр. I п. 7, совершенное в позе скорченно на спине и впущенное в центр курганной насыпи, являлось первым впускным в энеолитический курган, а п. 4 (разрушенное), находившееся на периферии насыпи – более поздним впускным. В кургане I-3 – все погребения (кроме разрушенного п. 4) содержали скорченные на боку скелеты.

Таким образом, эти немногочисленные данные не противоречат общей тенденции в развитии погребального обряда ямной культуры на территории Украины, как последовательной смены скорченного на спине, скорченным на боку положением. В данном случае можно говорить о двух хронологических группах погребений, имеющих заметные тенденции различий по основным обрядовыми признаками – позе скелета и ориентировке, а также по характеру инвентаря.

Распределение погребального инвентаря, в целом чрезвычайно бедного, характерно для ямной КИО Причерноморья. В группе погребений со скорченными на спине скелетами два погребения (подростка и ребенка) сопровождалось инвентарем. Одно из них (I-1/4) содержало кремневый отщеп и серебряную подвеску в 1,5 оборота, второе (II-3/9) – астрагалы. Из пяти погребений с позой скорченно на боку, три сопровождалось инвентарем (I-1/15; I-3/1; II-3/2): костяной проколкой, кремневыми проколкой и скребком, ожерельем из клыков псовых, сосудом. Еще один сосуд находился в погребении с разрушенным детским скелетом (I-2/4), совершенным на периферии курганной насыпи. Просверленные клыки

псовых (I-3/1) часто являются составными элементами костяных ожерелий, которые, как известно, типичны для комплексов рубежа РБВ-СБВ и обнаруживают, как и в нашем случае, устойчивую связь с погребениями детей, подростков (Николова и др. 2011, с. 154-155; Черных, Дараган 2014, с. 287-288, 300). Оба сосуда плоскодонные, относятся к разным модификациям распространенных в Поднепровье типов керамики, встречающихся в позднейших хронологических горизонтах. Один из них (I-1/15) имеет аналогии как в позднейших, так и раннекатакомбных комплексах по обе стороны Днепра, например – Баратовка 1/30, Железный Порт 1/19, Завадские Могилы 7/14 и др. [Петренко, Елагина 1968; Евдокимов и др. 1982; Bunjatian et al 2006]. Второй (I-2/4), имеет своеобразную черту – широкое, относительно высокое раструбное горло. Для степной зоны Северного Причерноморья горшки с раструбовидной шейкой не характерны, но они достаточно часто встречаются в ямных памятниках лесостепной зоны [Бунятян, Николова 2010].

В целом небольшая группа публикуемых погребений полностью вписывается в круг нижнеднепровских памятников ямной культуры Северного Причерноморья. Накопленная к настоящему времени база радиоуглеродных дат ямной КИО Поднепровья представляет достаточно широкий диапазон: cal. 2910-2460 BC [обсуждение см.: Николова и др. 2011], уточнить или дополнить который в нашем случае, при отсутствии радиоуглеродных данных, не представляется возможным.

Погребения катакомбной КИО

Следующий хронологический этап в исследованных курганах составляют 19 погребений катакомбной КИО. Большинство из них (13) было сосредоточено в к. I-1, еще 4 кургана содержали по 1-2 погребений. Соответственно, все они были впускными в насыпи предшествующего времени, преимущественно – ямной КИО, лишь в одном случае погребение III-3/6 было впущено в небольшую энеолитическую насыпь и сопровождалось досыпкой кургана. Судя по характерным признакам погребального обряда, катакомбные погребения представлены разными культурно-хронологическими группами.

Первая группа. Три погребения из одного кургана (I-1/6, 9, 18) совершены в Т-видных катакомбах с трапециевидными (в двух случаях) и прямоугольной входными ямами, с углублением-пандусом перед входом в камеру. Камеры в плане имеют трапециевидную, прямоугольную и овальную конфигурации, устроены в материковом грунте, в двух случаях прослежен уплощенный свод. Входное отверстие в камеру во всех случаях было закрыто заслоном из каменных плит. В катакомбах находились одиночные погребения, которые, судя по антропологическим определениям, в двух случаях принадлежали мужчинам средних лет, в одном (п. 6) – подростку 10-15 лет. Погребенные уложены на правом боку, скорченно, лицом ко входу, что, собственно, определило разные направления в их ориентировках – ЮВ, ЮЗ, С. Отмеченные признаки обряда соответствуют раннекатакомбному горизонту.

Любопытно отметить планировку погребений в кургане, которые были впущены в восточную часть насыпи кургана, располагаясь по дуге окружности с СВ на ЮВ, примерно на одинаковом расстоянии от центра кургана. У двух из них, расположенных на северном и южном краях “дуги”, камеры выведены по касательной к окружности насыпи – “против часовой стрелки” (пп. 9, 18). Катакомба № 6, находившаяся в центре “дуги”, была радиально направлена – камерой к центру кургана. Такая планировка, видимо, была определена какими-то нормами погребального ритуала, поскольку в Нижнем Поднепровье известны и другие курганы с подобной планировкой раннекатакомбных погребений. Причем в ряде случаев радиально расположенные погребения (одно или два-три) разделяли на две части дугу погребений, выведенных по касательной к окружности, но в разных направлениях – по и против часовой стрелки: Великая Александровка к. 1, Железный Порт к. 3, Подокалиновка к. 7, Владимировка к. 1 и др. [Веймарн, Ратнер 1962; Евдокимов и др. 1979; Евдокимов и др. 1982; Кубышев и др. 1981; Кубышев и др. 1986].

Отметим, что подростковое п. 6 выделялось не только расположением в кургане, но также наличием инвентаря и охры, отсутствовавших в двух других погребениях. В составе

инвентаря находились: копытце козы/овцы (традиционный атрибут в позднеямных и раннекатакомбных погребениях с детьми, подростками и женщинами), кремневый отщеп без следов дополнительной обработки, а также лепной сосуд. Сосуд принадлежит к довольно оригинальному типу керамики рубежа РБВ-СБВ – с вытянутой от широких плечиков к узкому дну нижней частью тулова. Близкие формы встречаются как в раннекатакомбных, так и в позднеямных погребениях Нижнего Поднепровья (Кут 8/6; Орджоникидзе, гр. Черной Могила 3/2; Облои 2/22; и др.).

Вторая группа. 12 погребений совершены в катакомбах с округлыми входными ямами и овальными камерами, в позе вытянуто на спине, что соответствует признакам ингульской катакомбной культуры. Большинство из них (8) было сосредоточено в к. I-1 (пп. 2, 5, 7, 8, 11, 13, 14, 16); еще в трех курганах находились 4 погребения (I-2/1, 5; I-3/3; III-3/6). 10 погребений располагались в восточной половине насыпей в пределах 0-180° курганного круга и только два из них находились в юго-западных секторах курганного круга (I-1/2; I-2/5). 9 катакомб имели радиальное направление – камерами к центру курганной насыпи (что характерно для ингульских погребений Поднепровья), и только три катакомбы располагались по касательной к окружности кургана – камеры были выведены в направлении “против часовой стрелки” (I-1/2, I-1/5) и “по часовой стрелке” (I-1/14). Поскольку погребенные в камере лежали головой направо от входного отверстия, то, в зависимости от расположения катакомб в курганах, преобладает южное направление ориентации, единичными случаями представлены северное, восточное и западное направления. В большинстве случаев отсутствовали признаки какого-либо заслона для входа в камеру. Только в п. I-2/5 (с сосудом, необычным для ингульской культуры) был сооружен заслон из каменных плит.

Большинство погребений были индивидуальными, содержали погребения взрослых индивидов, в одном случае – подростка (I-1/13). Судя по имеющимся антропологическим определениям, 4 погребения принадлежали мужчинам, 2 – женщинам. Два погребения были парными – содержали скелеты женщин с детьми: скелеты женщин лежали вытянуто на спине, скелеты годовалых детей – в скорченной позе на боку.

Габариты погребальных сооружений характеризуются определенными стандартами. Диаметры входных ям варьируют незначительно. Несколько больше варьируют размеры погребальных камер, которые имеют определенную тенденцию связи с половозрастным, а также, видимо, и социальным статусом погребенных. Так, минимальные размеры имела камера с погребением подростка (I-1/13) – 1,75×1,4 м. В камерах с размерами в пределах от 1,9×1 м до 2×1,2 м – находились захоронения женщин и парные погребения женщин с детьми. В камерах размерами от 2×1,4 м до 2,35×1,4 м – мужские скелеты, а также фрагменты выбранных скелетов. И, наконец, максимальные размеры погребальных камер – 2,5×1,3 м (III-3/6) и 2,8×1,6 м (I-2/1) связаны с мужскими захоронениями, имевшими неординарные элементы обряда и комплекс инвентаря – набор литейных инструментов (I-2/1), погребальная маска, полированный топор (III-3/6). В большинстве случаев зафиксированы обычные для ингульских погребений остатки ритуальных действий – наличие охры, чаще в виде пятен на дне или окраски отдельных частей скелета, реже – окраска всего скелета и всей площади дна камеры. В качестве более редких явлений отметим следы обмазки дна камеры зеленым глеем в одном из мужских погребений (I-1/2), а также наличие мела и следы огня в парных погребениях женщин с детьми (I-1/11; I-2/5).

Как отмечено, в трех погребениях скелеты были аккуратно разобраны в древности и вынесены (полностью или частично) из камеры, что, видимо, осуществлялось после полного или частичного разрушения мягких тканей. В одном из них (I-1/8) *in situ* остались кости ног погребенного, в двух других (I-1/14, 16) – мелкие кости скелета (ключица фаланги пальцев). В заполнении входной ямы одного из них (I-1/14) сохранились остатки погребального инвентаря – каменный терочник и астрагал быка. Учитывая отсутствие поломанных или разбросанных костей скелетов, едва ли в данном случае имело место ограбление, скорее

можно предположить особую форму специфических обрядовых действий, связанных, например, с разными этапами погребального обряда, разделенных во времени, включавших и перезахоронения [Кузьмин 1991]. Так, в разных культурно-хронологических группах катакомбной КИО известны катакомбы как с явно выбранными останками, так и с захоронениями т.н. “пакетов” – компактно сложенных костей человеческого скелета (иногда неполного). Останки, видимо, переносились в мешках, от которых иногда прослеживаются следы волокон или завязок. С.Н. Братченко, отмечая погребения с выбранными скелетами в Подонцовье, предполагает перенесение праха при миграциях, что известно по историческим данным¹⁴. Еще одним предположением могут быть действия пришельцев (иного рода-племени), занимавших территорию прежнего населения, которые могли освобождать могилы для своих умерших [Кузьмин 1991, с. 150]. В этой связи отметим еще одно погребение того же кургана (I-1/5), в заполнении входной ямы которого находились два каменных терочника и фрагменты керамического сосуда. Один из фрагментов этого сосуда выявлен в камере, а значительная часть его отсутствовала. Данное обстоятельство позволяет предположить, что скелет в камере являлся повторным захоронением в освободившейся катакомбе, в то время как останки первого были выбраны, инвентарь попал в заполнение ямы, а часть разбитого сосуда вместе с заполнением была сброшена в камеру.

Восемь погребений содержали предметы погребального инвентаря. Как отмечено, в двух из них предметы инвентаря находились в заполнении входных ям: каменные терочники, астрагал быка, фрагменты керамического сосуда. В остальных случаях погребальный инвентарь располагался в камерах. В одном погребении (I-1/2) в изголовье погребенного стояла истлевшая деревянная чаша. В трех – находились керамические плоскодонные сосуды. Сосуды (в т.ч. фрагментированный) представлены горшками с невысокой прямой шейкой и округлыми плечиками, различающимися пропорциями и стилем орнаментации. Два сосуда (I-1/5; I-3/3) по форме и орнаменту соответствуют многочисленным находкам в составе позднекатакомбных памятников на правом и левом берегах Нижнего Днепра. Причем, сосуд из п. I-3/3 с бедной орнаментацией отличался небрежным исполнением, грубо заглаженной поверхностью, что характерно для позднейших ингульских погребений, о чем косвенно свидетельствует и обособленное положение данного погребения в курганном могильнике. На сосуде из п. I-2/1 отметим синкретичные черты орнамента: где прочерченные линии в основании шейки, традиционные для позднекатакомбной керамики Поднепровья, обрамлены рядами оттисков треугольного штампа – т.е. элемента, более характерного для керамики Подонцовья. Наиболее оригинален сосуд из п. I-2/5, подобный по форме и орнаментации донецким “кубкам”. Его тулово в придонной части имеет заметный изгиб, образуя подобие короткого цилиндрического поддона. Богатая орнаментация, выполненная отпечатками тесьмы, воспроизводит стиль донецких сосудов, основу которой составляют концентрические круги по тулову с разделителями, выраженными V-видными фигурами. Дополнительными элементами декора выступают ряды косых оттисков гладкого штампа, перемежающиеся с рядами тесьмы по шейке. Вместе с тем, в отличие от тесьмы, присущей донецким сосудам (многорядной с тонкими прядями), орнамент на данном сосуде выполнен более грубой одинарной тесьмой с крупными прядями, т.е., по-видимому, представляет собой местную имитацию донецких кубков.

Неординарные ингульские комплексы. Особый интерес представляют два ингульских погребения, выделяющиеся характером инвентаря и деталями погребального обряда, большими габаритами погребальных сооружений (I-2/1; III-3/6).

Погребение I-2/1 является одним из 30 погребальных комплексов эпохи энеолита – ранней и средней бронзы, выявленных на территории Украины [Черных 2005, с. 296, рис. 1],

¹⁴ В частности, при заселении Слобожанщины из Правобережной Украины, мигранты забирали с собой не только скarb, семена и скот, но и покойников в гробах, надеясь на их помощь в освоении новых земель [Братченко 2004, с. 173].

в которых в том или ином сочетании находились предметы кузнечно-литейного инструментария. Большинство этих комплексов опубликовано в работах разных исследователей, девять из них, включая п. I-2/1, относящиеся к ингульской катакомбной культуре, выявлены в курганах низовой р. Ингульца, Нижнего Поднепровья, Присивашья и в низовьях р. Молочной. Предметы инструментария из п. I-2/1 имеют широкий круг аналогий в памятниках ранней-средней бронзы Средней и Восточной Европы.

Плавильная чаша с носиком-сливом и выступом-ручкой относится к типу 1 плавильных емкостей [Черных 2013]. Подобные разновеликие чаши известны в составе 13 катакомбных комплексов на территории Украины, а также в составе новотиторских погребений в Прикубанье [Гей 1986; Днепровский 1988], в погребениях средней бронзы на Ставрополье [Державин, Тихонов 1981; Нечитайло, Рунич 1985], в полтавских погребениях Нижнего Поволжья [Шилов 1959]. Фрагменты, видимо, подобных чаш происходят из материалов поселений в Нижнем Подонье: энеолитического – Константиновское [Кияшко 1994, с. 58-58]; эпохи средней бронзы – Ливенцовская крепость [Братченко 2012, с. 128-129; рис. 80, 5, 9]. Для большинства из них, так же, как и для чаши из п. I-2/1, отмечаются следы производственного употребления: глина прокалена, верхние (внутренние) края оплавлены, имеют губчатую структуру. На внутренней поверхности остаются следы белого налета – меловой обмазки для предотвращения прилипания металла к стенкам емкостей, а также капли окисленного металла. В ряде случаев проводились спектральные анализы капель окисленного металла со стенок чаш (Скачки; Малая Терновка 2/7; Васильевка 1/20), в результате которых было установлено, что в них плавил мышьяковую бронзу [Нечитайло, Рунич 1985; Кубышев, Черняков 1985; Черных, Плешивенко 1995]. Согласно устному сообщению Г.Л. Евдокимова, спектральные анализы капель окисленного металла со стенок плавильной чаши из Первомаевки были проведены в лаборатории ЛОИА РАН (В.А. Галибиным) и показали также следы мышьяковой бронзы¹⁵. Морфологические особенности таких чаш, характер следов производственного употребления, анализ величин объемов, позволяют заключить, что они использовались в циклах металлообработки: для плавления строго определенных порций металла и разливания его непосредственно в литейные формы – одну или несколько [Кубышев, Черняков 1985; Черних 1995; Черных 1997; Черных 2013].

Сопла являются наконечниками приспособлений для искусственного дутья. Принципиально сходные предметы эпохи палеометалла, кроме Северного Причерноморья, известны на широкой территории – на Балканах, в Средней Европе, на Северном Кавказе, на Среднем Дону и Нижней Волге [Шилов 1959; Пряхин и др. 1981; Нечитайло, Рунич 1985; Jockenhövel 1985; и др.). В ходе лабораторных и экспериментальных исследований установлено, что, во-первых, воздуходувные устройства являлись одним из наиболее важных инструментов в древнейшей металлургии, от конструкции которых зависел температурный режим в процессах плавления/выплавки металла и, соответственно, успех производственной операции [Агапов и др. 1989; Саврасов 2005]. Во-вторых, полагается вполне вероятной реконструкция воздуходувных устройств эпохи палеометалла как трубок с глиняными наконечниками, подобных изображениям на древнеегипетских погребальных рельефах. Предполагается, что такие приспособления, применявшиеся на ранних этапах развития металлургии в широком территориальном диапазоне, были связаны с плавлением малых порций металла в простейших процессах тигельной плавки или в плавильных печах ямного типа, где нагнетание воздуха производилось посредством дыхания легких [Jockenhövel 1985; Саврасов 2005].

По формально-типологическим признакам (форма воздуходувного канала) сопла из памятников Северного Причерноморья разделены на 4 группы [Черных 1997]: 1-я – с конусовидными каналами; остальные – с каналами, сужающимися уступом к узкому

¹⁵ К сожалению, таблицу спектральных анализов в архиве Г.Л. Евдокимова пока разыскать не удалось.

цилиндрическому выходному отверстию разной длины, соответственно – коротким (2-я), занимающим примерно середину длины сопла (3-я) и занимающим больше середины длины сопла (4-я). Сопла из п. I-2/1 относятся к 3-й и 4-й группам, а также различаются размерами. Отметим, что в ряде комплексов степных культур, как и в Первомаевке, представлены сопла разных размеров или с разными формами каналов (Луганск 3/16; Калиновка 8/42 в Нижнем Поволжье, и др.). Одно из сопел в п. I-2/1 – более короткое, по типу и размерам практически аналогично соплам из ингульских комплексов Васильева 1/20, Громовка 1/7, каменному соплу из погребения Каменка 2/7, а также одному соплу из полтавкинского погребения Калиновка 8/42 [Шилов 1959; Черных, Плешивенко 1995; Кубышев, Нечитайло 1991]. Второе (фрагмент), видимо, по форме канала близко соплу, происхождение которого связывают с пос. Дурна Скэля [Кубышев, Нечитайло 1991] или с пос. Михайловка [Коробкова, Шапошникова 2005, с. 222-223, рис. 117, 1], а также соплам из северокавказского погребения Скачки [Нечитайло, Рунич 1985], из полтавкинских комплексов Калиновка 8/42 (Шилов 1959) и Сурувикино [Цуцкин 1982]. Начатые экспериментальные исследования позволили установить разницу производственного эффекта между соплами с выходными каналами конусовидной и цилиндрической формы, связанного с определенным охватом пространства искусственного дутья и зоной максимальной температуры [Саврасов 2005]. Возможно, продолжение экспериментальных исследований позволит установить и различие производственного эффекта с применением сопел разных размеров и с разной длиной выходного цилиндрического отверстия.

Особенностью фрагментированного сопла являются такие редко встречающиеся детали формы, как валикообразное утолщение в основании со сквозным косым отверстием в нем, а также орнаментация. Так, утолщение стенок в основании сопел отмечалось на соплах в п. 2/7 Малая Терновка и в полтавкинском погребении у с. Калиновка Сурувикинского р-на на р. Чир [Кубышев, Черняков 1985; Цуцкин 1982], а косое отверстие в основании известно только на одном из сопел в п. 1/7 Громовка [Кубышев, Нечитайло 1991]. Значение этих деталей пока не выяснено. В то же время орнаментация сопел известна в широком территориальном и хронологическом диапазоне – например, отмечается для предметов из энеолитических комплексов на Балканах [Lichardus 1993, S. 82, Add. 30], в полтавкинских комплексах Нижнего Поволжья [Шилов 1959, Цуцкин 1982], в Таганском могильнике на Среднем Дону [Пряхин и др. 1991], в Северном Причерноморье – как в раннекатакомбных, так и в ингульских погребениях (Павловка 27/20; Красновка 36/20; Пришиб 1/9). При этом пока не известны предметы с орнаментацией других категорий кузнечно-литейного инструментария. Видимо орнаментация лишь одного из видов инструментария, подчеркивающая его особую важность в производстве и, возможно, олицетворявшим мужское (сильное) начало, была связана с существованием устойчивых культов, распространенных в рамках металлургического и литейного производства.

Литейная трапециевидная матрица относится к категории довольно многочисленных в комплексах ранней и средней бронзы Восточной Европы открытых (одностворчатых) литейных емкостей-изложниц с негативами разной формы (трапециевидной, овальной, вытянуто-овальной, округлой, квадратной). В том числе литейные формы с трапециевидными негативами известны в новотиторовском погребении Лебеди 3/10, в раннекатакомбных погребениях Пришиб 1/9 и Новоалексеевка 1/6, в ингульском погребении Малая Терновка 2/7, в полтавкинских погребениях Нижнего Поволжья и Приуралья Калиновский 8/42 и Изобильное 6/1. Относительно характера отливок в трапециевидных формах высказывались разные мнения. Так, при изучении матриц из Малой Терновки высказано предположение, что отливавшиеся разновеликие и разных форм слитки металла, ввиду сложности их кузнечной обработкой, а также определенного соответствия их величин, не являлись заготовками конкретных изделий, а служили “весовыми гирями” и эквивалентами обмена [Кубышев, Черняков 1985]. В то же время, учитывая несомненную близость трапециевидных негативов из новотиторовских погребений к параметрам тесел

новосвободненского типа, а из катакомбных погребений – к параметрам тесел привольненского типа, вполне правомерным представляется предположение, что в таких матрицах отливались заготовки конкретных изделий – тесел, подвергавшихся последующей кузнечной обработке [Шилов 1959; Гей 1986]. Отливка тесел в открытых литейных формах подтверждается металлографическими анализами по материалам усатовской культуры – некоторые тесла имели асимметричную форму плоскостей, сохраняющих с одной стороны конфигурацию дна литейной формы, что подобно и ряду орудий из степных северо-причерноморских и прикубанских памятников [Конькова 1979, с. 167-170]. Металлографическим анализом установлена техника изготовления тесла из ямного погребения у с. Бычок, которое было отлито в трапециевидной открытой форме, а затем весь корпус интенсивно был прокован “вгорячую” [Каменский 1990]. На наш взгляд, вероятная связь величин емкостей литейных форм с предполагаемым стандартом веса (?) или объема (?) не противоречит предположению, что в них отливались заготовки тех или иных изделий, производство которых несомненно было связано с учетом определенного количества металла, шедшим на их изготовление [Черных 1995; 2013].

О сфере применения каменных орудий – “песта” и “наковальни”, которые пока не подвергались специальным методам исследования, можно высказать ряд общих предположений на основании их морфологии, визуального осмотра поверхности и имеющихся аналогий. Так, орудия усеченно-конической или цилиндрической форм известны в 10 погребениях с литейным инструментарием из Северного Причерноморья, а также в погребениях Нижнего Поволжья, Предкавказья. В большинстве случаев для данной категории производственного инвентаря предполагается полифункциональное употребление – в качестве растиральных, кузнечных инструментов (молотков и подставок-наковаленок), абразивов, а отдельные орудия – наиболее массивные, с выщерблинами на торцевой части, связываются с функциями дробления и растирания руды [Шилов 1959, с. 27; Цуцкин 1982; Шаровская 1985; Гей 1986]. По форме, характеру обработки и следам износа на поверхности, орудия из Первомаевки практически аналогичными являются песты из ингульских погребений Васильевка 1/20, один из пестов из п. 1/11 у с. Каиры. Изучение следов микроизноса на “пестах” из этих погребений, произведенные Г.Ф. Коробковой также позволяют отнести их к категории полифункциональных, которые использовались и в кузнечных операциях, и для растирания красок [Кубышев, Нечитайло 1995, с. 87; Черных, Плешивенко 1995]. Не исключена вероятность такого же рода употребления и “песта” из Первомаевки.

“Наковальни” – орудия в виде куба, низкого цилиндра или параллелепипеда, с плоскими широкими параллельными основаниями известны в материалах Михайловского поселения, ряде погребений с литейными инструментами в Северном Причерноморье (Красновка 30/20, Пришиб II-1/38, Громовка 1/7, Павловка 27/20, Верхние Криницы 4/7). Эти орудия имеют разные размеры с величиной широкой площади от 4,5×4,5 см до 18×13 см, толщиной до 9 см. Рабочие плоскости орудий как правило хорошо зашлифованы. На серии орудий из Михайловского поселения по следам износа установлена их производственная дифференциация: наиболее крупные использовались для первичной грубой обработки металлических предметов; небольшие плиты с параллельными заглаженными плоскостями – для более тонкой и детальной обработки изделий (в том числе украшений), для раскатки листового металла [Коробкова, Шапошникова 2005, с. 195-209]. Предметы из катакомбных погребений, как правило, с тщательно отшлифованной поверхностью, иногда с участками легкой забитости, или со следами заточки, видимо, близки по функциям второй группе орудий Михайловского поселения. Плиты с рельефными выступами, кроме Первомаевки, находились еще в двух катакомбных погребениях [Павловка 27/20; Красновка 30/20], причем последняя особенно близка орудиям из Первомаевки по тщательности обработки поверхности и проработанным формам рельефа. На плите из Павловки отмечены следы слабой забитости в центре рабочей площадки в виде серии расположенных дугой насечек [Клюшинцев 1991].

Близкая картина следов изношенности на отдельных орудиях Мосоловского поселения связывается с операциями по обработке мелких ювелирных изделий [Килейников 1984, с. 115]. Плита с округлым углублением на зашлифованной поверхности (как на плите из Первомаевки) из могильника Веселая Роща определена как кузнечная матрица для изготовления тонких украшений полусферической формы [Шаровская 1985]. Таким образом, предварительно можно предположить, что фигурная плита из Первомаевки являлась наковальней, служившей для тонкой обработки готовых металлических изделий, возможно, для раскатки металлических пластин, и, в том числе, для формирования различных изгибов на изделиях.

Абразивные плитки из погребальных комплексов с кузнечно-литейным инструментарием в большинстве случаев характеризуются ровными зашлифованными широкими плоскостями, в отдельных случаях, как и в Первомаевке, с “кругло-сточенными” или “окатанными” краями, на которых часто следы износа визуально не фиксируются. Не исключена возможность применения таких орудий для шлифовки поверхностей крупных металлических изделий (топоров, тесел, ножей), а также каменных инструментов для металлообработки. Довольно часты в погребениях “литейщиков” также предметы из кремня, представляющие собой как отщепы без следов дополнительной обработки, так и орудия, для которых определяется различное функциональное употребление в рамках “традиционных” видов производств – обработки дерева, кости, кожи, кремнеобработки, изготовления керамики и т.п., в том числе скребки (напр., Каиры 1/11; Громовка 1/7; Лебеди 3/10) [Гей 1986; Березанская, Кравец 1989; Кубышев, Нечитайло 1991]. Широкий спектр функциональной атрибуции для кремневых орудий не исключает их отношения к процессам, связанным с медно-бронзовым производством – к операциям по подготовке условий, средств производства, различных приспособлений из камня, кости, глины, дерева и др.

Таким образом, набор инвентаря из п. I-2/1 представляет собой металлообрабатывающие циклы производства, связанные с плавлением металла, литьем готовых изделий и кузнечной обработкой. Любопытно отметить, что в Первомаевке, как и в ряде других погребальных комплексов с набором металлопроизводственных орудий, наблюдается обособленное расположение керамического и каменного инструментария (Красновка 30/20, Воскресенка 3/3, Бирюково 6/3, Каиры 1/11, Павловка 27/20, Веселая Роща 3/3). Три четко разграниченными скоплениями располагался производственный инструментарий в одном из наиболее “богатых” производственных наборов – в новотиторовском погребении Лебеди 3/10. По предположению А.Н.Гея, эти скопления соответствовали различным циклам производственной деятельности – дроблению и растиранию руды, плавильно-литейному и шлифовально-заточечному циклам [Гей 1986]. Характерное расположение производственного инвентаря в погребениях, так же, как и орнаментация сопел, указывают на преемственность и сохранение специфических традиций и культов в среде мастеров-металлургов эпохи ранней–средней бронзы Восточной Европы, т.е. являются элементами субкультуры металлопроизводства [Бочкарев 2010, с. 46].

Отметим еще один любопытный момент. В к. I-2 находилось только два ингильских погребения – мужчины 25-35 лет с комплектом литейного инструментария, и женщины 25-30 лет с ребенком. Как отмечено выше, сопровождавшие сосуды из этих погребений имели черты, присущие донецкой керамике, особенно сосуд из п. 5. Принимая во внимание существующие предположения о родственных связях однокультурных захоронений, совершенных в одном кургане, можно допустить, что эти погребенные относились к семье, имевшей явное отношение к донецким культурным традициям. Данное обстоятельство представляется в определенной мере парадоксальным, поскольку в типологии ряда наиболее массовых категорий металлического инвентаря (ножи, шилья), влияния восточных центров металлообработки имеют весьма слабые проявления [Черных 2012; 2013].

В погребении III-3/6 представлен один из наиболее ярких образцов обычая моделировки лицевой части черепа погребенных. “Маска” передает мужское лицо с

сомкнутыми веками и реалистично исполненным крупным горбатым носом, т.е. относится к типу “антропоморфных” масок, очевидно, передающих индивидуальные черты лица покойного [Отрощенко, Пустовалов 1987; 1991; Новикова, Шилов 1989]. Большинство научных публикаций, посвященных данному феномену в погребальных обрядах степных культур ранней–средней бронзы (раскраске или моделированию черепов) приходится на 80-е – перв. полов. 90-х гг. XX в., что приурочено к поступлению новых, относительно многочисленных находок из новоостроечных экспедиций и первичному анализу накопленного материала. Большинство погребений с моделированными черепами (по опубликованным данным – более 100) происходят из погребений ингульской катакомбной культуры Северного Причерноморья и Приазовья. Вместе с тем, положение о хронологическом приоритете ингульских масок [Пустовалов 1999; 2005], вызывает серьезные возражения. Более правомерной представляется точка зрения о развитии данного обряда в среде степных культур, генетически восходящего к эпохе ранней бронзы, о чем свидетельствуют находки раскрашенных и моделированных черепов, как в ямных, так и в раннекатакомбных погребениях [Санжаров 1986; Шишлина 1987; Новикова, Шилов 1989; Марина 1990; Евдокимов 1990; Тесленко 1996]. Археологические, этнографические и исторические источники свидетельствуют о распространении подобных погребальных обрядов в широком территориальном и хронологическом диапазонах, которые представляют широкий спектр возможностей для аналогий в интерпретации их идеологической основы и семантики [Новикова 1991; и др.]. Поэтому среди разных аспектов изучения такого рода погребений у носителей степных культур эпохи бронзы, кроме культурной атрибуции комплексов, определения их ареала, классификации, высказывались неоднозначные и дискуссионные точки зрения о семантике и интерпретации данных обрядов, подробный анализ которых требует отдельной темы исследования, невозможной в рамках данной публикации.

Следует обратить внимание и на неоднозначность заключений относительно реконструкции самого процесса манипуляций над телом умершего при изготовлении “масок”, что в конечном счете является основой для реконструкции погребального обряда, а также последующих социальных реконструкций. Особый интерес вызывают отверстия в черепной коробке погребенных (в нашем случае – три отверстия в теменной части черепа). В ряде работ В.В. Отрощенко и С.Ж. Пустовалова на основании “наблюдений” утверждается положение об искусственном отделении головы от тела погребенного (производившемся не всегда) и последующей искусственной мацерации черепа. Имеющиеся в ряде случаев отверстия в черепной коробке пробивались, по их мнению, для извлечения мозга, который в иных случаях извлекался через расширенное основное отверстие черепа [Отрощенко, Пустовалов 1987, с. 147; Отрощенко, Пустовалов 1991, с. 59, 74; Пустовалов 1991 с. 45-47]. Напротив, антропологом Е.И. Даниловой при изучении моделированного черепа из катакомбного погребения 25 в к. 1 у с. Целинного с отверстиями в районе лобных костей сделан вывод о прижизненной трепанации, как предполагается, с лечебной целью [Данилова, Корпусова 1981]. Об этом свидетельствует большая осторожность выполнения отверстий, выраженная в производстве очень мелких последовательных срезов стенок при наклонной постановке режущего края инструмента, что позволяет избежать травмы и отслоения в полость черепа его хрупкой внутренней пластинки. А главное – здесь наблюдались следы регенерационного процесса. Кроме того, на “маске” отмечались следы негативных отпечатков “многих мягких частей”, а по состоянию останков погребенного в целом предполагалась возможность либо захоронения частично скелетированного трупа, либо перезахоронения не полностью отмацерированного скелета, голова которого еще до перезахоронения была покрыта маской [Данилова, Корпусова 1981, с. 167]. Некоторые уточняющие выводы были сделаны по результатам судебно-медицинской экспертизы черепов из Железного Порты, Волчанска, а также из публикуемого погребения III-3/6, изложенные Г.Л. Евдокимовым [Евдокимов 1990]. Здесь отмечается, что маски накладывались на черепа, лишённые мягких тканей; но черепа отделялись от скелетов после

естественной мацерации, происходившей, например, при условии пребывания трупа в открытой катакомбе. Также следствием естественной мацерации являлось удаление мягких тканей черепа. Отверстия в черепной коробке являлись следствием прижизненного врачебного вмешательства – хирургической трепанации [Евдокимов 1990]. О возможности хирургических трепанаций с глубокой древности свидетельствуют антропологические исследования черепов эпохи мезолита и неолита [Гойхман 1966; Гохман 1966, с. 24-25]. Следует отметить, что упомянутая статья Е.И. Даниловой и В.Н. Корпусовой представляет едва ли не единственное (для находок моделированных черепов в катакомбных погребениях) подробное описание специальных наблюдений в качестве аргументации предложенных выводов. Результаты судебно-медицинской экспертизы, выводы которой изложены Г.Л. Евдокимовым, к сожалению, не опубликованы¹⁶. В большинстве случаев о каких-либо специальных экспертизах не сообщается.

При публикации погребений с раскраской или моделировкой черепов неоднократно отмечались признаки “социальной значимости” погребенных, причем в ингульских погребениях усматривают представителей высшей касты катакомбного общества [Пустовалов 2005, с. 89-94]. Но, судя по публикациям, ингульские погребения с моделированными черепами, по наличию признаков “социальной значимости” весьма неоднородны, как, впрочем, и другие катакомбные погребения. Наряду с комплексами, содержащими богатый (для бронзового века) или социально-значимый инвентарь, например, чаши, каменные топоры, кремневые наконечники стрел и др. [Отрощенко, Пустовалов 1991], имеются погребения с бедным инвентарем или вовсе безинвентарные; среди них есть основные и впускные погребения, с относительно большими и относительно небольшими размерами погребальных сооружений [Кубишев, Пустовалов 2002]. В то же время знаки социального престижа, власти, имеют многочисленные ингульские погребения без моделированных черепов. “Избирательный” подход к обряду моделирования в ряде случаев объясняется вредоносной магией покойника, страхом перед ним, связанным либо с его прижизненной болезнью [Данилова, Корпусова 1981, с. 168], либо с прижизненным влиятельным положением [Санжаров 1986; Шишлина 1987], определявшими нежелательное возвращение его души в мир живых.

Представляется, что п. III-3/6 вносит новые сложности в проблемы интерпретации данного обряда. Отметим его явно обособленное положение в Первомаевском могильнике, отдельное от ингульских погребений, сосредоточенных в к. гр. I. Оно было единственным из числа публикуемых однокультурных погребений, впущенным в небольшую энеолитическую насыпь с возведением досыпки, и единственным катакомбным погребением в кургане. Его особый статус подчеркивается большими, чем у “рядовых” погребений, габаритами погребальной камеры (хотя и меньшими, чем у погребения литейщика), а также наличием каменного полированного топора в инвентаре. Наиболее близкой аналогией последнему является топор из ингульского захоронения, также с моделированным черепом, у с. Заможного 1/8 [Отрощенко, Пустовалов 1991, с. 72-73, рис. 15], которое также было единственным, и, видимо, основным в небольшом кургане. Однако наконечник стрелы из п. III-3/6 нельзя отнести к категории инвентаря, поскольку он торчал между грудиной и ребром погребенного, т.е., находился в теле умершего. По форме этот наконечник относится к типу А-II,3 по классификации С.Н. Разумова – овалных очертаний, с глубокой выемкой в основании и загнутыми внутрь шипами-усиками, который характерен практически исключительно для ингульских комплексов [Разумов 2010, с. 8-9; Razumov 2011, p. 70, II. 1; p. 202, fig. 20]. Отметим, что аналогичный наконечник находился и в катакомбе 25 к. 1 у с. Целинного, но рядом с погребенным. По наблюдениям С.Н. Разумова, единичные наконечники стрел в погребениях, даже если они находились не среди костей скелета, а

¹⁶ К сожалению, в палеоантропологических фондах Института археологии НАНУ череп из публикуемого погребения обнаружить не удалось.

положены рядом, не являлись погребальным инвентарем, а были извлечены из тела. Для погребения у с. Целинного данное положение вполне оправдано. Как отмечено выше, по состоянию костяка предполагается захоронение частично скелетированного трупа, подтверждающегося тем обстоятельством, что нижняя часть скелета (таз и ноги) была перевернута вокруг позвоночного столба на 180°, т.е. передней частью вниз, а хрупкие кости скелета были обмотаны стеблями растений. Таким образом, в обоих случаях наконечники стрел, видимо, являлись причинами ранения или смерти индивидов, причем полученными от “соплеменников”! Т.е. имеющиеся на сегодняшний день варианты интерпретации, связанные с обрядом моделирования черепов погребенных можно расширить. В числе предположений, видимо, не исключены и такие варианты, как жертвоприношение, перезахоронение мумифицированных останков, а также и существование субэтнических (враждующих?) групп внутри ингульского сообщества. Разрешение таких вопросов требует не только статистического анализа, но и всестороннего глубокого изучения конкретных памятников.

Третья группа. Три погребения (I-1/12; II-3/10; II-3/11) совершены в катакомбах с округлой ямой и овальной, относительно небольшой камерой (2,0×1,4; 1,9×1,2 м; 1,6×0,8 м) и скорченными на боку скелетами. Во всех случаях входная яма частично нависала над камерой. Угол согнутых ног скелетов в тазобедренных суставах – от тупого до прямого; в коленях – от прямого до острого. К сожалению, погребения безинвентарные. Но, судя по позе скелетов, данные погребения отражают деструктивные процессы ингульских погребальных традиций, вызванные интенсивными подвижками населения на позднем этапе развития катакомбной КИО. Керамические сосуды из погребений с подобными признаками в обряде (Малая Лаурка 22/16; Шевченко 28/7, 29/1; Шахты 3/3; Барвиновка 7/22; Белозерка 8/7; Новая Маячка 4/1; и др.) представлены неорнаментированными горшками с округлыми плечиками, плоскодонными мисками с прямыми стенками, банковидными сосудами с валиком в верхней трети тулова, сосудами ломанного профиля, в том числе с широкими ребристыми плечиками и валиками в основании шейки и по плечикам. Погребения со скорченной позой, содержавшие такого рода керамику, выделяются в качестве позднейших среди катакомбных комплексов в курганах Поднепровья, Крыма, Приазовья, т.е. в качестве памятников переходного этапа, являвшихся важнейшей составной сложения культурного круга Бабино [Братченко 1977, с. 40-41; Ковалева 1983, с. 20; Братченко, Шапошникова 1985, с. 418; Николова, Бунятян 1991; Тошев 2007, с. 137; Литвиненко 2004; 2009, с. 23-25; Черных, Дараган 2014, с. 312-314]. В группах позднейшего этапа катакомбной КИО, встречаются погребения с неординарной позицией рук: согнутых в локтях, когда одна или обе руки направлены кистями к лицу или поперек грудной клетки, или же одна рука отведена в локте от корпуса – Плющевка 1/31; Барвиновка 7/22; Новая Маячка 4/1; Белозерка 8/7; Шевченко 28/2, 28/7, 29/1; и др. [Никитин, Снитко 1985; Пустовалов 2001; Евдокимов и др. 2010; Николова и др. 2011; Черных, Дараган 2014; и др.]. Принадлежность к ним, на наш взгляд, подтверждает позиция рук одного из публикуемых погребений данной группы (II-3/11) – правая рука, согнутая под прямым углом, в локте отведена от корпуса, кисть на тазе; левая – согнута под острым углом в локте, предплечье уложено поперек грудной клетки.

Особо в плане культурно-хронологической проблематики следует обратить внимание на п. I-1/10, совершенное в катакомбе, соответствующей признакам и стандартам ингульской культуры, с позой погребенного на правом боку, слабо-скорченно, сопровождавшегося деревянной чашей. Обычно погребения с подобными признаками (округлая яма, овальная камера, скелет в слабо-скорченной позе) традиционно рассматриваются в рамках ингульской или днепро-азовской культур, при выделении которых не отмечалось как наличия четких территориальных границ, так и ясных различий в обрядности и инвентаре [Братченко, Шапошникова 1985, с. 412-417]. Отметим, что п. I-1/10 перекрывало раннекатакомбное п. I-1/9 и выделялось среди ингульских погребений кургана расположением – более коротким радиусом от центра кургана. При характеристике катакомбных погребений Поднепровья уже акцентировалось внимание на ряде случаев, где прослеживается определенная

стратиграфическая позиция некоторых погребений со слабоскорченной позой, перекрывающих раннекатакомбные погребения, и, в свою очередь, перекрытых ингульскими погребениями с вытянутой позой скелетов [Николова и др. 2011, с. 157; Черных, Дараган 2014, с. 315-316]. Кроме уже приводившихся примеров прямой стратиграфии с подобными погребениями, отметим практически аналогичный публикуемому случай в к. 2 у с. Бургунка, где входная яма раннекатакомбного погребения 7 была перекрыта входной ямой и частично камерой п. 8 с округлой входной ямой и овальной камерой, со слабоскорченным скелетом на правом боку [Евдокимов и др. 1981]. Еще одной аналогией такого рода пересечения являются пп. 19«а» и 19«б» в к. 16 у с. Брилевка, где раннекатакомбное п. 19«а», совершенное в Т-видной катакомбе, перекрыто входной ямой погребения 19«б» со слабоскорченным на правом боку скелетом. Входная яма погребения 19«б» не прослежена, поскольку полностью вписывалась в заполнение входной ямы погребения 19«а» [Евдокимов и др. 1985]. Представляется, что указанные случаи ставят на повестку дня вопросы уточнения культурно-хронологической позиции подобного рода погребений, разрешение которых требует анализа массового материала.

Таким образом, представленный материал в основных чертах соответствует характеристике памятников катакомбной КИО Поднепровья, а также вносит новые нюансы в плане изучения ряда специальных вопросов. К сожалению, радиоуглеродные данные для публикуемых погребений отсутствуют, поэтому при их датировке можно указать лишь на общий диапазон дат, полученных по данным сопредельных территорий. При всей неоднозначности имеющихся ¹⁴C дат в междуречье Днепра и Молочной, неоднократно обсуждавшихся в литературе, радиоуглеродные даты раннекатакомбных памятников относительно компактно укладываются в 28-24 вв. до н.э. В свою очередь, памятники донецкой и ингульской культур, согласно ¹⁴C датам, охватывают диапазон 25-19 вв. до н.э. [Николова, Рассемакин 2009, с. 42-43; Кайзер 2011, с. 22-25; Николова и др. 2011; Черных, Дараган 2014, с. 317]. При этом крайне актуальной остается проблема наложения диапазонов калиброванных значений радиоуглеродных дат для памятников ямной и раннекатакомбной культур, которая требует пристального внимания и проведения новых целенаправленных исследований, а даты для катакомбных памятников позднейшего периода практически отсутствуют.

Погребения бабинского культурного круга

Представлены 8 захоронениями, впущенными в насыпи четырех курганов (I-1/17, 1/20; I-3/5; II-3/6, 3/14; III-3/1, 3/5, 3/8). Пять погребений совершены в ямах, три – в катакомбах с параллельным сопряжением входных ям и погребальных камер. Погребенные уложены в скорченном положении на боку, в четырех случаях – на правом, в четырех – на левом, и ориентированы в пределах ЮВ сектора (В, ЮВ, Ю)¹⁷. Позы скелетов имеют некоторые различия по положению рук и степени скорченности. В п. II-3/6, совершенном в катакомбе, скелет лежал спиной ко входу в камеру. Камеру п. III-3/5 закрывал деревянный заклад. В п. I-1/20 на дне обнаружено пятно охры и мел, в п. III-3/1 – камышовая подстилка, в п. III-3/8 на дне прослежены остатки растительной подстилки. В четырех захоронениях находился инвентарь: сосуды и костяные пряжки. Керамика представлена одним целым сосудом (II-3/6) и фрагментом придонной части (III-3/1). Оба они представляют собой распространенные в памятниках конца средней бронзы формы. Так, сохранившийся сосуд представлен характерным для бабинского круга памятников типом: “трехчастный” – с выраженным ребром и расширенной сверху горловиной. Только в катакомбах (I-3/5, III-3/5) находились костяные пряжки, представленные типом 3о по классификации Р.А. Литвиненко (с овальным желобчатым щитком и дополнительным отверстием).

¹⁷ Плохо сохранившееся безинвентарное п. III-3/8 отнесено к памятникам бабинского круга ориентировочно именно на основании позы и ориентировки скелета.

По совокупности признаков погребального обряда публикуемые погребения относятся к днепро-днестровскому варианту Днепро-Прутской бабинской культуры – ДПБК (Литвиненко 2009, с. 8), о чем свидетельствует их территориальное расположение и сочетаемость разных типов погребальных сооружений. Хронологическим репером для публикуемых погребений являются костяные пряжки типа 3о, указывающие на достаточно поздний характер комплексов – 2 этап ДПБК, по Р.А. Литвиненко (Литвиненко 2009, с. 13-14). В настоящее время получено несколько ¹⁴С дат для погребений с такого типа пряжками, согласно которым подобные погребения могут быть отнесены к XIX-XVII вв. до н.э. [Николова, Разумов 2012, с. 106-107].

Погребения срубной КИО

Одну из наиболее поздних позиций в стратиграфии публикуемых курганов занимают 9 погребений срубной КИО, выявленные в 4-х курганах (I-1/1, 3; II-3/1, 3, 4; III-1/1, 2, 3; III-3/4). В трех из них прослежены насыпи, возведенные над срубными погребениями, подтверждающие активизацию в строительстве курганов позднебронзового времени в Поднепровье, для которого характерно развитие новых сложных форм курганных насыпей. В двух случаях имела место достройка курганов ранней бронзы над погребениями срубной КИО, которые приобретают вытянутую форму (так наз. “длинные” курганы) двух типов [Отрощенко 1976]. Так, длинный курган 1-го типа образовался в результате достройки кургана 1 гр. I с западной стороны над п. 3. Длинный курган 2-го типа (II-3) образовался в результате досыпки-перемычки, возведенной над п. 3 и объединившей два рядом стоявших кургана РБВ в один. Впускные погребения в длинных курганах имели определенную организацию планировки – вдоль длинной оси произведенной срубной досыпки. Еще один курган (III-1) являлся могильником срубной КИО, содержащим два основных (пп. 1, 2) и одно впускное (п. 3) срубные погребения. Округлая на момент раскопок насыпь кургана была сильно распахана и растянута, поэтому ее первоначальная форма не известна.

Погребальные сооружения, устроенные в прямоугольных или трапециевидных ямах, различаются по степени сложности. Так, в пяти погребениях представлены различные ящичные конструкции. Причем наиболее сложные из них представлены в погребениях, над которыми сооружены достройки насыпи, связанные с образованием “длинных курганов”. В яме п. I-1/3 был установлен каменный ящик с перекрытием, внутри которого находилась деревянная ящичная конструкция с настилом. На дне ямы п. II-3/3 установлена деревянная конструкция в виде рамы с перекрытием из досок и камыша, а сверху на уровне впуска яму перекрывали массивные колоды, уложенные по длинной оси ямы. В двух основных погребениях 1 и 2 кургана III-1 на дне ям были устроены конструкции в виде одновенцового сруба, причем в одном из них (п. 2) прослежено перекрытие сруба обожженными досками, уложенными по длинной оси ямы. Возможно, подобная же конструкция была устроена и во впускном п. 3 данного кургана, где по периметру ямы прослежены остатки деревянных плах. Наиболее простые погребальные сооружения зафиксированы для четырех впускных погребений. В двух из них имелось только перекрытие могильной ямы из деревянных плах, причем в одном (I-1/1) плахи, покрытые сверху растительным тленом, были уложены по длинной оси ямы, а во втором (III-3/4) – поперек. В одном случае была зафиксирована лишь придонная часть почти прямоугольной в плане ямы (II-3/4) без признаков перекрытия, у п. II-3/1 – яма, устроенная в насыпи (грунт перемычки), не была прослежена.

Все погребения содержали индивидуальные погребения взрослых с однотипными позами – на левом боку в позе адорации, с ориентацией головой на СВ или В, в некоторых случаях с небольшим отклонением к ЮВ. Погребальный инвентарь (в основном керамические сосуды) присутствовал в большинстве погребений (7), причем в п. III-3/4 находились два сосуда: один стоял на перекрытии ямы, второй – у черепа погребенного. В п. I-1/3, кроме сосуда, находились 3 астрагала. Керамика довольно однообразна, представлена плоскодонными сосудами баночного типа с широкой горловиной, преимущественно приземистых пропорций, различающихся некоторыми деталями формы.

Четыре сосуда имеют более или менее выпуклые (слегка округлые) стенки тулова. Три из них – чаши-миски приземистых пропорций (3-1/1; 1-1/1, 3-1/3), один – узко-вытянутый (1-1/3). Три сосуда (II-3/3; III-3/4) имеют выраженное широкое ребро в верхней трети тулова, стенки нижней части тулова прямо расширены к ребру, верхняя треть тулова – с легким изгибом к горловине, диаметр которой практически равен диаметру тулова по ребру. Такую же форму мог иметь сосуд из п. II-3/1, судя по его сохранившейся нижней части. У некоторых сосудов дно выделено закраиной. Поверхность большинства сосудов покрыта приглаженными или грубыми расчесами. Только два сосуда орнаментированы (1-1/1, 3-3/4). В обоих случаях орнамент размещен горизонтальным фризом, заполняя пространство от горловины до места максимальной ширины тулова; выполнен отпечатками шнура или оттисками палочки с веревочной намоткой. Судя по стилю изображений, обе орнаментальные схемы можно отнести к третьей группе знаковой системы срубной КИО, для которой характерны асимметричные композиции из ряда геометрических фигур, выстроенные с определенной ритмичностью [Захарова 1995].

Черты погребального обряда и керамический комплекс данной группы погребений обнаруживают ее принадлежность к памятникам бережновско-маевской срубной культуры (БМСК), очаг формирования которой находился в степном междуречье Днепра и Северского Донца [Отрошенко 1994; 2001; 2002]. Описанная группа соответствует базовым признакам БМСК: наличие длинных курганов, ящичных гробниц в элитных погребениях, восточное направление в ориентации погребенных, присутствие в инвентаре керамических сосудов. Принимая во внимание устойчивую позу погребенных на левом боку, присутствие в инвентаре острорезервных чаш-мисок, данную группу погребений, видимо, следует отнести к раннему горизонту этой культуры [Отрошенко 2001, с. 158, 277, мал. 31]. Как и в предшествующих случаях, данные радиоуглеродного датирования для публикуемых погребений отсутствуют. Пакет радиоуглеродных дат, полученных для семи погребений БМСК на противоположном, левом, берегу Днепра, соотнесенных с поздним периодом, показывают диапазон Sum cal. 1610-1250 BC (68,2% probability) или 1700-1050 BC (95,4% probability), что, видимо, отвечает всему периоду БМСК. Из них наиболее корректными для позднего периода являются даты для двух погребений, показывающие диапазон cal. 1380-1120 BC (68,2% probability) [Черных, Дараган 2014, с. 325]. Однако хронологическое разграничение ранних и поздних памятников БМСК нуждается в дальнейшем уточнении.

Погребения не определенные

В число перечисленных культурных групп не включены впускные погребения I-2/6; III-3/2 и III-3/3, культурная принадлежность которых в рамках эпохи бронзы не определена. От одного из них (I-2/6), находившегося в насыпи кургана, сохранились только остатки разрушенного скелета с неясной позой. Погребение III-3/2, совершенное в трапециевидной яме, частично разрушило п. 1 бабинской культуры. Скелет лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на ЮЗ, руки согнуты в локтях, кисти у лицевой части черепа, который отсутствовал. Погребение III-3/3 – частично разрушенное и единственное, впущенное в некотором отдалении от центра данного кургана, где были сосредоточены все остальные погребения эпохи энеолита – поздней бронзы. Судя по сохранившимся деталям, оно было совершено в прямоугольной яме, скорченно на левом боку, головой на СЗ и сопровождалось фрагментом бруска из песчаника. Т.е. оба погребения из к. III-3, на наш взгляд, могут быть отнесены к эпохе бронзы в пределах довольно широкого хронологического периода – от финала эпохи средней бронзы до финала поздней бронзы.

Таким образом, публикуемые материалы в определенной мере расширяют представления о памятниках энеолита – поздней бронзы Нижнего Поднепровья, их особенностях в рамках отдельных культурно-хронологических групп. Представляется, что определенную роль они могут сыграть в изучении разных аспектов развития отдельных крупных культурных образований степной зоны Восточной Европы.

Черних Л.А., Ніколова А.В.

КУРГАНИ ДОБИ ЕНЕОЛІТУ – БРОНЗИ У с. ПЕРВОМАЇВКА НА ХЕРСОНЩИНІ

У статті публікуються результати польових досліджень шести курганів з трьох курганних груп поблизу с. Первомаївка Херсонської обл. Кургани було розкопано Краснознаменською експедицією ІА АН УРСР в 1981 р. (кер. Г.Л. Євдокимов). Загалом у курганах відкрито 57 поховань різних культур пізнього енеоліту – бронзової доби. Найбільш ранніми є три поховання постмаріупольської/квітнянської культури, найпізнішими – поховання бережнівсько-маївської зрубної культури. В рамках сумарної характеристики поховального обряду виділено однокультурні групи поховань та проаналізовано їхню стратиграфічну позицію. Особливу увагу приділено двом надзвичайним похованням інгульської катакомбної культури. В одному з них (III-3/6) знайдено один з найкращих зразків моделювання лицьової частини черепа небіжчика. Поховальна маска передає чоловіче обличчя з заплученими віями і реалістично виконаним великим горбатим носом, що підтверджує гіпотезу про моделювання індивідуальних рис обличчя небіжчика. Поховання супроводжувалось кам'яною шліфованою сокирою. Серед кісток небіжчика знайдено кременевий наконечник стріли. Друге поховання (I-2/1), з набором ковальсько-ливарницького реманенту, є одним з 30 поховальних комплексів доби енеоліту – ранньої та середньої бронзи на терені України зі знаряддями металовиробництва. Аналіз набору (плавильна чаша, ливарна форма, дві фурми, товкач, ковадло, точило) вказує на їх належність до різних циклів металообробки, пов'язаних з плавленням металу (миш'якової бронзи), литтям металевих (бронзових) виробів, ковальською обробкою. Набір з поховання Первомаївка I-2/1 є одним з найяскравіших подібних комплексів інгульської культури.

Ключові слова: Нижня Наддніпрянина; енеоліт, бронзовий вік; культури ямна, катакомбна, бабинська, зрубна; курган, поховання, стратиграфія, моделювання лицьової частини черепа, ковальсько-ливарницький інструментарій.

Chernykh L.A., Nikolova A.V.

ENEOLITHIC AND BRONZE AGE KURGANS NEAR THE VILLAGE OF PERVOMAEVKA, THE KHERSON REGION

This article presents results of excavations of six kurgans from three kurgan groups near the village of Pervomaevka in the Kherson region. Excavations were undertaken in 1981 by the Krasnoznamenskaia expedition (Leader – G.L. Evdokimov) of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. In total, there were discovered 57 graves of different cultures belonged to the late Eneolithic and Bronze Age periods. The earliest group includes three graves of the post-Mariupol/Kvitianska culture, and the latest group – graves of the Berezhnovskaia-Maevskaia Timber Grave culture. Authors analyze specific features of burial rites and stratigraphic distribution of the graves within the same cultural groups, as well as between different cultural formations. A special attention has been paid to the two exceptional graves of the Ingulskaia culture. One of them (III-3/6) represents one of the most striking examples of skull modeling. The burial mask reproduces a man's face with closed eyelids and the large hooked nose. Executed in a realistic manner, it confirms a hypothesis that the mask reflects the individual features of the deceased's face. A flint arrowhead was found in the chest area of the deceased. The burial was accompanied by a stone axe. The second burial (I-2/1) contained a set of founding tools, and is one of the thirty burial assemblages of the Eneolithic and early-mid Bronze Age discovered on the territory of Ukraine, where the objects related to blacksmithing and metalworking were found in various combinations. An analysis of the founding assemblage (the melting bowl, mold, nozzle, pestle, anvil, and the abrasive slab) showed that it is comprised out of items connected to the cycles of metalworking, such as cosmelting the metal (arsenic bronze), moulding, and blacksmith refinement, and represents one of the unusual assemblages of this kind in the Ingulskaia culture.

Keywords: Lower Dnieper region, mound, barrow burial, stratigraphy, archaeological cultures of the Eneolithic and Bronze Age, skull modeling, blacksmithing tool.

Список источников и литературы

Агапов С.А. Моделирование процессов древней плавки меди / С.А. Агапов, С.В. Кузьминых, С.А Терехин // Естественно-научные методы в археологии. – М., 1989. – С. 100-108.

- Березанская С.С.** О металлургическом ремесле племен донецкой катакомбной культуры / С.С. Березанская, Д.П. Кравец // Первобытная археология. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 156-168.
- Бочкарев В.С.** Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы. (По материалам южной половины Восточной Европы) / В.С. Бочкарев // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб., 2010. – С. 45-51.
- Братченко С.Н.** К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) / С.Н. Братченко // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 21-42.
- Братченко С.Н.** Катакомбная культурно-историческая общность / С.Н. Братченко, О.Г. Шапошникова // Археология Украинской ССР: в 3 т. – Т. 1. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 403-419.
- Братченко С.Н.** Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н.е. та майдани / С.Н. Братченко // МДАСУ. – № 2. – Луганськ: Вид-во Суну, 2004. – С. 65-190.
- Братченко С.Н.** Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века / С.Н. Братченко. – К.: Издательский дом Скиф, 2012. – 307 с.
- Бунятян К.П.** Курганы ямной культуры на трипільських поселеннях Доброводи і Тальянки / К.П. Бунятян, А.В. Ніколова // Археологія і давня історія України. – К., 2010. – Вип. 2. – С. 34-51.
- Веймарн Е.В.** Отчет о раскопках кургана у с. Каланчак Херсонской области по Открытому листу № 57 в 1962 г. / Е.В. Веймарн, И.Д. Ратнер. – НА ИА НАНУ. – № 1962/166.
- Гей А.Н.** Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья / А.Н. Гей // Археологические открытия на новостройках. Материалы работ Северо-Кавказской экспедиции. – Вып. 1. – М., 1986. – С. 13-32.
- Гойхман В.А.** О трепанации черепа в эпоху мезолита / В.А. Гойхман // Вопросы антропологии. – 1966. – № 23. – С. 111-118.
- Гохман И.И.** Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк) / И.И. Гохман. – М., 1966. – 197 с.
- Данилова Е.И.** Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму / Е.И. Данилова, В.Н. Корпусова // СА. – 1981. – № 1. – С. 163-170.
- Державин В.Л.** Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье / В.Л. Державин, Б.Г. Тихонов // СА. – 1981. – № 3. – С. 252-258.
- Днепровский К.А.** Погребение ремесленника из Чернышевского-І курганного могильника в Адыгее / К.А. Днепровский // Медные рудники Западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения: тез. докл. Башкапсарского полевого археолог. семинара. – Сухуми, 1988. – С. 39-40.
- Евдокимов Г.Л.** Отчет о раскопках курганов в Херсонской области Краснознаменной новостроечной экспедицией по Открытому листу № 125/73 в 1979 году / [Г.Л. Евдокимов, А.В. Николаева, Ю.Я. Рассамакин, О.В. Битковский]. – НА ИА НАНУ. – № 1979/7.
- Евдокимов Г.Л.** Отчет о раскопках курганов в Херсонской области Краснознаменной новостроечной экспедицией по Открытому листу № 127/31 в 1981 году / Г.Л. Евдокимов, А.Г. Поруцкий, Я.П. Гершкович. – НА ИА НАНУ. – № 1981/21.
- Евдокимов Г.Л.** Отчет о работе Краснознаменной новостроечной экспедиции в Херсонской области по Открытому листу № 125/31 в 1982 году / Г.Л. Евдокимов, Я.П. Гершкович, А.Г. Поруцкий. – НА ИА НАНУ. – № 1982/9.
- Евдокимов Г.Л.** Отчет Краснознаменной экспедиции ИА АН УССР о раскопках курганов по Открытому листу № 125/38 в Херсонской области в 1985 г. / Г.Л. Евдокимов, Я.П. Гершкович, А.Г. Поруцкий. – НА ИА НАНУ. – № 1985/2.
- Евдокимов Г.Л.** Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка / Г.Л. Евдокимов // Древнейшие скотоводы юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 107-126.
- Евдокимов Г.Л.** Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине / Г.Л. Евдокимов, М.И. Фридман // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987. – С. 85-115.
- Евдокимов Г.Л.** Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины / Г.Л. Евдокимов, Ю.Я. Рассамакин // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. – К., 1988. – С. 79-92.
- Евдокимов Г.Л.** К вопросу о черепаха-масках из погребений эпохи ранней и средней бронзы степной зоны Украины / Г.Л. Евдокимов // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тез. докл. всесоюзного семинара. – Запорожье, 1990. – С. 18-20.
- Евдокимов Г.Л.** Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине / Г.Л. Евдокимов, М.И. Фридман // Курганы степной Скифии. – К., 1991. – С. 72-97.

Евдокимов Г.Л. Курганы Херсонщины / Г.Л. Евдокимов, Н.А. Данилко, С.Ж. Пустовалов // Проблемы охраны и изучения памятников археологи степной зоны Восточной Европы. – Луганск, 2010. – С. 137-171.

Захарова Е.Ю. Знаковые системы на сосудах срубной культуры Донецко-Донской лесостепи / Е.Ю. Захарова // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: матер. украинско-российского полевого археологического семинара. – Луганск, 1995. – С. 30-32.

Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья / Э. Кайзер // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 15-27.

Каменский А.Г. Результаты спектрального и металлографического исследований металлических предметов из памятников эпохи бронзы с территории Молдовы / А.Г. Каменский // Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. – Кишинев, 1990. – С. 247-258.

Килейников В.В. Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения / В.В. Килейников // Эпоха бронзы Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж, 1984. – С. 108-123.

Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э. / В.Я. Кияшко // Донские древности. – Вып. 3. – 1994. – 130 с.

Клюшинцев В.Н. Погребение литейщика на реке Ингулец / В.Н. Клюшинцев // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1991. – С. 254-261.

Ковалева И.Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины) / И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск, 1983. – 107 с.

Ковалева И.Ф. Зеленогайский комплекс антропоморфной пластики: культовая принадлежность и семантика / И.Ф. Ковалева // Курганы энеолита-бронзы в Криворожском течении Ингульца. – Днепропетровск, 2003. – С. 102-127.

Конькова Л.В. Металлографическое исследование металлических изделий из памятников усатовского типа / Л.В. Конькова // Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. – К., 1979. – С. 161-178.

Коробкова Г.Ф. Поселение Михайловка эталонный памятник ямной культуры / Г.Ф. Коробкова, О.Г. Шапошникова. – СПб., 2005. – 314 с.

Кубышев А.И. Отчет о работах Херсонской экспедиции Института археологии АН УССР по Открытому листу № 125/24 в 1981 г. в п.г.т. Великая Александровка, с. Староселье Велико-Александровского района, с. Соленое (Атманай II) Генического района, Херсонской области и у сс. Владимировка, Юрьевка, Малая Терновка, Волчанск Акимовского района Запорожской области / [А.И. Кубышев, В.В. Дорофеев, Ю.А. Шилов, И.Т. Черняков, О.В. Битковский, В.В. Сердюков, Н.П. Шевченко]. – НА ИА НАНУ. – № 1981/19.

Кубышев А.И. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры / А.И. Кубышев, И.Т. Черняков // СА. – 1985. – № 1. – С. 39-54.

Кубышев А.И. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской, Запорожской областях УССР в 1986 году / [Ю.В. Болтрик, А.В. Симоненко, Е.Е. Фиалко, С.А. Куприй, Н.В. Ковалев, Г.И. Лысенко]. – НА ИА НАНУ. – № 1986/13.

Кубышев А.И. Центры металлообрабатывающего производства Азово-черноморской зоны (к постановке вопроса) / А.И. Кубышев, А.Л. Нечитайло // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1991. – С. 6-21.

Кубышев А.И. Новые комплексы ремесленников эпохи бронзы из Нижнего Поднепровья / А.И. Кубышев, А.Л. Нечитайло // Хозяйство древнего населения Украины: в 2 ч. – Ч. 2: Ремесла и промыслы древнего населения Украины. – К., 1995. – С. 229-242.

Кубышев А.И. Модельовані черепи інгульської культури з пониззя р. Молочної / А.И. Кубышев, С.Ж. Пустовалов // Наукові записки. – Т. 20-21: Теорія та історія культури. – К.: Видавничий дім “КМ Академія”, 2002. – С. 53-65.

Кузьмин Н.Ю. Ограбление или обряд? / Н.Ю. Кузьмин // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб., 1991. – С. 146-155.

Литвиненко Р.О. Західна периферія бабинського осередку культурогенези / Р.О. Литвиненко // Проблемы истории и археологии Украины: матер. V междунар. науч. конф. – Харьков, 2004. – С. 16-17.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня докт. іст. наук: спец. 07.00.04 – “Археологія” / Ін-т археології НАНУ. – К., 2009. – 32 с.

- Марина З.П.** Погребения ямной культуры с масками / З.П. Марина // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: тез. докл. конф. – Луганск, 1990. – С. 83-84.
- Нечитайло А.Л.** Новое звено в системе контактов Украины и Кавказа в эпоху бронзы / А.Л. Нечитайло, А.П. Рунич // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1985. – С. 72-90.
- Никитин В.И.** Отчет сектора охраны памятников археологии при Николаевском краеведческом музее об охранных раскопках курганной группы I у с. Плющевка Баштанского района Николаевской области по Открытому листу № 125/81 в 1985 году / В.И. Никитин, И.А. Снитко. – НА ИА НАНУ. – № 1985/36.
- Николова А.В.** Погребение мастера с Никопольщины / А.В. Николова, Е.П. Бунятян // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1991. – С. 128-136.
- Николова А.В.** Глиняная модель “колыбельки” из Каланчака и некоторые вопросы хронологии ранней и средней бронзы Днепро-Донецкого региона / А.В. Николова, Ю.Я. Рассемакин // *Tyragetia*, s.n. – Vol. III [XVIII]. – Nr. 1 – Chişinău, 2009. – С. 31-58.
- Николова А.В.** Курганы эпохи бронзы в низовьях Днестра и Ингульца (по материалам Краснознаменной экспедиции) / А.В. Николова, Л.А. Черных, Г.Л. Евдокимов // МДАСУ. – 2011. – № 11. – С. 96-163.
- Николова А.В.** Бабинські поховання Сугоклійської могили (м. Кіровоград) / А.В. Ніколова, С.М. Разумов // Археологія. – 2012. – № 3. – С. 96-108.
- Новикова Л.А.** Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы (Херсонская область) / Л.А. Новикова, В.П. Шилов // СА. – 1989. – № 2. – С. 127-135.
- Новикова Л.А.** Маска в культуре / Л.А. Новикова // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб., 1991. – С. 11-44.
- Отрощенко В.В.** Конструктивные особенности длинных курганов Нижнего Поднепровья / В.В. Отрощенко // Открытия молодых археологов Украины. – К., 1976. – Ч. 1. – С. 16-18.
- Отрощенко В.В.** О двух линиях развития культур племен срубной общности / В.В. Отрощенко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. докл. конф. – Запорожье, 1994. – Вып. II. – С. 150-153.
- Отрощенко В.В.** Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – К., 2001. – 287 с.
- Отрощенко В.В.** Історія племен зрубної спільності: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня докт. іст. наук: спец. 07.00.04 “Археологія” / Ін-т археології НАНУ. – К., 2002. – 33 с.
- Отрощенко В.В.** Моделирование лица по черепу у племен катакомбной общности / В.В. Отрощенко, С.Ж. Пустовалов // Религиозные представления в первобытном обществе: тез. докл. конф. – М., 1987. – С. 146-149.
- Отрощенко В.В.** Обряд моделирования лица по черепу у племен катакомбной общности / В.В. Отрощенко, С.Ж. Пустовалов // Духовная культура древних обществ на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 59-84.
- Петренко В.Г.** Отчет об археологических раскопках, произведенных Ингульской скифо-степной экспедицией в 1968 году / В.Г. Петренко, Н.Г. Елагина. – НА ИА НАНУ. – № 1968/54.
- Пряхин А.Д.** Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев, В.И. Беседин. – Воронеж, 1991. – 19 с.
- Пустовалов С.Ж.** Культ черепов и социальная структура катакомбной общности / С.Ж. Пустовалов // Древняя история населения Украины. – К., 1991. – С. 45-49.
- Пустовалов С.Ж.** Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры / С.Ж. Пустовалов // *Stratum plus*. – Кишинев; СПб.; Одесса, 1999. – № 2. – С. 222-255.
- Пустовалов С.Ж.** Комплекс курганов №№ 7, 8, 9 Довгой Могилы у села Барвиновка Запорожской области // ССПК. – 2001. – Вып. IX. – С. 115-138.
- Пустовалов С.Ж.** Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я / С.Ж. Пустовалов. – К.: Шлях, 2005. – 411 с.
- Разумов С.М.** Крем'яні вироби населення Надчорномор'я доби ранньої та середньої бронзи (за матеріалами поховань): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.04 – Археологія / Ін-т археології НАНУ. – К., 2010. – 19 с.
- Рассемакин Ю.Я.** Квитянская культура: история и современное состояние проблемы / Ю.Я. Рассемакин // *Stratum plus*. – № 2. – СПб.: Кишинев, 2000. – С. 117-177.
- Рассемакин Ю.Я.** Поховання квітнянської культури в контексті абсолютної хронології / Ю.Я. Рассемакин // Археологія. – 2013. – № 4. – С. 17-40.

Саврасов А.С. Сопла эпохи бронзы Евразии – источник для реконструкции технологии металлопроизводства / А.С. Саврасов // Проблемы гирничой археологии: матер. II-го международного Картамисского польового археологического семинару. – Алчевськ, 2005. – С. 261-267.

Санжаров С.Н. Некоторые аспекты исследования катакомбных комплексов с моделировкой лица из донецкого Приазовья / С.Н. Санжаров // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. докл. научно-практич. семинара. – Донецк, 1986. – С. 20-22.

Тесленко Д.Л. Ритуальная раскраска черепа в погребениях ямной культуры / Д.Л. Тесленко // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. международной конф. – Донецк, 1996. – С. 28-30.

Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы / Г.Н. Тощев – Запорожье: Изд-во ЗНУ, 2007. – 303 с.

Цуцкин Е.В. К истории металлообработки срубных племен / Е.В. Цуцкин // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста, 1982. – С. 93-99.

Черних Л.А. Визначення вагової системи доби бронзи Північного Причорномор'я / Л.А. Черних // Археологія. – 1995. – № 4. – С. 117-131.

Черных Л.А. Погребение литейщика катакомбной культуры у г. Васильевка / Л.А. Черных, А.Г. Плешивенко // Хозяйство древнего населения Украины: в 2 ч. – Ч. 2: Ремесла и промыслы древнего населения Украины. – К., 1995. – С. 243-257.

Черных Л.А. К проблеме функциональной интерпретации сопел и плавильных емкостей из комплексов степных АК позднего энеолита – средней бронзы / Л.А. Черных // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: матер. 3-го укр.-рос. польового археологического семинару. – К.; Вороніж; Перевальськ, 1997. – С. 50-55.

Черных Л.А. О возможности использования медно-рудных источников Донбасса в период энеолита, ранней и средней бронзы / Л.А. Черных // Проблемы гирничой археологии: матер. II-го міжнар. Картамисского польового археолог. семинару. – Алчевськ, 2005. – С. 293-306.

Черных Л.А. Бронзовые ножи из памятников катакомбной КИО Украины (классификация по выборке предметов – предварительные итоги) / Л.А. Черных // Проблемы гирничой археологии: матер. VIII-го міжнар. Картамисского польового археолог. семинару. – Алчевськ, 2011. – С. 23-79.

Черных Л.А. Стержневидные орудия (“шилья”) из памятников ранней и средней бронзы степных культур Украины (опыт морфологической характеристики) / Л.А. Черных // Проблемы гирничой археологии: матер. IX-го міжнар. Картамисского польового археолог. семинару. – Алчевськ, 2013. – С. 39-63.

Черных Л.А. О производственной специфике плавильных емкостей эпохи средней бронзы (по материалам степных культур Северного Причерноморья) / Л.А. Черных // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: матер. междунар. полевой научной конф. – Ульяновск, 2013. – С. 169-185.

Черных Л.А. Курганы эпохи энеолита – бронзы междуречья Базавлука, Соленой, Чертомлыка / Л.А. Черных, М.Н. Дараган. – К.; Берлин, 2014. – 565 с.

Шаровская Т.А. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща / Т.А. Шаровская // СА. – 1985. – № 2. – С. 224-227.

Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье / В.П. Шилов // МИА. – 1959. – № 60. – С. 11-38.

Шишлина Н.И. Кермен-толгинская маска эпохи бронзы / Н.И. Шишлина // Религиозные представления в первобытном обществе: тез. докл. конф. – М., 1987. – С. 167-169.

Bunjatjan K. Bronzezeitliche Bestattungen aus dem Unteren Dneprgebiet / Katerina P. Bunjatjan, Elke Kaiser, Alla V. Nikolova // Sriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 8. – Beier und Beran; Langenweissbach, 2006. – 298 S.

Jockenhövel A. Bemerkungen zur Verbreitung der Alter bronzezeitlichen Ton düsen in Mitteleuropa / Albrecht Jockenhovel // Frühbronzezeitliche befestigte Siedlungen in Mitteleuropa. – Wedawnictwa Uniwersytety Warszawskiego, 1985. – S. 196-205.

Lichardus J. Das Grab von Reka Devnja (Nordostbulgarien). Ein Beitrag zu den Beziehungen zwischen Nord- und Westpontikum in der frühen Kupferzeit / Jan Lichardus, Marion Lichardus-Itten // Saarbrücker Studien und Materialien zur Alttertumsrunde. – 2. – Sonderdruck. – Bonn, 1993. – 98 S.

Rassamakin Ju.Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit / Ju. Ja. Rassamakin // Archäologie in Eurasien, 17. – Teil II. – Mainz, 2004. – 277 S.

Razumov S.M. Flint Artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200 – 1600 BC (Based on Burial Materials) / S.M. Razumov. – Baltic-Pontic Studies. – Vol. 16. – 2011. – 325 p.